

В. П. СТАРИНИН

◊
ЭФИОПСКИЙ
ЯЗЫК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт народов Азии

**ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ**

*Серия основана
проф. Г. Л. Сердюченко*

В. П. СТАРИНИН

ЭФИОПСКИЙ ЯЗЫК

ОЦИФРОВАНО А. ШАШКО, 2009 ©

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1967.

Редколлегия

В. М. Солнцева (председатель), *И. А. Дворянков*,
Н. А. Лисовская (ученый секретарь), *Ю. Я. Плам*,
Г. Д. Санжеев

В книге содержатся сведения о письме и фонетике эфиопского языка, краткий грамматический очерк и образец текста с переводом. Кроме того, автор рассказывает о территориальном распространении эфиопского языка, основных этапах развития, о важнейших памятниках литературы, о месте этого языка среди других родственных ему языков.

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия «Языки народов Азии и Африки» основана в 1959 г. проф. Г. П. Сердюченко, под общей редакцией которого было выпущено 75 очерков, вызвавших большой интерес среди советских и зарубежных читателей.

После смерти Г. П. Сердюченко публикация серии продолжается под руководством редакционной коллегии.

Очерки, составляющие серию, посвящены описанию либо конкретных языков стран Азии и Африки, либо языков прошлого, сыгравших большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока. Ряд очерков содержит характеристику отдельных языковых групп.

Очерки, публикуемые в настоящей серии, предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, а также для преподавателей и студентов восточных филологических и исторических факультетов высших учебных заведений. Они могут оказаться полезными для читателей, интересующихся общим языкознанием или изучающих отдельные восточные языки. Для того чтобы читатели могли лучше ориентироваться в серии, помещаем список вышедших очерков.

1959 г.

Юшманов Н. В., *Амхарский язык.*

1960 г.

Андронов М. С., *Тамильский язык.*

Дворячков Н. А., *Язык пушту.*

Дмитриев Н. К., *Турецкий язык.*

Дорофеева Л. Н., *Язык фарси-кабули.*

Зюграф Г. А., *Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала.*

Иванов В. В., Топоров В. Н., *Санскрит.*

Катенина Т. Е., *Язык хинди.*

Мазур Ю. Н., *Корейский язык.*

Мячина Е. Н., *Язык суахили.*

Наджиб Э. Н., *Современный уйгурский язык.*

- Насилов В. Н., *Язык орхон-енисейских памятников.*
Петруничева З. Н., *Язык телугу.*
Рубинчик Ю. А., *Современный персидский язык.*
Санжеев Г. Д., *Современный монгольский язык.*
Смирнова М. А., *Язык хауса.*
Солицев В. М., Лекомцев Ю. К., Мхитарян Т. Т., Глебо-
ва И. И., *Вьетнамский язык.*
Теселкин А. С., Алиева Н. Ф., *Индонезийский язык.*
Тодаева Б. Х., *Монгольские языки и диалекты Китая.*
Толстая Н. И., *Язык панджаби.*
Фельдман Н. И., *Японский язык.*
Фролова В. А., *Белуджский язык.*

1961 г.

- Бабакаев В. Д., *Ассамский язык.*
Горгониев Ю. А., *Кхмерский язык.*
Коростовцев М. А., *Египетский язык.*
Коротков Н. Н., Рождественский Ю. В., Сердюченко Г. П.,
Солицев В. М., *Китайский язык.*
Курдоев К. К., *Курдский язык.*
Охотина Н. В., *Язык зулу.*
Морев Л. Н., Плям Ю. Я., Фомичева М. Ф., *Тайский язык.*
Рерих Ю. Н., *Тибетский язык.*
Секхар Ч., Глазов Ю. Я., *Язык малайлам.*
Сердюченко Г. П., *Чжуанский язык.*
Теселкин А. С., *Яванский язык.*
Шарбатов Г. Ш., *Современный арабский язык.*
Яковлева И. П., *Язык ганда (луганда).*

1962 г.

- Андронов М. С., *Язык каннада.*
Дымшиц З. М., *Язык урду.*
Соколов С. Н., *Авестийский язык.*

1963 г.

- Аракин В. Д., *Мальгашский язык.*
Завадовский Ю. Н., *Арабские диалекты Магриба.*
Иванов В. В., *Хеттский язык.*
Катенина Т. Е., *Язык маратхи.*
Маун Маун Ньун, Орлова И. А., Пузицкий Е. В., Тагунова
И. М., *Бирманский язык.*
Насилов В. М., *Древнеуйгурский язык.*
Оранский И. М., *Иранские языки.*
Пашков Б. К., *Маньчжурский язык.*
Тенишев Э. Р., *Саларский язык.*

Теселкин А. С., *Древнеяванский язык (жави)*.
Шифман И. Л., *Финикийский язык*.
Яковлева В. К., *Язык йоруба*.

1964 г.

Вентцель Т. В., *Цыганский язык (северно-русский диалект)*.

Выхухолов В. В., *Сингальский язык*.
Еланская А. И., *Коптский язык*.
Карлушкин Б. М., *Язык ория*.
Липин А. А., *Аккадский язык*.
Меликишвили Г. А., *Урартский язык*.
Санжеев Г. Д., *Старописьменный монгольский язык*.
Токарская В. П., *Язык малинке (мандинго)*.
Церетели К. Г., *Современный ассирийский язык*.

1965 г.

Андронов М. С., *Дравидийские языки*.
Аракин В. Д., *Индонезийские языки*.
Герценберг Л. Г., *Хотаносакский язык*.
Дьяконов И. М., *Сетитохамитские языки*.
Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н., *Язык пали*.
Ефимов В. А., *Язык афганских хазара (якау-лангский диалект)*.

Королев Н. И., *Язык непали*.
Павленко А. П., *Сунданский язык*.
Савельева Л. В., *Язык гуджарати*.
Сегерт Ст., *Угаритский язык*.
Эдельман Д. И., *Дардские языки*.
Юань Цзя-хуа, *Диалекты китайского языка*.
Яхонтов С. Е., *Древнекитайский язык*.

1966 г.

Бауэр Г. М., *Язык южноаравийской письменности*.
Быкова Е. М., *Бенгальский язык*.
Егорова Р. П., *Язык синдхи*.
Крус М., Шкарбан Л. И., *Тагальский язык*.
Расторгуева В. С., *Среднеперсидский язык*.
Тенишев Э. Р., Тодаева Т. Х., *Язык желтых уйгуров*.

Редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Центр, Армянский пер., 2, Главная редакция восточной литературы, издательства «Наука», редакция серии «Языки народов Азии и Африки».

ОТ АВТОРА

Особенность построения предлагаемого очерка заключается в том, что в качестве примеров, как правило, берутся предложения, словосочетания, слова и морфемы, содержащиеся в тексте, приложенном к очерку (третья глава эфиопского перевода книги Бытия). В необходимых случаях после примера дается ссылка на номер стиха и номер слова в прилагаемом тексте. Это дает возможность читателю убедиться в том, что приведенный пример охарактеризован в очерке в соответствии с его значением в меньшем или в большем контексте. При переводе на русский язык каждая лексема привязана к слову или словосочетанию эфиопского оригинала: если порядок и число слов в обоих текстах разные, то установлению адекватности помогает нумерация, которая исходит из членения эфиопского текста.

Эфиопские слова, анализируемые в очерке, разделены на морфемы вертикальными черточками. Одна и та же форма, одно и то же слово, один и тот же тип словосочетания разбирается в разных местах очерка с разных точек зрения, что постепенно подготавливает читателя к пониманию и анализу приложенного текста. Но для части читателей может оказаться более приемлемым начать с чтения и анализа текста (в транскрипции и с дословным переводом). В этом случае сам очерк будет восприниматься как систематизированный комментарий к тексту. При обоих вариантах мы стремились дать читателю возможность самому оценить явления эфиопского языка, представленные в очерке. Удалось ли это нам и насколько, покажет будущее.

Благодарю товарищей по работе, сделавших свои замечания по прочтении очерка: Г. Ш. Шарбатова, Ю. Н. Завадовского, Е. М. Быкову, А. Г. Белову, Т. Я. Елизаренкову. Благодарю также проф. С. Стрельцына (Варшава), проф. К. Г. Церетели (Тбилиси), А. Б. Долгопольского (Москва), поделившихся со мной своими соображениями по отдельным вопросам.

В. П. Старик

ВВЕДЕНИЕ

1. Эфиопский язык — это язык эпиграфических и литературных памятников IV—XX веков н. э., распространенных на территории современной Эфиопии. В настоящее время этим языком пользуется преимущественно церковь, причем религиозные тексты снабжаются переводом на государственный язык Эфиопской империи — амхарский. По своему происхождению эфиопский язык представляет собой один из аравийских диалектов, получивший самостоятельное развитие со времени переселения его носителей из Южной Аравии на территорию современной Эфиопии. Народ, для которого эфиопский язык был родным, назывался *ge'ez* (в русской практической транскрипции должно быть «гез», а не «геез» и не «геэз», как это принято писать); отсюда другое название этого языка: «язык геза» (*лесана гез*) или просто «гез». Семитские языки, на которых говорили переселенцы из Аравии в начале нашей эры, впоследствии разошлись в двух направлениях: северо-эфиопские: эфиопский (= гез), тигре и тигринья (= тиграй) и южноэфиопские: амхарский, харари, гофат, аргобба и гураге.

Все семитские языки Эфиопии подверглись влиянию своих кушитских соседей, но не в одинаковой степени; большее воздействие кушитские языки оказали на своих ближайших соседей — южные языки Эфиопии, меньшее — на северные и наименьшее — на эфиопский. Это происходило не только в силу географических причин, но и вследствие большей литературной отработанности геза: к X—XI вв. этот язык перестал быть обиходным, затем он был вытеснен амхарским языком и из официальной государственной жизни, хотя как язык литературы и науки дожил до начала XX в. Естественно, что с момента, когда гез перестает употребляться в устной форме, воздействие на него кушитских и кушитизированных языков становится все более ограниченным¹.

¹ Особое место занимает смешанный амхарско-эфиопский язык историко-политических произведений (*лесана тарих*), который возник в XVII в. вследствие недостаточной литературной отработанности амхарского языка.

2. Общепринятое деление семитских языков Эфиопии на северные и южные дает лишь ответ на вопрос о степени их фонетической, морфологической, синтаксической и лексической близости между собой. Незнание истории современных семитских языков Эфиопии позволяет сравнивать эти языки с мертвым эфиопским только на основе их теперешнего состояния, вероятно, весьма далекого от того состояния, в котором они находились в эпоху создания первых письменных памятников языка гез (IV в. н. э.). Таким образом, в настоящее время нельзя с полной достоверностью ответить на вопрос о том, как шла дифференциация языка переселенцев из Аравии на их новой африканской родине. В частности, неизвестно, шло ли развитие семитских языков Эфиопии параллельно с самого начала их существования на новом месте или же они развились из диалектов геза. Необходимо отметить, что на протяжении истории эфиопского языка, засвидетельствованной памятниками, не встречается никаких данных, которые бы указывали на то, что этот язык делился на диалекты.

3. За пределами Эфиопии наиболее близкими к гезу семитскими языками являются оба арабских, т. е. древний северный арабский язык, непосредственный предшественник классического арабского языка, и южноарабский. Отношения между северным и южным арабским языками еще недостаточно установлены, во-первых, потому, что древнейшие памятники последнего относятся к VIII в. до н. э., а первого — к IV в. н. э., а во-вторых, и в основном потому, что все южноарабские памятники написаны без обозначения гласных. При этом они представлены только в надписях, несравненно более скудных по лексике и морфологии, чем богатейшая литература классического арабского языка, начинающаяся с Корана и доисламской поэзии. Сравнение же с современными южноарабскими диалектами в их теперешнем состоянии ненадежно, так как они проделали, вероятно, такой же или еще больший путь развития, что и диалекты североарабские, которые, как известно, отошли от древнеарабского достаточно далеко. Таким образом, можно с несомненностью объединить оба древних арабских языка и эфиопский (гез) в одну группу, но сказать, к какому из древних арабских более близок эфиопский, трудно, если основываться только на внутренних языковых фактах. Судить же о большей близости эфиопского языка к южноарабскому на основании близости их алфавитов, разумеется, нельзя. Североарабский, южноарабский и эфиопский языки принято включать в южную группу западных семитских языков. Этой группе противостоит северная, включающая ханаанские (древнееврейский, финикийский и пунический) и арамейские, из которых наиболее известны библей-

ско-арамейский и сирийский. Наконец, все перечисленные семитские языки вместе — в качестве западной ветви семитских языков — противопоставляются аккадскому языку с его ассирийским и вавилонским диалектами, который представляет собой восточную семитскую ветвь. Недостаточная изученность угаритского языка, открытого в конце 20-х годов текущего столетия, не позволяет определить его место достаточно четко среди других семитских языков².

4. По эфиопскому языку существует довольно большая литература. Изданы исчерпывающие каталоги (см. № 1)³ как крупных, так и небольших рукописных собраний, имеется фундаментальная грамматика А. Дильмана (№ 9, 10) и не менее фундаментальный словарь того же автора (№ 12), который к тому же в отличие от аналогичных арабских словарей уделяет много места сопоставлениям с другими семитскими языками; изданы основные памятники эфиопской литературы (см. в №№ 1, 6, 7, 22), а некоторые из них со всесторонними исследованиями. Казалось бы, при этих условиях можно было бы создать если не историю эфиопского языка, то по крайней мере его историческую грамматику, тем более что число памятников эфиопской письменности не идет ни в какое сравнение с гораздо более обширной литературой, например, классического арабского языка. Однако достаточно хотя бы поверхностно ознакомиться с основными условиями развития эфиопского языка и ближе присмотреться к источникам, чтобы убедиться, что при всей значительности сделанного этого недостаточно для сколько-нибудь систематического и цельного исторического изучения эфиопского языка.

4. 1. Первый период эфиопской письменности — аксумский (по названию государства) охватывает IV—VII века н. э. Он представлен, во-первых, надписями на стелах, сохранившимися в Северной Эфиопии и повествующими о походах аксумских царей, и, во-вторых, переводами с греческого книг Ветхого и Нового заветов с большим числом апокрифов, монастырского устава Пахомия, сборника проповедей и христианских учений отцов церкви и известного во всей средневековой Европе «Физиолога».

Текст библейских книг, язык которых во все эпохи эфиоп-

² Марсель Коэн (M. Cohen) в «Les langues du monde», Paris, 1952, pp. 99, 104—106) относит его к промежуточному звену между восточной и западной группой. Москати (S. Moscati, *Lezioni di linguistica semitica*, Roma, 1950, p. 10) относит угаритский к северо-западным языкам до их распада на ханаанские и арамейские (ср. также Ст. Сегерт, *Угаритский язык*, М., 1965). Последнее кажется более правдоподобным, чем отнесение этого языка к ханаанским, как это делал в 30-х и 40-х годах (Флейш).

³ Номера в скобках соответствуют номерам в библиографии, приложенной к очерку (стр. 118—119).

ской литературы служил образцом для всех ее жанров, пересматривался впоследствии неоднократно, приспособляясь к тексту, употреблявшемуся коптской церковью в Египте (эфиопская церковь — дочернее учреждение коптской монофизитской церкви, и из Египта посылались в Эфиопию митрополиты, епископы и миссионеры). Затем наступает эпоха нашествия беджа (бедауйе) и наступления ислама на молодую христианскую культуру. От этой эпохи не сохранилось никаких памятников вплоть до конца XIII в. (воцарение Амда Сиона в 1270 г.), когда начинается второй период эфиопской литературы.

Во второй период (с конца XIII в.) переводы библейских книг в самой Эфиопии или для нее (в других центрах коптской церкви Египта и Палестины) делались уже с арабского языка, так как знание греческого языка в этих местах среди владеющих эфиопским языком было явлением редким, а коптский язык в эту пору уже не употреблялся и только в церкви у коптов он использовался для песнопений и молитв. Естественно, что пересмотр прежних переводов, сделанных с греческого, производился на основе их сближения с арабскими переводами, имевшими хождение в коптской церкви.

Поэтому для истории соответствующих эфиопских текстов, прежде всего библейских, — а создание ее необходимо для изучения истории эфиопского языка, — недостаточно сличения с соответствующими греческими текстами (что при издании эфиопских библейских текстов практиковалось), но требуется еще и сличение с арабскими текстами, причем не с ныне распространенными версиями, а со старыми арабскими переводами, бывшими в употреблении у коптов в Египте и в Палестине (чего по отношению к библейским текстам, по крайней мере в сколько-нибудь широком масштабе, не делалось).

4. 2. Оценивая с этой точки зрения изданные на эфиопском языке тексты (см. в №№ 1, 2, 6, 7), нельзя назвать соответствующие издания достаточно критическими. Кроме того, Ветхий завет издан не весь, а что касается изданий Нового завета, сделанных в Лондоне Библейским обществом, то подготовивший их текст Т. Платт⁴ вообще не указал, какими рукописями он пользовался, не говоря уже о разночтениях.

Лучше изданы более поздние памятники, представляющие по большей части перевод с арабского. Так, имеются хорошие издания житий, а по некоторым памятникам при этом проде-

⁴ «Novum testamentum d'xmini nostri et servatoris Jesu Christi aethiopes». Ad codicum manusciporum fidem edidit Thomas Pell Platt MDCCCXXX. М., Шен (см. № II, стр. VII, 3) ссылается на лейпцигское переиздание 1899 г. с исправлениями Ф. Преторнуса.

дана очень большая работа по сравнению с другими версиями и прежде всего арабскими. Например, прекрасно сделано издание «Чудес св. Марии» (XV в.): эфиопский текст сопровождается многими иноязычными версиями с подробными историко-литературными комментариями (см. в № 2). Образцово издан К. Бецольдом текст «Кебра Нагаст» («Хвала царей»), наиболее популярной в Эфиопии книги. Эта книга была переведена с арабского в начале XIII в., а ее старейшая дошедшая до нас рукопись относится ко времени не позднее XIV в. Исследование К. Бецольда вместе с последующими трудами дают ясное представление о происхождении этого памятника (см. в № 2).

Но все эти памятники относятся к периоду, когда эфиопский язык уже в течение нескольких веков не был разговорным и давно сложился как литературный, а в орфографическом облике претерпел немалые изменения вследствие искажений, внесенных переписчиками.

Первая публикация эфиопских текстов в Европе восходит к началу XVI в.: в 1513 г. в Риме немецкий богослов И. Поткен издал сборник, состоящий из псалтыря, «Песни песней» и христианских гимнов на эфиопском языке с приложением эфиопской слоговой азбуки.

4. 3. Научное исследование языка было впервые начато немецким ученым, учеником голландского востоковеда Я. Голлуса, Иовом Лудольфом (1655—1712), который написал грамматику эфиопского языка, эфиопско-латинский словарь и издал на эфиопском языке псалтырь и «Песню песней» по двум предыдущим изданиям и трем рукописям. Этому же ученому наука обязана первым амхарским словарем и первой амхарской грамматикой, а равно несколькими трудами по истории Эфиопии. Основателем эфиопской филологии считается немецкий ученый Август Дильман (1823—1894). Ему принадлежит большой эфиопско-латинский словарь (№ 12), грамматика эфиопского языка (№ 9, 10), он издал образцово для своего времени большую часть Библии на эфиопском языке.

В XIX и XX вв. эфиопским языком занимаются уже во многих странах, и он становится краеугольным камнем сравнительной грамматики семитских языков (наряду с арабским, еврейским, арамейским и аккадским). В Германии эфиопской филологией занимались Тух, Э. Трумп, Ф. Преториус (№ 22), К. Бецольд, Т. Нельдеке, К. Броккельман, Э. Миттвох (№ 18), Г. Бергштрессер (№ 5) и Э. Литман (№№ 14—15). Во Франции — А. Аббади, Ж. Перрюшон, М. Шен (№ 7), М. Коэн, В. Леслау (теперь в США), С. Гребо (№ 13), М. Гриоль. В Италии — И. Гвиди, К. Конти-Россини (№ 8), Ф. Галлина, Э. Черулли (№ 6), С. Москати (№ 20), М. Морено (№ 19). В Англии — Т. Плат, У. Райт, Э. Уалендорф (№ 24). В Шве-

ции — И. Колмодин, О. Лёфгрен, Ф. Рундгрен (№ 23). В Польше Х. Браунер-Плазиковска, И. Вайнберг, С. Стрельцын (№ 2), Ю. Курилович. В Египте — Мурад Камиль. В Израиле — К. Полоцкий.

Эфиопским языком занимались и многие эфиопские ученые в сотрудничестве с европейскими. Среди эфиопских авторов надо назвать Афа Ворка, Т. М. Самхарая, Я. Габра Иясус Хайлю. Более старую традицию изучения эфиопского языка в самой стране представляют «савасев» — книжки по эфиопской грамматике и риторике на амхарском языке. Весьма важно, что в Эфиопии сохранилось традиционное произношение эфиопских текстов.

В России и Советском Союзе эфиопистика представлена именами Б. Дорна, В. В. Болотова, Б. А. Тураева (№ 3), А. Е. Крымского, И. Ю. Крачковского (№ 1), Н. В. Юшманова (№ 4). К ним следует присоединить ныне здравствующих Б. М. Гранде и Т. Л. Тютрюмову.

ПИСЬМО

5. Эфиопский алфавит — слоговой. Каждая слоговая буква передает открытый слог. Первый и основной (ср. названия букв) слоговой тип — *Ca* (любой из двадцати шести эфиопских согласных плюс гласный *a*) — представлен начертанием, унаследованным от дореформенного алфавита, по происхождению южноаравийского, состоявшего, как и большинство старых семитских алфавитов, из одних согласных. Это — основной алфавитный слоговой знак и название буквы, например, *ba*; все остальные знаки, изображающие слоги *ba*, *bi*, *bā*, *bē*, *be* и *bo*, — его варианты. Каждая слоговая буква объединена общим согласным (в приведенном выше примере это *b*) и имеет семь слоговых вариантов, включая основной. Шесть буквенных вариантов в отличие от основного типа *Ca* имеют в своем начертании подсобные пририсованные значки, которыми они отличаются друг от друга и от основного варианта буквы (см. табл. № 1).

Эфиопский алфавит изображается в виде двадцати шести горизонтальных рядов по числу основных слоговых букв (соответственно по числу согласных фонем), в которых сверху вниз прослеживается семь вертикальных рядов — порядков. Порядки образуются тем, что соответствующие по содержащемуся в них гласному слоги изображаются один под другим, например под *ba*: *ta*, *ha*, *na* и т. д.; под *bi*: *ti*, *hi*, *ni* и т. д.; под *bā*: *tā*, *hā*, *nā* и т. д.; под *bu*: *tu*, *hu*, *nu* и т. д. Порядки принято обозначать номерами. Слоговая буква *bo*, составляющая седьмой вариант буквы *ba*, называется «*ba* седьмого порядка».

6. Специальными средствами для передачи отсутствия гласных эфиопский слоговой алфавит не располагает. Для передачи согласного, закрывающего слог, пользуются буквой (=буквенным вариантом) шестого порядка, т. е. и слог типа *be*, *te*, *he*, *ne* и согласный без всякого следующего за ним гласного типа *b*, *t*, *h*, *n* пишутся одинаково. Так, чтобы передать слово *medr* 'земля' пользуются буквой *ma* шестого порядка — *me*, буквой *da* шестого же порядка — *de* и, наконец, буквой *ra* шестого порядка — *re*. Все слово можно точно транслитерировать как *medere*. Чтобы правильно прочитать слово такого типа, нужно знание фонетических законов (здесь — о невозможности двухсогласного начала) и возможной структуры слова (здесь — отсутствие иных структурных типов кроме 1e23 — см. § 24).

Не передается на письме и удвоение (собственно долгота) согласных. Его тоже можно восстановить на основании знания структуры слова, но со значительно большими трудностями, потому что есть слова, отличающиеся друг от друга только удвоением согласного.

В первой половине XVII в. под влиянием арабского оглавленного письма в некоторых рукописях начинают применяться надстрочные знаки для обозначения удвоения согласного (арабский «ташдид»), а также для обозначения отсутствия гласного (арабский «сукун»). Однако широкого распространения это не получило, и этот метод не привился даже в словарях, кроме учебного словаря Г. Маджора (№ 17).

Таблица 1 дает двадцать шесть букв эфиопского слогового алфавита с семью вариантами (порядками) и принятой здесь транскрипцией. Иногда в транскрипциях вместо знака *q* применяется буква *k*, вместо *w* — *u*, а вместо *y* — *i* или *j*.

7. Кроме того, в эфиопском письме используются еще четыре сложные буквы для передачи лабиовелярных, а лучше сказать — лабиализованных, или огубленных, заднеязычных согласных. Они не встречаются с гласными *u* и *o*, и поэтому не имеют вариантов для второго и седьмого порядков (табл. 2).

8. Что касается названий букв, то в Эфиопии принято называть каждую из них основным заглавным вариантом, т. е. буквой первого порядка, а именно: *ha*, *la*, *ha*, *ta*, *sa*, *ra*, *sa*, *ba*, *ta*, *ha*, *na*, *'a*, *ka*, *wa*, *'a*, *za*, *ya*, *da*, *ga*, *fa*, *ra*, *za*, *fa*, *ja*, *pa*.

Буквы *ha*, *ha* и *ha*, *sa* и *sa*, *'a* и *'a*, *z* и *z*, различавшиеся в произношении в пору возникновения эфиопского алфавита, но сведшиеся позже только к четырем согласным, имеют у амхарцев описательные названия:

- ህ — *haletāw hā* 'h как в слове *haletā*' ('хвалебный гимн');
 ከ — *hamaru hā* 'h как в слове *hamār*' ('корабль');
 ሠ — *esāt sā* 's как в слове *esāt*' ('огонь');
 ከ — *neguš sā* 's как в слове *neguš*' ('царь');
 ከ — *bezuḥāna hā* 'h как в слове *bezuḥān*' ('многие');
 ከ — *alfu ā* 'a как в слове *alf*' ('десять тысяч');
 ዐ — *'aynu ā* 'a как в слове *'ayn*' ('глаз');
 ጸ — *ṣelmatu sā* 's как в слове *ṣelmāt*' ('тьма');
 ዐ — *daḥāyu sā* 's как в слове *daḥāy*' ('солнце').

В европейских грамматиках эфиопского языка начиная с И. Лудольфа приводятся названия букв, ныне в Эфиопии встречающиеся редко: *hawt, māu, zawt, re's, sāt, qāf, bet, tāwī, ḥarm, nahās, alf, kāf, wāwī, 'ayn, zay, yamān, dant, gaml, jayt, rayt, sadāy, ḥarā, af, pesā*.

9. Следует заметить, что некоторые эфиопские буквы в типографских текстах первой половины прошлого века значительно отличаются от приведенных в таблице 1. Начертания букв в этой таблице восходят к шрифту, отлитому в 1851 г. для французской государственной типографии под руководством знаменитого французского эфиописта д'Аббади. К этому образцу восходит и большинство эфиопских шрифтов, обращающихся в Европе и Эфиопии. Однако Лондонское библейское общество до сих пор пользуется более старыми шрифтами, в которых вместо, например, ዐ ዐ ዐ (*du, di, dā*)

употребляются ዐ ዐ ዐ⁵.

Таблица 2

Слоговые лигатуры для передачи лабиализованных заднеязычных

	п о р я д к и							
	1 (a)	2 (u)	3 (i)	4 (ā)	5 (ē)	6 (e)	7 (o)	
ቀ	ቁ	—	ቀላ	ቁላ	ቁላ	ቀላ	—	q ^w
ከ	ከላ	—	ከላ	ከላ	ከላ	ከላ	—	h ^w
ከ	ከላ	—	ከላ	ከላ	ከላ	ከላ	—	k ^w
ገ	ገላ	—	ገላ	ገላ	ገላ	ገላ	—	g ^w

Примечание. Лабиализованные третьего (i) и шестого (e) порядка отличаются друг от друга уровнем написания дополнительного значка: в шестом порядке он должен быть выше. На практике этот уровень обычно одинаков, и отличить букву шестого порядка от третьего можно лишь для k^w.

⁵ См. Dr. August Dillmann, *Grammatik der Äthiopischen Sprache*, Leipzig, 1857 (ср. № 22).

Буквенное обозначение чисел

	Эфиопский	Греческий	Коптский	Кириллица
1	ᐁ	Α	Ⲁ	Ѧ
2	ᐂ	Β	Ⲃ	ѦѦ
3	ᐃ	Γ	Ⲅ	ѦѦѦ
4	ᐄ	Δ	Ⲇ	ѦѦѦѦ
5	ᐅ	Ε	Ⲉ	ѦѦѦѦѦ
6	ᐆ	Ϛ	Ⲋ	ѦѦѦѦѦѦ
7	ᐇ	Ζ	Ⲍ	ѦѦѦѦѦѦѦ
8	ᐈ	Η	Ⲏ	ѦѦѦѦѦѦѦѦ
9	ᐉ	Θ	Ⲑ	ѦѦѦѦѦѦѦѦѦ
10	ᐊ	Ι	Ⲓ	ѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦ
20	ᐋ	Κ	Ⲕ	ѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦ
30	ᐌ	Λ	Ⲗ	ѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦ
40	ᐍ	Μ	Ⲙ	ѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦ
50	ᐎ	Ν	Ⲛ	ѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦ
60	ᐏ	Ξ	Ⲝ	ѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦ
70	ᐐ	Ο	Ⲟ	ѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦ
80	ᐑ	Π	Ⲡ	ѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦ
90	ᐒ	Ρ	Ⲣ	ѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦ
100	ᐓ	Ϟ	Ⲥ	ѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦѦ

Эфиопский алфавит используется и другими языками Эфиопии и сопредельных стран; из семитских — амхарским, тигре, тигринья, из кушитских — галла и сомали. Ранее всего (к началу XVII в.) эфиопский алфавит был приспособлен к амхарскому языку. Для обозначения звуков, которые невозможно было выразить наличными знаками эфиопского алфавита, было добавлено семь букв, модифицировавших уже использованные.

Эфиопское письмо — единственное из старых семитских алфавитов — применяет порядок написания слов слева направо с соответствующим расположением текста. Каждое орфографическое слово отделяется от другого двоеточием. Знаками разделения текста, заменяющими наши знаки препинания, служат комбинации точек и черточек, причем сила знака соответствует количеству содержащихся в нем точек: | : :: ∴

Точке, иногда точке с запятой, а также самой мелкой рубрикации текста, например стиху, в библии соответствует $\frac{1}{2}$. Знаков вопроса и восклицания не имеется. Иногда в старых рукописях некоторые собственные имена особенно почитаемых лиц, в том числе воображаемых, выделяются красным цветом.

10. Для обозначения чисел применяются знаки, восходящие к греческим буквенным цифрам, к которым восходит также и старославянское кирилловское обозначение чисел (табл. 3).

Из таблицы видно, что цифры подчеркиваются и надчеркиваются. Между знаками тысяч, сотен, десятков и единиц обычно вставляется буква **ወ** (*wa*) 'и'. Число 1907 при помощи

эфиопских буквенных цифр можно обозначить: $\overline{\text{ጵ}} \text{ወ} \overline{\text{ጵ}} \text{ወ} \overline{\text{ጵ}}$
т. е. 10,100 + 9,100 + 7.

ФОНЕТИКА

11. Произношение звуков эфиопского языка устанавливается двумя путями: во-первых, учитывается традиционное произношение, описанное впервые И. Лудольфом на основании сообщений его информанта амхарца Аввы Григория, а затем подвергавшееся критике на основании более новых сведений, во-вторых, привлекаются данные, получаемые в результате сравнения родственных и заимствованных слов в эфиопском и других семитских языках, а равно анализа эфиопских написаний на основе моделей эфиопского слова, установленных грамматикой этого языка. Последний опыт описания традиционного произношения эфиопского языка был предпринят в 1927 г. Э. Миттвохом, который учел и другие описания, производившиеся ранее. К сожалению, ни Э. Миттвох, ни его пред-

шественники не дали своим наблюдениям должной исторической и лингвистической оценки. Ввиду этого неизвестно, с какого периода начинает существовать описанное ими произношение, и по-прежнему неясным остается вопрос о том, каким звукам соответствовали буквы в тех нескольких случаях, когда традиция устного чтения не различает в произношении букв различного начертания. Между тем сведения по истории эфиопского письма заставляют думать, что его слоговой вариант возник как революционная реформа письма. Имея в виду исключение из этого письма его реформаторами ненужных уже букв, унаследованных из южноаравийского алфавита, и введение новых букв, можно предположить, что реформированный слоговой алфавит довольно хорошо отражал фонематический состав эфиопского языка своего времени и несколько более позднего периода. По-видимому, реформаторы ввели все или почти все слоговые буквы, необходимые для изображения фонем тогдашнего геза и исключили все лишние. Поэтому важно восстановить систему фонем этого периода, определяя место каждой из них относительно других даже в тех случаях, когда невозможно установить более или менее точное артикуляционно-акустическое значение некоторых из них. Возможно, хотя положительных данных для этого предположения и нет, некоторые согласные были утрачены еще в ту пору, когда гез был живым языком, однако традиционное неразличение согласных 'и', *h*, *h̄* и *h̄̄*, *s* и *q̄*, *š* и *s*, отражавшееся и в ошибочных написаниях, в большей своей части должно быть отнесено за счет артикуляционных навыков амхарцев и других эфиопийцев, у которых нет соответствующих противопоставлений в их родном языке.

СОГЛАСНЫЕ

12. Фонетическое значение приведенных выше транскрипционных знаков (см. табл. 1) в тех случаях, когда они не находят адекватов в русском языке, следующее:

h — нижнефарингальный фрикативный типа немецкого, английского, арабского (звонкий или глухой — неизвестно).

h̄ — верхнефарингальный фрикативный, глухая пара «айну», соответствует арабскому ح.

q̄ — глубокозаднеязычный, может быть увулярный, смычный глухой, подобный арабскому ق.

w — губно-губной фрикативный звонкий, типа английского *w*, арабского و.

' — гортанный взрыв; наподобие арабской «хамзы». Хамза слышится перед гласным э в четком произношении русского сочетания; от 'эль к 'эм, т. е. от «л» к «м» (пример Н. В. Юшманова).

t, p, s, d — звуки соответственно типов *t, p, s, d*, но «эмфатические» (зичные), т. е. либо с фарингализацией (сближение стенок зева, артикуляция арабского «айна»), либо с глоттализацией (гортанным взрывом, как в тигринья), производимыми одновременно с основной артикуляцией или тотчас вслед за ней.

Таблица 4

Согласные

По способу образования		Шумные				Сопорные			
		смычные		фрикативные		носовые	боковые	дромальные	полугласные
		глухие	звонкие	глухие	звонкие				
Губно-губные		<i>p p'</i>	<i>b</i>			<i>m</i>			<i>w</i>
Губно-зубные				<i>f</i>					
Переднеязычные		<i>t t'</i>	<i>d d'</i>	<i>s s'</i>	<i>z</i>	<i>n</i>	<i>l</i>	<i>r</i>	
Среднеязычные				<i>ʃ</i>					<i>y</i>
Заднеязычные		<i>k q</i>	<i>g</i>	<i>ħ</i>					
Гортанные или ларингальные	верхнефарингальные	<i>ħ</i>	'						
	нижнефарингальные	<i>ħ</i>							
	связочные или собственно ларингальные	'							

Примечания. 1. По-видимому, эфиопский *ħ* был первоначально заднеязычным согласным, как и соответствующий арабский звук, изображаемый буквой *ح*. Однако в фонетических изменениях (см. ниже) он ведет себя как гортанный. Быть может, такое его место в классификации обусловлено тем, что он утратил свою звонкую пару того же места образования (арабский «айна»), заменив ее верхнефарингальным' (арабский «'айна») и став одним из двух глухих его соответствий (*ħ, ħ*—глухие, '—звонкий).

2. Звуки *p* и *p'* встречаются лишь в заимствованных словах.

3. Передача 24-й буквы эфиопского алфавита знаком *q* есть уступка традиции, базировавшейся на арабском произношении соответствующего согласного. На самом деле эта буква выражала скорее всего *z*, т. е. фрикативный, а не смычный. Ср. судьбу остальных прасеитских межзубных и

эфиопском языке: *f дало s, *d дало z, *t дало s, т. е. все межзубные стали зубными, изменив лишь место своей артикуляции, но не утратив остальных характеристик. Отсюда логично заключить, что и прасемитский d* дал в эфиопском звуковой зубной фрикативный, т. е. z. К тому же и дальнейшая судьба этого звука — переход в s, более вероятен из z, чем из d. Так считает и С. Москати, который все же транскрибирует этот эфиопский звук через d (ср. S. Moscati, *Introduction*, § 8, 20, 20a).

13. Из сопоставления слов примерно одного и того же значения с близким звуковым составом в разных семитских языках (с учетом морфологических и словообразовательных соответствий) выводятся регулярные звуковые (фонемные) соответствия между семитскими языками, а на основании этих соответствий реконструируются фонемы общесемитского языка. После реконструкции фонем общесемитского языка соответствия между фонемами документально засвидетельствованных языков являются уже в виде рефлексов общесемитского языка. Из этих рефлексов-соответствий ниже приводятся лишь такие, в которых проявились расхождения. Имеется в виду, что в тех случаях, когда соответствий не приведено, налицо тождество фонем в привлекаемых семитских языках; эфиопскому [b] в арабском, древнееврейском, арамейском, аккадском и в общесемитском соответствует тоже [b] (речь идет о типе фонемы в сильной позиции).

Под общесемитским и еврейским [š] следует иметь в виду смягченный согласный типа русского мягкого [s'] или шепелявого польского [ś].

Таблица 5

Соответствия между согласными семитских языков*

	Прасе- мит- ский**	Аккад- ский	Угарит- ский	Еврей- ский	Сирий- ский	Араб- ский	Эфиоп- ский
Губно-губные	p	p	p	p	p	f	f
Межзубные	t	s	t	s	t	t	s
	d	z	d	z	d	d	z
	z	s	t	s	t	z	s
Переднеязычные (альвео- лярные)	d	s	s	s	s	s	s
	s	s	s	s	s	s	s
Среднеязычные	š	š	š	š	š	š	š
Заднеязычные	ḫ	ḫ	ḫ	ḫ	ḫ	ḫ	ḫ
	k	k	k	k	k	k	k
Верхнефарингальный	ḥ	ḥ	ḥ	ḥ	ḥ	ḥ	ḥ

* В таблице даны только те согласные, которые фонематически разошлись.

** После прасемитского языка семитские языки даны в порядке появления соответствующих письменностей.

При сравнении состава согласных эфиопского языка с ближайшим родственным ему арабским обнаруживается, что в эфиопском подверглись конвергенции пять пар согласных, вместо которых осталось всего пять звуков. Это можно проиллюстрировать, сравнивая четыре пары зубных и пару гортанных согласных в арабском языке и их соответствия в эфиопском.

Эфиопский	Арабский	Примеры
z	{ z d	zaman в обоих языках — 'время', араб. aḥada, эфиоп. aḥaza 'он взял'.
s	{ s ṣ	sauf в обоих языках — 'меч', араб. maṣala, эфиоп. masala 'он был схож'
š	{ š z	араб. ṣabah, эфиоп. ṣebāḥ 'утро', араб. zulmat, эфиоп. ṣelmat 'тьма'.
.	{ ' ġ	'ayn в обоих языках — 'глаз', араб. ġarb, эфиоп. 'arab 'запад'.
d	{ z d	араб. 'azm, эфиоп. 'aḏm 'кость', араб. dars, эфиоп. ders 'коренной зуб'.

Лишь в одном случае эфиопский язык обнаруживает более архаичную фонетическую черту, чем арабский. Общесемитскому и эфиопскому [g] в арабском соответствует [ġ], но эта черта арабского литературного языка позднего происхождения, некоторые же арабские диалекты, в частности современный египетский, до сих пор сохраняют [g].

ГЛАСНЫЕ

14. Гласных в эфиопском языке семь. Они имеют ту особенность, что из них по долготе взаимно противопоставлены только две пары ā : a, ē : e. Остальные гласные восходят к долгим ā, ī, ō. Гласный o (первоначально o) возник на месте исходного дифтонга aw(ay), а гласный ē на месте исходного дифтонга ay (ai) или же сочетания ia, например: араб. *matī* соответствует эфиоп. *mot* с тем же значением 'смерть', араб. *bayt* — эфиоп. *bet* с тем же значением 'дом', араб. *arwiyya(i)* 'серна' (удвоение у — вторичное, а *iy-i*) — эфиоп. *arwe* 'зверь'. То, что эти стяжения действительно происходили, доказывается и непосредственно эфиопским материалом: например, «его земля» — *medrja* (*medr-* 'земля', *-ja* 'его'), а «его земля» — давало не **medraj* (<*medrja* 'землю', *-ja* 'его'), а *medro*; **feray* 'плод' (ср. *faraya* 'давать плоды') давало *ferē*; **be'sija* 'мужчину' (*be'si* — основа + *-a* окончание вин. пад.) давало *be'se*. Но в тех формообразованиях, в кото-

рых стяжение могло привести к непониманию какой-либо лексико-грамматической категории, возникали вновь дифтонги: например, *waḏa'a* 'выходить' имеет каузатив *awḏa'a* 'выгонять', а *yabsa* 'сохнуть' имеет каузатив *aybasa*.

Исходные краткие *u* и *i* в эфиопском языке совпали в гласном шестого порядка *e*. Кое-где это может быть видно из явлений самого эфиопского языка [см. ниже, § 17, разбор соотношения форм *regim* и *regem*] (*t* < *regim* + *t*) 'проклятый', 'проклятая'], в других случаях доказательно сопоставление с близкими по значению, по фонетическому составу и по словообразовательной форме арабскими словами: араб. *lisān*, эфиоп. *lesān* 'язык'.

В этой связи приобретает значение гипотеза Дильмана — Куриловича о происхождении лабиализованных заднеязычных в эфиопском языке. А. Дильман высказал наблюдение, подкрепляемое многими примерами, что эфиопские сочетания *kwe*, *gwe*, *ḥwe* и *qwe* появляются на месте арабских *ku*, *ḡu*, *ḥu* и *qu*, т. е. что потеря губного момента в кратком гласном возместилась лабиализацией предшествующего согласного, например араб. *kull* — эфиоп. *kʷel* (*l*) 'все', араб. *ḡurn* (раньше *gurn*) — эфиоп. *gʷern* 'ток', араб. *qurbān* — эфиоп. *qʷerbān* 'жертва'. Доказав это на еще большем материале, Ю. Курилович высказал предположение, что замена краткого арабского *i* после тех же согласных эфиопским *e* сопровождалась в свою очередь палатализацией предшествующего согласного *k*, *g*, *ḥ*, *q*.

Так или иначе, но разная судьба согласных *g*, *k*, *ḥ*, *q* в эфиопском языке подтверждает, что эфиопский *e* появился на месте прежних *u* или *i*.

Существовала ли качественная, а не только количественная разница между *ā* и *a*, *ē* и *e*, установить пока не удалось. В традиционном произношении эфиопского текста амхарцами долгота факультативна, но *a* произносится уже, как очень широкий э, типа английского *a* в слове *cat*, а *ā* — как нормальный широкий; *ē* произносится как восходящий дифтонг *ie* (часто как *e* со смягчением предыдущего согласного, например, [b'et] 'дом', ср. русское [б'еда]); а *e* — довольно разнообразно, начиная от неопределенного редуцированного согласного, кончая гласным типа русского *ы*.

Принимая во внимание противопоставленность гласных между собой и большую частоту употребления *e* и *a* по сравнению с *ē* и *ā*, следует признать очень экономным общепринятое транслитерирование эфиопских гласных первого порядка через *a*, второго — *u*, третьего — *i*, четвертого — *ā*, пятого — *ē*, шестого — *e*, седьмого — *o*. Но иногда, желая подчеркнуть исконную долготу *u*, *i*, *o*, снабжают значками долготы и их: *ū*, *ī*, *ō*.

15. Единственным источником наших сведений об ударении является традиционное произношение. По-видимому, в эфиопском языке, как и в арабском, нет таких слов, а также словоформ, которые различались бы между собой только ударением. Но амхарские знатоки геза приводят в пример того, как важно ударение в эфиопском языке, следующий часто повторяющийся случай: *y|enaggér|á* 'они говорят', *y|enagger|á* 'он говорит ей' (ср. № 18, стр. 32).

Прямых свидетельств о том, каким было ударение в период, когда эфиопский язык только что отделился от арабского, у нас нет. Если судить по конвергенции *u* и *i* в *e* (см. выше § 14), то она могла возникнуть лишь в результате редукции, которая характерна для силового ударения. О таком же характере ударения говорит и современное традиционное чтение, а также замена в нем старых противопоставлений по долготе [a]:[á], [é]:[e] — противопоставлениями качественными [a]:[á], [é]:[e] (см. выше § 14), хотя никаких данных о возрасте такой замены нет.

Служебные слова, некоторые местоимения и частицы, стоящие перед знаменательными словами (предлоги, союзы, относительное местоимение), — безударны и не влияют на ударение: *za-wést|a-gann|át* 'что в саду'. Такого же типа слова, прилипающие к концу слова, большей частью ударны: *y|ebel-á* 'он сказал ей'; *a'yent|i-kému* 'глаза ваши' (*i* — соединительный гласный); *ede-sá* 'дерево же'; иногда энклитики передвигают ударение ближе к себе: *ayde'|á-ka* 'сообщила тебе' (отдельно *ayde'|a* 'он сообщил').

В глаголах ударение регулярно падает на предпоследний слог основы словоизменения, т. е. в винительном падеже с окончанием *-a* — на предпоследний, в именительном падеже — на последний: *arwé* 'змея', *be's|it* 'женщина', *be's|i|fa* 'женщину', *gann|át*, *gann|át|a* 'сад'. Также и в имперфекте, и в субъюнктиве, и в повелительном наклонении. Исключения, например, *y|ebé* 'он сказал' (имперфект по форме, перфект по значению), относятся к немногим неправильным глаголам.

В именах ударение падает преимущественно на последний слог основы словоизменения, т. е. в винительном падеже с окончанием *-a* — на предпоследний, в именительном падеже — на последний: *arwé* 'змея', *be's|it* 'женщина', *be's|i|fa* 'женщину', *gann|át*, *gann|át|a* 'сад'.

Любопытно, что в конструкции существительное-определяемое с окончанием *-a* плюс существительное-определение (эта конструкция называется обычно *status constructus*) первый член свое ударение теряет: *ed|a heyw|át* 'дерево жизни'. От-

сюда некоторые из таких конструкций, приобретших единое лексическое значение, пишутся вместе: *egzi'abehér* 'господь', первоначально 'владыка мира'. Таким образом, место ударения характеризует и слово как совокупность морфем, и словосочетание. Следовательно, сведения о месте ударения в эфиопском языке для слов, имеющих грамматические и словообразовательные формы, должны быть сосредоточены в соответствующих разделах грамматики, а для слов, не имеющих таких форм, — в словаре. Следует заметить, что если некоторые грамматики эфиопского языка вопросами ударения занимаются, то этого не делает ни один словарь (см. также транскрипцию текста).

О КОМБИНАТОРНЫХ ЗВУКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ

16. В увязке со словообразованием и формообразованием фонетические изменения в слове и на стыке двух слов представляют собой исключительную ценность для воссоздания последовательности, в которой появлялись, развивались и отмирали те или другие структурные элементы языка. Тем более важны отражения в традиционных написаниях эфиопских слов звуковых изменений, происходивших на протяжении полутора тысяч лет. Не всегда можно сказать, какая часть этих изменений имела место в языке, когда он еще обслуживал свой народ в качестве живого разговорного языка (до X в.), а какая возникла позже, в то время, когда говорившие или писавшие на эфиопском языке пользовались в обыденной жизни иными языками — амхарским, тигре, тигринья, хотя и родственными гезу, но в значительной степени отличавшимися от него. Самые древние памятники эфиопской письменности (за исключением нескольких эпиграфических, относящихся к аксумскому периоду) не дошли до нас в оригиналах, а только в копиях не ранее XIII в., т. е. с разницей во времени почти на тысячу лет. Не всегда переписчики сохраняли особенности оригинала: иные вместе с редакционными изменениями меняли и орфографию, преднамеренно или произвольно внося особенности языка своего времени или даже своего родного языка. По этим отступлениям от более ранних написаний и можно судить об эволюции эфиопского языка, в частности об эволюции его звуковой системы. Система эфиопского письма, описанная выше, иногда ограничивала возможности передачи вновь возникавших явлений. Приходится считать, что и с традиционным чтением эфиопских текстов в Эфиопии, хотя кое-что из этих традиций восходит к тому времени, когда эфиопский использовался уже как мертвый язык.

Звуковые изменения в эфиопском языке могут быть поняты надлежащим образом лишь при знакомстве с лексикой и грам-

мативной языка, поэтому чтение этих параграфов можно отложить до прочтения остальной части очерка или же прочесть этот раздел второй раз после всех других разделов.

17. Как и в классическом арабском, в эфиопском языке происходит сокращение долгого гласного в закрытом слого. Наиболее отчетливо эта закономерность проявляется в образовании имен женского рода в результате присоединения к основе суффикса *-t*, которое создает чаще всего вдвойне закрытый слог. Это изменение в основе, очень распространенное, например, в причастиях страдательного залога типа *1a2u3*, отражается на письме: *regum* 'проклятый', *regemt* 'проклятая'. (Как мы уже знаем, *a* и *i* дали в эфиопском *e*.) От слова *egzi* 'господин' произведено *egzet* 'госпожа'. Долгие гласные *ā* и *ī* в словах *regum*, *egzi* сохранились в результате следующего процесса; некоторое время в конце слова имелся краткий *ē*, заменивший краткий *ā* именительного падежа: **regume*, **egzi'e*⁸. Затем он отпал, но только в абсолютном конце слова *regum*, *egzi*, продолжая восстанавливаться в случае присоединения слитных местоимений: *regumē-ya* 'мой проклятый', *regumē-ka* 'твой (м. р.) проклятый', *regumē-ki* 'твой (ж. р.) проклятый' и т. д.; *egzi'ē-ya*, *egzi'ē-ka*, *egzi'ē-ki* и т. д. Во всех этих формах сохранение долготы [u] и [i] обусловлено открытым слогом, но долгота сохранилась и в случае, когда этот слог оказался закрытым — по аналогии.

18. В эфиопском языке гортанные согласные влияют на соседние гласные. Это влияние проявляется то непосредственно, то в качестве необходимого условия для дистактной ассимиляции гласных.

Непосредственное влияние на гласный *a*, удлиняя его, оказывает следующий за ним гортанный того же слога. Так, предлог, имеющий структуру *ma12a3a*⁷, пишется по большей части через долгий *a* в первом слого: *mā'kala* 'среди'; существительное *šar* 'трава' образовано по формуле *1a23* и имеет долгий *ā* под влиянием следующего за ним в том же слого: глагол *yelfattāh* 'широко откроется' долготой *ā* последнего слога обязан гортанному *h*.

Условием для проявления дистактной ассимиляции гласных является наличие гортанного между двумя гласными, не допускающего их контакта. Пример ограниченного сингармонизма этого рода имеется в классическом арабском языке только в случае присоединения слитных местоимений 3-го лица муж-

⁸ Это не отражается эфиопской графикой, так как в ней, как уже сказано, отсутствие гласного и гласный *ē* передаются одним слоговым вариантом — буквой шестого порядка.

⁷ Цифры 1, 2, 3 в составе моделей структуры эфиопских слов означают соответственно первый, второй, третий согласный корня. Подробнее об этом ниже, в § 24.

ского рода — *hu* 'его' к слоговому и неслоговому *i* предыдущего слова (*bi-hi*, *fi-hi*, *'aley-hi*, *binti-hi*, *yulqi-hi* при *la-hu*, *bintu-hu*, *yaktubu-hu*). В эфиопском такого рода ассимиляция гласных происходит при всех гортанных, но она имеет другое направление, касается ряда гласных и не всегда бывает полной.

Гласный *a*, следуя за гортанным, превращает предшествующий ему *e* в *a*. Так это происходит с гласным *e*, предшествующим первому согласному корня, если таковым является *ḥ*, *ḥ*, *'*, *h* и *'*, т. е. в имперфекте производных глаголов и глаголов I_1 , I_2 пород с первым гортанным, например: *yahawwer* 'он гуляет', *tahawwer* 'ты гуляешь' и т. д., ср. соответствующую основу на *e*: *yeballe* 'он ест', *tjeballe* 'ты ешь' и т. д. Эта регрессивная ассимиляция состоит в расширении предшествующего гласного.

Наоборот, если за гортанным следует один из узких гласных *e*, *i*, *u*, то он сужает предшествующий гортанному *a* в *e*. (Здесь вероятен предшествующий этап в виде *i*, *u* с последующим их совпадением в *e*.) Например, от глагола *bal'a* 'он съел' повелительная форма образуется по формуле $Ie2a3$: *be-la'* (*a* вместо *a* перед гортанным в том же слове), но в женском роде с окончанием *t* гласный *a* сужается в *e*: *bele't* 'ешь' (к женщине). По этой же причине глагол *re'eyjat* 'она увидела' имеет после первого коренного *e*, а не *a*, как это бывает у правильных глаголов. Так же и перед звуком *u* в слове *i-tjebile'u* 'чтобы вы не ели' после второго коренного *i* возникает *e*, тогда как у правильных глаголов этого типа в субъюнктиве имеется *a* (ср. *i-tjegbar'u* 'не делайте').

Эта ассимиляция гласных, разделяемых гортанным согласным, происходит только внутри слов, но не на стыке с проклитиками, благодаря чему предлоги *ba*, *la*, *ḥaba* и т. д. и союз *wa* сохраняют свою конечную гласную без изменения независимо от начала следующего слова: *ba-eku* 'со злом'.

В конце слова слияние двух гласных в один долгий наблюдается в существительном и глаголе на стыке со слитными местоимениями. В существительном это сводится к четырем случаям:

1. $a + \bar{a} = \bar{a}$. Например, присоединение слитного местоимения \bar{a} 'ее' к форме винительного падежа *medr|a* 'землю' дает *medr|\bar{a}* 'землю ее'. (Форма винительного падежа со слитным местоимением \bar{a} совпадает с формой именительного падежа с тем же слитным местоимением: *medr-a* 'земля ее').

2. $a + u = o$. Пример: *medr|a* 'землю', *medr|o* 'землю его' вместо $*medr|a-u$; *gabr|o* 'он сделал его' вместо $*gabr|a-u$ < *gabr|a* 'он сделал' + $-u$ 'его'.

3. $a + o = o$. Этот случай наблюдается при соединении с существительным в винительном падеже слитного местоиме-

ния 3-го лица множественного числа как мужского (-*ōmi*), так и женского рода (-*on*). Примеры: *medr|ōmi* вместо **medr|a-ōmi* и *medr|ōn* вместо **medr|a-ōn* 'земли их'. Обе формы совпадают с формами именительного падежа с теми же местоимениями *medr-ōmi*, *medr-on* (именительный падеж без окончания).

4. $i+a=e$. Например, *be'si* 'мужчина', *be'se* 'мужчину' вместо *be'si|a*.

Второй случай дает пример перехода фонетического явления на уровень морфологии — появление приглагольного варианта слитных местоимений. Если случай *gabr|o* 'он сделал его' исторически объясняется из **gabr|a-u* (*gabr|a* 'он сделал' + **-u* 'его'), то синхронически это — сумма *gabr|a+o* (с поглощением окончания *-a* слитным местоимением по случаю третьему), где *-o* является приглагольным вариантом слитного местоимения 3-го лица мужского рода единственного числа.

19. Для начала эфиопского слова характерны так же, как и в арабском литературном языке, два правила: 1) слово не начинается с двух согласных; 2) гласному в абсолютном начале слога предшествует гортанный взрыв (хамза).

Из первого правила следует, что буква шестого порядка в начале слова всегда должна читаться с гласным *e*. Отсюда слово «земля», пишущееся по-эфиопски из трех букв шестого порядка *m(e)-d(e)-r(e)*, должно читаться в начале *me*. Что касается «устранения двухсогласного начала», то чаще используется гласный после первого согласного. Так, основа повелительного наклонения связана общим происхождением с основой субъюнктив-а-юссива так же, как в арабском эта основа связана с имперфектной основой. Эти основы, например, араб. *-aktub-* из *y|aktub|u* 'он пишет', эфиоп. *-enbar-* из *y|enbar* 'пусть живет', имеют подряд два согласных — первый и второй коренной. В основе повелительного наклонения гласного перед первым согласным корня в обоих языках нет. Надо два согласных корня сделать произносимыми. В арабском языке для этого прибавляется гласный перед основой: *uk-tub* 'пиши' при *wa-ktub* 'и пиши'. В эфиопском языке напротив первый и второй согласные корня разделяются гласным *e* («нейтральный» гласный): *nebar* 'живи'.

Что касается гортанного взрыва перед гласным, начинающим слово, то это, хотя и в смягченной степени, свойственно очень многим языкам и является подготовкой органов речи к ее началу. Обязательность гортанного взрыва перед гласным в начале слова позволяет при транскрипции опускать его обозначение в этой позиции, например, *arwē* 'зверь' вместо *'arwē*; *enta* вместо *'enta*. Эта возможность использована в данном очерке.

СТРУКТУРА СЛОВА

ПРИЗНАКИ ОТДЕЛЬНОГО СЛОВА

20. Прежде чем перейти к вопросу о структуре слова в эфиопском языке, следует иметь хотя бы общее представление о том, на каких основаниях слово выделяется из текста. Некоторую предварительную помощь оказывает само эфиопское письмо, в котором орфографическое слово отделяется двоеточием. Орфография при этом базируется по большей части на ударении (главном ударении), которое объединяет знаменательное слово с окружающими его служебными или также знаменательными словами в одно целое. Совпадение орфографического (соответственно по большей части фонетического) слова с морфологическим словом — встречается не часто. Так, в первом стихе прилагаемого текста в «Приложении» из двадцати трех орфографических слов только восемь совпадают с морфологическими.

Возьмем самое длинное орфографическое слово первого стиха в нашем тексте: *za-y'ebel(a)-k'ému* (I, 17) (орфографические слова знаком дефиса разделены на отдельные слова в морфологическом смысле, а отдельные слова вертикальной чертой — на морфемы). Оно соответствует русским словам 'что он сказал вам'. Перевод по смыслу русских слов в данном случае совпадает с эфиопским делением на морфологические слова; отбросив *za* 'что' и *k'ému* 'вам' (по-эфиопски 'вас' — вин. пад.), получаем цельнооформленное слово *y'ebel* + '[он] сказал' с соединительной морфемой (*a*). От слова *y'ebel* уже нельзя отнять никакой части без того, чтобы не нарушить его целостности как слова. В приведенном примере центральное по своему смыслу слово акцентуационной группы глагол *y'ebel* потеряло ударение, ударение падает на слово *k'ému* 'вас'.

Частицы, присоединяемые к концу слов, часто притягивают на себя ударение, например: *ment-nú* (I, 15) 'правда ли', букв. 'что ли'; *wa-ye'zé-ní* (XXII, 12) 'а теперь еще'.

Однако чаще это бывают слитные местоимения в объектном значении, если они присоединяются к глаголу [*wa-albas-ómi* (XXI, 7) 'и он одел их'], в значении притяжательного местоимения после существительного [*wa-be'sit-ú* (VIII, 12) 'и жена его'] или в значении обстоятельств после предлога [*etenné-hú* (V, 9) 'от него']. К концу слов нередко присоединяются и безударные слова — энклитики, представляющие собой слитные местоимения, например: *be'sit'ya* (XII, 3) 'жена моя'; *wahabká-ni* (XII, 5) 'ты дал мне'; *mesté-ya* (XII, 6) 'со мной' (см. еще § 15).

Словечко *za* — относительное местоимение — в слитно написанном словосочетании *za-y'ebel(a)-k'ému* является проклити-

кой, т. е. безударным словом, начинающим словосочетание, объединенное одним ударением, или предшествующим ударному слову, если проклитик несколько. Всегда употребляются как проклитики союз *wa* 'и', 'а' и предлоги.

Примеры с предлогами: *arwé za-westja médr za-gábr'a egzi'a-bhér* (I, 6—10) 'животное наземное (букв. что на земле), что создал Господь'; *em'éd* (I, 20) 'от дерева'; *emenu'e-há* (3, 12) 'от него'. При этом препозитивные союзы, как и предлоги, бывают только проклитиками.

Местоимения относительные отличаются от однозвучащих форм указательных местоимений *ze* 'этого', *za* 'этого' (внш. пад.) тем, что последние всегда ударны.

Слитные слова, будь то проклитики или энклитики, отличаются соответственно от префиксальных и суффиксальных элементов слова, как бы близки они ни были друг к другу и к вполне самостоятельным словам, по своему содержанию — во-первых, по функции — во-вторых, по спаянности со словом, к которому они примыкают (соответственно, часть которого они составляют), — в-третьих. Так, местоимение *ána* (X, 12) 'я' по своему содержанию несколько не отличается от окончания перфектного спряжения *-ku*, например, в словах *samá'ku* (X, 4) 'я услышал', *faráhku* (X, 9) 'я испугался', *tahabá'ku* (X, 13) 'я спрятался'. И отдельное слово, и окончание — оба означают субъект 1-го лица единственного числа. Однако слово *ána* несколько не связано со значением времени, вида, наклонения, тогда как окончание *-ku* формирует перфектный глагол. Окончание *-ku* может быть присоединено только к перфектной основе, без него или без аналогичных ему личных окончаний не может быть спряжения, не может быть перфектного глагола. Напротив, самостоятельное местоимение *ána*, будучи присоединено к перфектному глаголу (притом только в 1-м лице единственного числа — с окончанием *-ku*), лишь подчеркивает уже наличный в слове субъект 1-го лица, выражая его отдельным словом. [Более важна роль самостоятельного и личного местоимения в именном предложении, когда оно является единственным выражением субъекта: *marét ánta* (XIX, 13—14) 'прах ты'].

Слитные личные местоимения занимают среднее положение между личными окончаниями глагола, т. е. аффиксами, и самостоятельными словами. В плане содержания они являются вариантами самостоятельных личных местоимений: какому имени существительному в именительном падеже будет соответствовать самостоятельное личное местоимение, тому же самому существительному, но в падежной форме или с предлогом будет соответствовать и слитное местоимение (табл. 6).

В плане выражения слитные личные местоимения достаточно отличаются как от самостоятельных личных местоимений,

так и от окончаний перфектного спряжения (а тем более личных аффиксов имперфектного спряжения): *ала* 'я'; *-ni* 'меня' — энклитика при глагольной форме; *-ki* — окончание перфекта, соответствующее русскому *я* в форме *я написал*; ' — префикс имперфекта, соответствующий русскому окончанию *-у* в форме (*я*) *пишу* или (*я*) *напишу*. Но это не более чем отношения супплетивности. Их соответствия между собой значительно сложнее в плане функциональном: 1) самостоятельное слово — главный член предложения; 2) энклитика выражает при цельнооформленной глагольной форме объект, при цельнооформленном существительном — атрибут, а при предлоге — обстоятельство; 3) аффикс глагольной формы — субъективную функцию. И при всем этом полное соответствие в грамматическом содержании рода, числа и лица.

Отрезки текста, выделяемые двоеточиями в эфиопском тексте, представляют собой либо объединенные главным ударением (от второстепенных мы отвлекаемся) словосочетания из проклитик, цельнооформленных слов, энклитик, либо цельнооформленные слова. Реже выделяется на письме или безударное служебное слово — проклитика (например, в прилагаемом тексте предлоги *westa* 'в', *mā'kala* 'среди', которые пишутся отдельно главным образом потому, что они неоднобуквенные), или даже несколько коротких проклитик. Первая задача желающего понять эфиопский текст — расчленил эти словосочетания, в чем должны помочь алфавитные списки проклитик и энклитик.

Следует заметить, что отделение слитных личных местоимений значительно трудней, чем отделения других примыкающих к имени и глаголу безударных словечек. Это происходит потому, что слитные личные местоимения присоединяются к концу слова то непосредственно [например, *ayde'ā-ka* (XI, 4) 'он сообщил тебе', где *-a* — окончание перфектной формы глагола в 3-м лице единственного числа мужского рода, а *-ka* — объектное местоимение 2-го лица единственного числа мужского рода 'тебя'], то через соединительную морфему [например, *asfa|at(ā)-ni* (XIII, 10) 'она соблазнила меня', где *-ā-* — окончание 3-го лица единственного числа женского рода, (*ā*) — соединительная морфема]. Наконец, бывают случаи, когда, присоединяясь непосредственно или через связующую морфему к предшествующему слову, слитное местоимение сливается с конечным гласным в один гласный звук.

«Слитность» слитных местоимений не единственный и не главный признак того, что они представляют собой переходное звено от слова к аффиксу. Можно привести пример, когда слитные местоимения в эфиопском языке действительно превратились в суффиксы — в окончания спряжения деепричастного глагола (см. § 49).

21. Из приведенных выше примеров видно, что эфиопские глаголы содержат по меньшей мере основу и какой-либо аффикс, указывающий на роль этого слова относительно других слов предложения, например, роль сказуемого. Это значит, что в эфиопских словах грамматическая форма выражена в их составе. Наличие в языке такого типа слов, т. е. морфологически неодносоставных, считается признаком синтетичности языка. Эти слова могут быть полносоставными или цельнооформленными в противоположность односоставным словам, которые получают указание на свою функцию только извне.

К числу цельнооформленных слов в эфиопском языке относятся глаголы и имена. Глаголы спрягаются, а имена склоняются. Особое место среди имен занимают местоимения, которые в значительной своей части являются проклитиками и энклитиками. Про другие подразделения имени речь пойдет в морфологии и синтаксисе. Третьим крупным подразделением являются служебные слова — частицы, из которых мы уже встречались с предлогами и союзами. Частицы обычно примыкают к знаменательным словам и бывают ударными и безударными.

Частицы, или служебные слова, имеют ту же функцию, что и аффиксы формообразования; они указывают на роль в предложении знаменательных слов, к которым они примыкают. Частицы в этом смысле считаются признаком аналитичности языка. Из этого видно, что по крайней мере для многих языков, в том числе эфиопского, синтетичность и аналитичность — признаки относительные, сосуществующие. Лексическое значение частиц тусклее, а их грамматическая функция ярче, чем соответствующие значение и функция знаменательных слов. Только в этом смысле можно понимать противопоставление знаменательных слов словам служебным.

ВНЕШНИЕ АФФИКСЫ И ОСНОВЫ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ

22. Выделив из текста глагол или имя, далее необходимо установить их грамматическую форму, без чего зачастую невозможно пользоваться словарем, даже если он алфавитный. Для установления грамматической формы слова во многих случаях достаточно бывает разделить его на внешние аффиксы и основу.

С точки зрения структуры слова особый интерес представляет имперфектное спряжение. Изменения по лицам эфиопского глагола в имперфекте совершаются при помощи особого

рода аффиксов — конфиксов. Конфикс — это разорванный аффикс, охватывающий основу с обеих сторон, т. е. формально это префикс и суффикс, присоединяемые к основе одновременно. (У половины совершенных форм суффиксальная часть конфикса отсутствует и конфикс совпадает с префиксом, см. § 48.) Однако конфикс — это единый аффикс, имеющий одно грамматическое значение и единую словообразовательную или формообразовательную функцию. На наличие конфиксов в составе семитского имперфекта впервые указал Н. В. Юшманов⁹.

Конфиксы в имперфектном спряжении являются признаками лица, рода (за исключением 1-го лица) и числа и по своему грамматическому содержанию соответствуют личным субъектным местоимениям. Таков, например, конфикс *t|—|u* в имперфектной глагольной форме *t|ekawwén|u* (V, 12; *wa-tekawwéni* 'и вы будете'), обрамляющий имперфектную основу *-ekawwen-*. Он обозначает 2-е лицо множественного числа мужского рода и по своему содержанию полностью соответствует самостоятельному личному субъектному местоимению *anléti* 'вы' (м. р.) и совершенному окончанию той же личной формы *-kétu*.

Таким образом, конфиксы в значении совпадают с самостоятельными личными местоимениями так же, как с ними совпадают в этом отношении и суффиксы совершенного спряжения, но при этом конфиксы имеют свою особую функцию. Как суффиксы совершенного спряжения создают из основы совершенного (иногда совпадающей с именной, например, *gabr* 'раб', *gabr|a* 'он работал', 'он сделал, сотворил') совершенный глагол, так и конфиксы имперфекта создают из имперфектной основы имперфектный глагол. Хотя совершенный и имперфект различаются по основе [ср. *naš'|at* (VI, 13) 'она сорвала' и *y|enašše'* (XXII, 17) 'он сорвет'], но для фиксации различия между ними совершенно достаточно выделить их аффиксы.

Как указал Ф. Ф. Фортунатов⁹, отношения между основой и аффиксами в семитском спряжении агглютинативны; это с полным основанием можно отнести и к эфиопскому спряжению.

Примечание. Внешние аффиксы обслуживали в эфиопском языке не только формообразование, но и словообразование. Но об этом речь ниже, в разделе «Лексика».

СОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ АФФИКСЫ

23. На стыке глагола и слитного местоимения, а также имени и слитного местоимения в эфиопском языке имеются соединительные аффиксы. Полнее об их составе и происхожде-

⁹ Н. В. Юшманов, *Строй арабского языка*, Л., 1938, стр. 23.

⁹ Ф. Ф. Фортунатов, *Избранные труды*, т. 1, М., 1956, стр. 154.

дении, довольно запутанном и разнообразном, уместнее говорить в параграфах, посвященных сочетанию имен и глаголов со слитными личными местоимениями. Здесь же коснемся их функции. Прежде всего заметим, что в отличие от русских соединительных гласных *-o-*, *-e-* в словах *wod-o-woz* и *mor-e-xod* или латинского *-i-* в слове *agricola* 'земледелец' эфиопские связующие аффиксы служат для объединения в одно цельнооформленное слово не двух основ, а двух слов, из которых второе, правда, не употребляется иначе, как примыкая к полной именной или глагольной форме.

Остановимся на связующем аффиксе *-a-*, который употребляется для присоединения слитных местоимений к глагольным формам, оканчивающимся на согласный звук. Примерами являются словосочетания *za-yebél(a)-kémú* (I, 17) 'то, что он сказал вам'; *wahabat(a)-ni* (XII, 9) 'она дала мне'. Не видно никаких фонетических оснований для возникновения этого *-a-*, так как и без него сочетание конечного согласного глагола и последующего звука слитного местоимения не противоречит эфиопской фонетике. Не несет ли соединительный гласный *-a-* какой-либо дополнительной сигнальной функции?

Только слитное местоимение 1-го лица единственного числа имеет две формы — одну при глаголе (*-ni*), другую при существительном (*-ya*). Остальные слитные местоимения имеют одну форму при двух значениях; при глаголах они заменяют существительное-объект, при именах — существительное-определение (прежде всего название обладателя). Разграничение этих двух функций слитного местоимения целесообразно, тем более что основа глагола в перфекте и основа существительного, как уже говорилось, может совпасть (ср. *gabr|u* 'они сделали' и *gabr* 'раб').

Таким образом, вероятно, *-a-* означает, что за глаголом следует его объект-местоимение. Отсюда не удивительно, что этот соединительный гласный с функцией предвосхищения совпадает с признаком винительного падежа *-a* в именах как падежа объекта.

Слитное местоимение присоединяется к имени в именительном падеже при помощи соединительного гласного *-e-*: *be'sit-(é)-ya* (XII, 3) 'жена моя'; *be'sit(é)-ka* (XVII, 6) 'жены твоей'; *ga(é)-ka* (XIX, 2) 'лица твоего'. Таким образом, форма именительного падежа имени имеет два варианта; с исходом на *é* и с исходом на нуль.

Оба упомянутых соединительных гласных подчеркивают самостоятельность слитного местоимения как слова, не входящего все же до положения части слова.

24. Если из эфиопского слова удалить внешние аффиксы, то получим основу первой степени: в глаголе *t|e|fábbēb* (I, 3) 'она мудрее' (качественный глагол, см. § 42) *-e|fábbēb-* — основа имперфекта, в *gábr|a* (I, 9) 'он создал' *-gabr-* — основа перфекта. В именах *arw|ē* (I, 1; I, 6) 'зверь', *medr* (I, 2) 'земля' — основа совпадает с приведенными формами имен — единственное число именительного падежа. Данные основы являются самыми простыми основами или основами первой степени. Это значит, что синхронически эти основы нельзя разложить так, чтобы в результате разложения получилась более простая основа и аффикс, хотя в истории языка часть основ первой степени и получилась в результате присоединения аффикса к более простым основам.

Для многих других языков анализ слова и кончается, как только выявлена самая простая основа. Так обстоит дело, например, с индоевропейскими и тюркскими языками. В этих типологически довольно разных языках простейшую основу (с точки зрения данного синхронного среза, что в отдельных случаях совпадает и с точкой зрения этимолого-исторической) называют непроемной основой или корнем.

Не так в семитских языках. Корень в них никогда с основой не совпадает; корень — структурная единица более глубокого уровня, чем основа того же синхронного среза. Основа первой степени членится на две прерывистые и перемежающиеся между собой морфемы: корень и диффикс. Корень в подавляющем большинстве случаев состоит из трех согласных, а диффикс в своем простейшем виде состоит из одной, двух, трех гласных, частью распределяющихся между согласными корня (что обязательно), а частью примыкающих к его начальному (первому) или конечному (третьему) компонентам (чего может и не быть).

Основа *-e|fábbēb-* (из *t|e|fábbēb*) распадается на корень *fbb* и диффикс имперфекта *e—á—ē*, который удобнее относить к цифрам, обозначающим согласные корня — $e(1)á(22)e(3)$. Формула — $e1á22e3$ одновременно характеризует и структуру всей основы имперфекта, и ее диффикса. В этой формуле гласные диффикса переданы непосредственно теми же знаками, при помощи которых они передаются в слове, а состав корня дан в отвлечении от его конкретной звуковой характеристики.

Наличие диффикса — $e(1)á(22)e(3)$ подкрепляется, например, следующими имперфектными формами, имеющимися в нашем тексте: *n|ēbá|llē'* (II, 10) 'мы едим' (корень *bl'*); *t|ē|ma|w|w|é|t|u* (IV, 7) 'умрете' (корень *mwt*); *t|ē|bá|llē'|u* (V, 8) 'поедите (*bl'*)'; *t|ē|ka|w|w|é|n|u* (V, 12) 'вы станете' (корень *kwn*), и многими тысячами других имперфектных глагольных основ в эфиоп-

ском языке того же строения *e1a22e3* и с тем же грамматическим значением.

Примечание. В основах имперфекта, как видно из приведенных форм, корень, например *M'*, предстает с удвоением второго коренного — *MI'* (в общем виде 1223). В эфиопских имперфектных основах указанное чередование — удвоение второго коренного — несет формообразовательную нагрузку, составляя вместе с диффиксом *e(1)a(22)e(3)* признак имперфекта. Такое чередование, имеющее грамматическое значение, следует назвать флексией корня. Удвоение второго коренного имеет и другое значение, общее для всех старых семитских языков, — интенсификация действия (об этом ниже).

Наличие корня *ʔbb* (так называемого удвоенного корня с 2 = 3) в значении 'мудр' подтверждается рядом слов, содержащих в своем составе эти согласные и связанных с понятием И «ум», и «мудрость», т. е. словами корневого гнезда. В словах корневого гнезда *ʔbb* согласные корня выступают попеременно с разными диффиксами, например *1a23*, *1e23*, *1a2a3* и др. Корень представляет собой вещественное, знаменательное лексическое значение слова, а диффикс — его грамматическое, первоначально словообразовательное, а затем и формообразовательное значение. Основа *gabr-* (из *gabrja* 'он создал', 'он сделал') имеет корень *gbr* и диффикс *(1)a(23)*. В корне *gbr* содержится лексическое значение 'дел-', 'созда-', в диффикс *(1)a(23)* заключено формообразовательное значение перфекта. Диффикс перфекта *1a23* обслуживает не только перфектную основу, но и однозвучную именную основу *gabr* 'раб', 'слуга'.

Из этого видно, что первоначально эта основа не была даже исключительно глагольной. Временно-видовое формообразовательное значение перфекта диффикс *(1)a(23)* получил в составе форм (первоначально тоже отдельных слов) с личными суффиксами. Диффикс *(1)a(23)* как перфектный выделялся уже в парадигме перфектного спряжения, где во избежание стечения трех согласных (основа *gabr-* + суф. *-ku*, *-ka*, *ki*) по аналогии с другими перфектными основами, получил вариант *(1)a(2)a(3)*: *gabár/ku* 'я сделал(а)'; *gabár/ka* 'ты сделал'; *gabár/ki* 'ты сделала' (см. § 48).

В именной основе *medr* (1, 2), совпадающей с полуаналитической падежной формой¹⁰ и переводимой в соответствующем контексте (*arwé medr* первоначально 'зверь земли') родителем падежом, корень *mdr*, диффикс *(1)e(23)*. Корень *mdr* подтверждается лишь производным *medr/áwi* 'земной', 'земляной' да формами множественного числа *amdár* [диффикс *a(12)a(3)*], *medr/át* 'земли'.

¹⁰ Эта форма (см. § 44, 64) полуаналитична, потому что связана с восточными порядком слов словосочетания: имя-определенное + имя-несогласованное определение. А падежная она потому, что первый член конструкции обычно имеет окончание *-a*.

Диффикс (1)e(23) — один из самых распространенных в эфиопском языке с очень широким значением имени средства. Слов, содержащих этот суффикс, не одна тысяча (см. § 41).

Корень слова *arwe* 'зверь' — 'rw подтверждается формой множественного числа *arawit* с диффиксом (1)a(2)a (3)it другие производные слова этого корневого гнезда составляют уже принадлежность основ более высоких степеней. Диффикс (1)a(23)e подтверждается диффиксом имени *šarwe* 'бревню', 'брус', 'опора', в гнезде которого насчитывается ряд производных с основами первой степени.

Ни корень, ни диффикс никогда не имели отдельного существования в эфиопской речи, но превосходно различались и выделялись народом, пользовавшимся этим языком. Они выделяются в подавляющем большинстве слов эфиопского языка. В первую очередь — в именах, кроме местоимений, и глаголах, а также в отыменных частицах-предлогах и союзах. Чтобы судить о том, насколько широко охватывают корень и диффикс модели построения слов в эфиопском языке, лучше сказать, какие разряды слов не поддаются такому анализу. По признакам, связанным со значением, к подобным словам относятся целиком только местоимения, в том числе местоименные наречия, кроме того частицы, содержащие один или два согласных, например союз *wa-*, предлоги *ba-*, *la-*, *haba-*, отрицание 'i. Очень редко встречаются трехсогласные частицы, не восходящие к местоимениям и не выделяющие корня, например, предлог 'eska.

ЛЕКСИКА

25. Лексика, зарегистрированная в словарях эфиопского языка, и прежде всего в самом полном из них (см. № 12), очень недостаточно характеризует лексический состав этого языка той поры, когда он был живым. Это связано как с тем, что эфиопская лексикография начала создаваться довольно поздно, так и с тем, что не сохранилось памятников устной народной словесности. Кроме того, памятники эфиопской литературы относятся в первую очередь к религиозной сфере, затем преимущественно к официальной политической истории и юриспруденции. При этом религиозная литература, как уже говорилось, в основном переводная.

Этот момент поясняет, какие тематические пласты представлены в эфиопских словарях большим числом слов. Наибольшим числом синонимов обладают тематические рубрики, относящиеся к государственной и религиозно-философской жизни, а не к области конкретной хозяйственной жизни, связанной с основными занятиями населения и географической

средой; вот, например, названия специалистов и должностных лиц¹¹:

«пастух» (1): *nolāwi*;

«охотник» (2): *aṣgāri, na'āwi*;

«каменщик» (2): *magayr (√gyr), ma'ayr (√'yr)*, т. е. собственно, два варианта одного слова;

«земледелец» (4): *harasi* 'пахарь', *haqqal* 'полевик', *gabbarāwi* 'работник', *tagabbāri* 'труженик';

«воин» (5): *harrāwi*, а также *harrā* 'свободный' (в противоположность *gabr* 'раб', ср. араб. *ḥurr*: 'abd), *mastaqātel* 'боец' (близко к араб. *muqātil, mutaḡātil*), *wa-āli* 'часовой', 'несущий караул, стражу, вахту', *sabba'i* 'сражатель', 'воитель';

«судья» (6): *masfen* 'начальник', 'правитель', *qomos* 'игумен', 'настоятель', *qāde* (ср. араб. *qādi*), *k^wal(n)āni* 'осуждающий', *day(y)āni* 'судящий', 'наказывающий', *fat(t)āhi* 'разрешающий', 'отпускающий', 'отворяющий';

«митрополит» (2): *maṭrablit* или *maṭrablites, papas* (оба слова в конечном счете с греческого, но разная судьба греч. [p] говорит о разных последних инстанциях передачи);

«патриарх» (5): *liqja pāpāsāt* (смысловой перевод с греческого) 'старшина митрополитов', *abawja qadamt* 'отцы древних' или просто *qadamt* 'древние' (в смысле русск. *древние*, т. е. патриархи, герои библейских историй); *baṭrja yark* заимствование очень интересного типа: греческое слово *patriarchēs* 'патриарх', 'родоначальник' в эфиопском было воспринято как определительное словосочетание (st. constructus) с его неизменным признаком -a определяемого; наконец, описательные наименования оригинального или переводного происхождения *argāwi* 'abiy 'великий (2) старец (1)' и *abja abaw* 'отец отцов'.

По-видимому, характерная и в настоящее время двуязычность населения Эфиопии существовала и в пору употребления эфиопского языка как языка государственного, но уже переставшего быть разговорным. Возможно, что те сферы жизни, которые церковь и государство преследовали, перешли в сферу обслуживания живыми языками Эфиопии, где и сохрани-

¹¹ Ниже приведенный список составлен по словарю А. Дильмана с помощью латинского указателя к нему (см. № 12). Сначала идет русское обозначение понятия с указанием числа эфиопских синонимов, а затем эфиопские адекваты с указанием их исходного значения. Некоторые семантические связи, чтобы быть понятными, требуют обращения к другим языкам, например «земледелец», «пахарь» (ср. франц. *laboureur*, тоже совмещающее оба значения) — «полевик» (буквальное соответствие франц. *talpagnard*), «работник» (ср. устарев. русск. *работник* в значении 'батрак'). Связь понятий «судья», «начальник» вытекает из араб. *ḥakīm*. Связь между понятиями «судья» и «отпускающий», «разрешающий» основана на роли христианской церкви в общественной жизни Эфиопии и сопоставима с русск. устар. *разрешать от грехов, отпускать грехи*.

лись заимствования и кальки из геза, что делает необходимым изучение других языков Эфиопии для истории геза. Это предполагает, однако, и всестороннее изучение уже собранной лексики. Но, как показывают некоторые труды, подобные книге Стефана Стрельцына¹², можно собрать еще также интересные материалы и в рукописях.

26. Наш текст насчитывает около 158 лексем, из них 55, т. е. более 34%, настолько близки к арабским по своему звуковому составу и значению, что могут быть поняты, исходя из значений их соответствий в арабском языке. Часть из них общесемитская. Вот эти слова в алфавитном порядке корней:

местоименные энклитики 3-го лица — *hu* 'его', *hā* 'ее', *hoti* 'их'; предлог и союз *la* 'для', 'пусть'; *albasa* (каузатив) 'одевать'; *hazan* 'горе'; *mot* (араб. *mawt*) 'смерть'; *mota* (араб. *māta*) 'умереть'; *medr* (араб. *madr*) 'земля'; *šok* (араб. *šawḥ*) 'колючка'; *sam'a* 'слышать'; *samaya* (араб. *samma*) 'называть'; *sayf* (араб. *sayf*) 'меч'; предлог *ba* 'с'; *taḥab'a* (араб. *taḥabba'a*) 'скрываться'; *hebes|t < hebz - t* (араб. *hubz*) 'хлеб'; местоименные энклитики 1-го лица — *na* 'нас', 'наш', *nī* 'меня', *nabara* 'жить' (араб. 'сидеть'); *naḥu* 'вот' (араб. *huḥā* 'здесь'); *ana* 'я'; *anta, anti* 'ты' (м. р., ж. р.); *-ka, -ki* 'тебя', 'твой' (м. р. и ж. р.), *-kemu* 'нас', 'ваш'; *kama* (араб. *ka-* и *kamā*) 'как'; *kona* 'быть', 'стать'; *k^eel* (араб. *kull*) 'все'; *wa* 'и'; *wahaba* 'дать'; *walāda* 'родить'; *aqaba* 'сторожить' (араб. 'следить', 'следовать'); *ayn* 'глаз'; *gasasa-gassa* 'касаться', 'трогать' (араб. *ḡassa*); *gannat* 'сад'; *tabba* 'быть мудрым' (араб. 'быть врачом', ср. араб. *ḥakīm* 'врач' и 'мудрец'); *tafatḥa* 'открываться'; *tafattaha* 'открываться широко'.

К этим понятным для знающего арабский язык эфиопским словам следует присоединить еще ряд слов, близких некоторым словам арабского языка по значению или одинаковых по значению при незначительной разнице в звуковой оболочке.

Примеры: *tanḥi* (араб. *tan*) 'кто'; *šā'r* 'трава' (араб. *šā'r*, 'волосы' — и то и другое растет); *re'eya, re'u* (араб. *ra'a ra'aytu, ra'u* 'видеть', 'взгляд'); *re's* (араб. *ra's*) 'голова'; *ragama* 'проклинать' (араб. *raḡama* 'забрасывать камнями' — материальное выражение проклятия); *balas* 'смоковница' (араб. 'финиковая пальма'), *bal'a* 'есть', 'кушать' (араб. *bala'a* 'глотать').

Слово *beher*, которое имеет в эфиопском языке много значений, связанных с местом, пространством, территорией,

¹² Stefan Strelcyn, *Prières magiques éthiopiennes pour délier les charmes*. — «Rocznik orientalistyczny», т. XVIII, Warszawa, 1955 (в этой книге собрано много медицинской и ботанической лексики).

в том числе: 'место', 'приход', 'район', 'область', 'страна', 'мир', ассоциируется с тем значением этого корня, которое выступает в арабском глаголе *istabḥara* 'простирается' и более узким его значением в существительном *bahra(tun)* (мн. ч. *bihār*) 'край', 'страна'.

Существительные абстрактного значения *baḥt* 'единичность', *baḥtīt* 'исключительность', употребляющиеся в эфиопском языке как обстоятельства со значением «только», сопоставимы с арабским прилагательным *baḥt* 'чистый', 'без примеси' (ср. употребление «чисто» в русском языке в таких выражениях, как «чисто внешнее сходство»).

Baq'ela 'произрастать' связано с арабским *baqala* с тем же значением (*q'* отражает арабский типовой гласный *u* в имперфекте).

Имена относительные *be'slī*, *be'slīt*, выступающие в значениях 'мужчина', 'женщина', восходят к *be's*, закономерному соответствию арабскому *bu's* (чаще *ba's*) 'беда', 'несчастье'; означали первоначально «бедолага», «несчастный», «несчастливая» (это разновидность табу, ср. инд.-евр. «смертный»).

Еще примеры: *em(m)* 'мать' — араб. *umm*; *a'mara* 'знать' — араб. *amāra(tun)* 'знак'; *arwe* 'зверь', 'животное' — араб. *arwiyat(un)* 'серна' с обобщением значения; эфиопский предлог *westa* 'в', 'среди', восходящий к имени *west* 'середина', ср. с арабским *wasf* = *wasaf* того же значения (слово вошло в словообразовательный ряд имени средств со структурой *le23* как название места, ср. *medr*, *i* дало *i* под влиянием предшествующего *s*); *'elat* 'день' с исходным значением 'продолжительность' (вместо **wa'elat*) соответствует арабскому **(wa)gilat* от *V wgl* (ср. глагол IV породы *awgala* 'убыстрять', 'делать что-либо быстро'); *mo'alt* (мн. ч. *mawā'el*) 'день' образовано от *w'l* по формуле имени средств, впоследствии получившей уточненное значение имени орудия (ср. араб. *milād* из **miwlad* 'рождество', т. е. 'время рождения', совпавшее по форме с именем орудия); *'alam* 'вечность', 'мир' (араб. только 'мир', 'вселенная'; время и место в семитских языках часто обозначаются одинаково) заимствовано, судя по структуре и значению, из библейско-арамейского *'alam*; *a'dal* (только мн. ч.) 'одежда' соответствует араб. *a'dal* (ед. ч. *'idi*) 'мешки' (ср. русск. название фасона пальто *сак* из франц. *sac* — первоначально «мешок»).

Переходим к лексике, требующей обстоятельных комментариев. Примеры:

эфиоп. *tadla* 'изобилие' связано с рефлексивным (признак — префикс *ta-*) и каузативным (признак — удвоение второго согласного корня) глаголом *tadallawa* 'снарядяться', 'снабжаться', 'жить в довольстве, изобилии'. Этот глагол восходит к несохранившемуся в эфиопском языке названию

снаряда для извлечения воды из колодца типа арабского *dalw(un)* 'ведро' и *daliyat* 'колесо для подъема воды (при орошении)' того же корня;

эфиоп. глагол *faraha* 'бояться' не имеет в арабском языке подходящего по значению фонетического соответствия, но первые два согласных корня встречаются в арабских глаголах, обозначающих «бегство» — *farra*, *nafara*. На основе чередования семитских согласных внутри трех рядов: передние (губные), средние (передне- и среднеязычные) и задние (прочие, начиная с заднеязычных, кончая ларингальным)¹³, законны сопоставления с араб. *faza'a* 'бояться', *war'a* 'быть робким, пугливым';

эфиоп. *tefšeht* 'радость' связано с глаголом III породы (рефлексив с каузативом) *tafaššaha* от имени *fešh* 'радость'. Со словами этого корня сопоставимы араб. *farah* 'радость', *fariha* 'радоваться' (чередование зубных [š|ʃ|r]), а принимая во внимание связь значений «расширяться (о груди)» и «радоваться», еще и *tafaššaha*, *tawassa'a* (s вместо š; w вместо f, ' вместо h);

эфиоп. глагол *gabra* '(с)делать', '(с)творить' сопоставим с арабским *gabara* 'вправлять', 'делать что-либо, требующее применения силы'. Однако, учитывая возможность чередования согласных корня, привлечем для сравнения гораздо более близкие по значению араб. *'amila* и евр. *'abad* 'работать', 'делать' и араб. *fa'ila*, евр. *pa'al* (перестановка коренных — 213) 'делать', 'действовать'.

В некоторых случаях необходимо привлечь данные диалектов семитских языков. Так *hora* (*Vhwr*) 'идти', 'ходить' сопоставимо с распространенным во многих диалектах *raha* (*Vrwħ*) с тем же значением (перестановка коренных — 321).

Часть слов нашего текста сопоставима с древнееврейским языком: эфиоп. глагол *ayda'a* 'уведомить', каузатив от *yada'a* 'знать', очень близок к евр. *yada'* того же значения; *'esal* 'огонь', ср. евр. *'eš*, аккад. *išātu*; эфиоп. *faraya* 'приносить плоды', *feré* 'плод', евр. *para*, *pri* — с теми же значениями. Эти примеры указывают также на схождения эфиопской лексики с аккадской там, где такое схождение не является общесемитским.

Что касается заимствования слов, то несомненно заимствованы из древнееврейского (посредник неизвестен) слова *surāfēl* 'серафим' и *kirabēl* 'херувим'. Сфера обращения этих слов прекрасно характеризуется их тематическим содержанием — иудейская и христианская мифология. Более широка сфе-

¹³ Ср. В. П. Старинин, *К вопросу о семантическом аспекте сравнительно-исторического метода (Изосемантические ряды С. С. Майзеля)*, — журн. «Советское востоковедение», 1955, № 4.

ра употребления заимствованного из древнееврейского или арамейского слова *'alam*, может быть, через посредство арабского (см. выше).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

27. Эфиопское словообразование обслуживается прежде всего диффисмами (см. раздел «Структура слова»). Наиболее употребительные диффисмы указаны в главах, посвященных имени и глаголу.

Другим средством словообразования являются суффиксы. Суффиксы могут быть прерывистыми, например, суффикс имени деятеля, образуемого от основы перфекта: он обрамляет последний согласный корня — перед ним стоит долгий *ā*, после него *i*. Формула структуры суффикса имени деятеля такова: *a(3)ī*. Нередко под влиянием формулы имен интенсивного деятеля (1)а(22)а3 или перфектных основ с удвоенным коренным второй коренной имени действующего удваивается, например, от *fatha* 'открывать' имя действующего *fatahi* или *fatafi*, а от *tagabbara* 'трудиться' — *tagabbari* 'трудящийся', так как удвоение есть уже в основе.

Существенным подспорьем словообразованию с его аффиксальной техникой служат словосочетания. В качестве аналитической формы словообразования часто выступает определительное сочетание, где первым словом является имя определяемое с окончанием *-a*, а вторым — несогласованное определение без падежного окончания. По смыслу и функции определительное словосочетание этого типа является соответствием *status constructus* в других семитских языках. Примеры приводились уже в § 25 (см. «патриарх»). В нашем тексте примерами лексикализованных словосочетаний этого типа являются *arwē medr* 'змея', букв. 'зверь земли' (окончания *a* нет вследствие исхода слова *arwē* на *ē*) и *egzi'abher* (вместо *egzi'a beher*) 'господь', букв. 'господин мира'. Это второе словосочетание даже и пишется в одно слово, а в позднейших памятниках зафиксировано с падежным окончанием. Но это едва ли не единственный в эфиопском языке случай превращения в цельнооформленное слово сочетания этого типа. Наличие одного ударения приближает данное словосочетание к единому слову: первый член определительного словосочетания свое ударение теряет, а ударение падает на второй. Если определительное словосочетание этого типа содержит много слов, тогда старые ударения восстанавливаются, но в ослабленном виде, как вторичные, а второй член несет главное ударение. Амхарский и другие языки Эфиопии нередко заимствовали подобные словосочетания как единое слово. Это относится и ко многим именам, например, *Haylla Salase* (в тра-

диционном амхарском произношении Хейле Селасие) 'сила тронцы'.

28. Наш очерк оставляет без ответа вопрос о структуре корня, т. е. прежде всего сочетаемости в пределах корня звуков одной и той же или близкой артикуляции, а также о связи между собой корней, имеющих по три согласных — с одной стороны, и корней с числом согласных, большим или меньшим, чем три, — с другой. Даже постановка этих вопросов выходит за рамки нашего очерка, который мы намеренно ограничили определенным лексическим и грамматическим материалом. Довольно подробно, на материале ряда семитских языков этот вопрос разбирается в большой грамматике арабского языка Б. М. Гранде¹⁴. Другие стороны этого вопроса затронуты в моей статье относительно изосемантических рядов С. С. Майзеля¹⁵. В краткой форме касается этого вопроса С. Москати в своем «Введении в сравнительную грамматику семитских языков»¹⁶. В последней работе, а также в работе А. М. Газова-Гинзберга¹⁷, где этот вопрос связан с вопросом о звукоподражании, имеется библиография.

МОРФОЛОГИЯ

МЕСТОИМЕННЯ

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННЯ

29. Как и в остальных семитских языках, в эфиопском языке личные местоимения бывают: а) отдельные, или самостоятельные, б) слитные, т. е. энклитики, и наконец, в) в составе личных форм глагола — аффиксальные. Последние, поскольку они не составляют целого слова, правильнее назвать местоименными аффиксами. Различаясь по своим функциям в составе предложения, словосочетания, слова, все эти местоимения имеют одно и то же лексическое, а отчасти и грамматическое содержание и очень точно соотносятся между собой, образуя единую систему (см. табл. 6).

Местоименные аффиксы, или аффиксы спряжения, рассматриваются в разделе «Глагол».

Удобнее и слитные местоимения рассматривать в разделах, описывающих те части речи, к которым слитные местоимения

¹⁴ Б. М. Гранде, *Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении*, М., 1953, гл. 1, особенно §§ 3—19.

¹⁵ В. П. Старинин, *К вопросу о семантическом аспекте сравнительно-исторического метода*, — «Советское востоковедение», 1955, № 4.

¹⁶ S. Moscati, A. Spitaler, E. Ullendorfi and W. von Soden, *Introduction into comparative grammar of semitic languages*, Wiesbaden, 1964, §§ 11.5—11.10.

¹⁷ А. М. Газов-Гинзберг, *Был ли язык изобразителен в своих истоках?*, М., 1965.

Личные местоимения

Число	Лицо	Род	Отдельные (субъективные)	Слитные (несубъективные)	Обособитель- ственного глагола (депринци- пция)	Местоименные аффиксы		
						перфекта	инпер- фекта	повелительного наклонения
Единственное	1-е	—	<i>ána</i>	<i>-ya, -ni*</i>	<i>-éya</i>	<i>-ka</i>	нет формы 1-го лица нет окончания нет формы 3-го лица	
	2-е	муж. жен.	<i>ána</i> <i>áná</i>	<i>-ka</i>	<i>áka-</i>	<i>-ka</i>		
	3-е	муж. жен.	<i>áná</i> <i>wé'ánu</i> <i>yo'áti</i>	<i>-ki</i> <i>-há, -á, -á^{2*}</i> <i>-há, -á</i>	<i>-akl</i> <i>-á</i> <i>-á</i>	<i>-ki</i> <i>-a</i> <i>-af</i>		
Множественное	1-е	—	<i>néna</i>	<i>-na</i>	<i>-ána</i>	<i>-la</i> (перед слитными местоимениями <i>-na</i>)	нет формы 1-го лица	
	2-е	муж. жен.	<i>ánénu</i> <i>ánénu</i>	<i>-kenu</i> <i>-ken</i>	<i>-ákeni</i> <i>-áken</i>	<i>-kenu</i> <i>-ken</i> (перед слитными местоимениями <i>-ka-</i>)		
	3-е	муж. жен.	<i>éniánu</i> <i>wé'éniánu</i> <i>éniánu</i> <i>wé'éniánu</i>	<i>-benu</i> <i>-benu</i> <i>-bén</i> <i>-on</i>	<i>-ábeni</i> <i>-áben</i>	<i>-á</i> <i>-á</i>		

* *-ya* употребляется с именами и предложениями, *-ni* — с глаголами.** Слитные местоимения 3-го лица имеют две, а в единственном числе мужского рода — три формы. Первая форма (с начальным *h-*) присоединяется только к словам, оканчивающимся на долгие гласные; вторая — к именам с исходом на со гласной, третья — к именам и винительному падежу и к глаголам с исходом на согласный (см. § 45).

присоединяются: глаголы, имена, предлоги. На долю специального раздела морфологии о местоимениях остается соотношение отдельных подразделов личных местоимений между собой, поскольку оно не входит в синтаксис, их структура, а также формы остальных разрядов местоимений.

Самостоятельные и слитные личные местоимения

30. Отдельные, или самостоятельные, местоимения служат для выражения только подлежащих и, будучи сопоставлены с падежными формами имен, соответствуют именительному их падежу в его варианте без предлога. При глагольном сказуемом они играют лишь роль усилителя, выделяя субъект, уже выраженный в глаголе, и превращая его в подлежащее.

Более значительна роль отдельного личного местоимения в функции подлежащего в именном предложении, так как другого подлежащего или его замены в нем нет. В тех же случаях, когда именное сказуемое присоединяют к себе слитные местоимения (см. наш текст VII, X, XI), отдельные местоимения являются усилительными.

Формы *ánta*, *ánti*, *antēmu*, *antēn* можно представить как сочетание энклитик *-ka*, *-ki*, *-kēmu*, *-kēn* с усилительной препозитивной частицей *an-*, возможно родственной арабским *in(na)*, *an(na)*, еврейской *amen*; под влиянием соседнего *n* звук *k* продвинулся вперед и превратился в *t* (этому же способствовало последующее *i* в форме женского рода единственного числа; очень возможно, что ассимиляция, закончившаяся превращением *k* в *t*, произошла именно в этой форме, а дальше действовала аналогия).

Что касается местоимения 1-го лица единственного числа, то в аккадском сохранилась форма *anāku*, которую следует членить *ana-ku*. Тогда оказывается, что от этой формы остался только элемент, передающий усиление (см. § 38).

Труднее понять происхождение *neñna*. По своему фонетическому составу (*-ñ-*) оно специфически семитское и отсюда моложе своих собратьев, которые подобных звуков не содержат.

Что касается форм 3-го лица, то в эфиопском языке они в целом очень не похожи на соответствующие формы в других семитских языках. Формы единственного числа *we'e|ta* (м. р.), *ye'e|ti* (ж. р.) сопоставимы в своих первых частях соответственно с еврейскими *hū* 'он', *hi* 'она', имея в виду, что последние тоже неодносоставны (ср. арабские указательные местоимения *hā'ulā'i* и *ulā'i|ka*) и что долгие *ū* и *i*, освободившись от хамзы в начале слова, преобразовались соответственно сначала в *wu'*, *yi'*, а затем, потеряв долготу, в *we'*, *ye'* (ср. § 14). Вторая часть форм 3-го лица *-tu*, *-ti* вхо-

дит в состав указательных местоимений эфиопского языка (*zen|tu* 'этот', *zā|ti* 'эта'), а *tī* имеется и в арабских указательных и относительных местоимениях *filka* 'та' (в закрытом слове — краткий гласный) и *allāti* 'которая'. В формах 3-го лица множественного числа *we'etomu*, *emuntu* (м. р.) и *we'eton*, *emāntū* (ж. р.), где *-omu* и *-on* тождественны слитным местоимениям 3-го лица, *emu* сопоставимо с арабским *hum(ū)* 'они' и *humā* 'оба', 'обе'. Все формы местоимений 3-го лица являются одновременно и указательными местоимениями, и в этом своем качестве *we'etu* имеет форму винительного падежа *we'eta*, а *ye'eti* — *ye'eta*.

Несоответствие в гласных в формах *-homu* (вместо **hemu*, ср. *emuntu*), *-hōn* (вместо **hen*, ср. *-ken*) объясняется влиянием форм *-ōmi*, *-ōn*, где гласный *o* возник в результате слияния с окончанием *-a* ($a + u = o$), а затем распространился и на всю форму.

В единственном числе это обобщение коснулось только формы, присоединяемой к глаголу (*-o*); в форме, присоединяемой к имени, *-o* встречается только в результате слияния с окончанием винительного падежа (*-a*): *be'sit-o* 'его жену' (из *be'sit|a + -a*).

Слитные местоимения, присоединяемые к глаголу (в некоторых случаях через соединительный гласный), соответствуют именному объекту в винительном падеже. Слитные местоимения, присоединенные к имени, представляют собой параллель второй — определительной — части несогласованного определительного сочетания (*status constructus*). О структурном различии определительного сочетания со вторым членом — местоимением и таком же сочетании из двух имен будет сказано в разделах «Имя» и «Синтаксис».

Слитные местоимения, присоединенные к предлогу и выражающие обстоятельства, а иногда дополнения, стоят в той же форме, что и слитные местоимения с глаголами и именами, но при этом конечный гласный *-a* именных предлогов заменяется гласным *-e* — своеобразным признаком предлогов как особой части речи.

Только слитное местоимение 1-го лица единственного числа — в отличие от других лиц, не различающее рода, — имеет особые формы в зависимости от частей речи, к которым оно присоединяется: к глаголу присоединяется *-lī*, к имени и к предлогу — *-ya*.

Следующий отрывок из прилагаемого текста содержит почти все названные виды личных местоимений и местоименных аффиксов (XI, 3—14): *mānnu* (кто) *ayde'|á-ka* (осведомил — 3-е л. ед. ч. м. р. — тебя) *kama* (что) *'eragé-ka* (гол ты; букв. голое твое, голое тебя) *ánta* (ты) *sóba* (если) *akkó* (не) *za* (то, что) *balá'ka* (ты поел) *zánt|a* (то; *-a* — признак вин. пад.)

'*édja* (дерево; -а—признак вин. пад.) *za* (что=которое) *kald'ka-ka* (я, запретил тебе).

Личное местоимение отдельное встречается здесь один раз *anta* 'ты' (м. р.); оно употреблено плеонастически, для подчеркивания субъекта в виде отдельно выраженного подлежащего, хотя субъект действия (соответственно состояния) выражен в составе именного сочетания слитным местоимением: '*eragé-ka* 'ты гол'. Без эмфазы выражен субъект действия «есть», «кушать» в глаголе *balá'ka* 'ты поел', почему оказалось достаточным перфектного окончания. Неплеонастично отдельное личное местоимение в предложении без глагола и без слитного местоимения: *ayté anta* (IX, 5—6) 'где ты?'

Новые самостоятельные личные местоимения

31. В эфиопском языке, как и в других семитских языках, самостоятельные местоимения возникли из слитных путем наращивания усилительных частиц, но кроме того эфиопский язык создал еще три вида самостоятельных местоимений. Все самостоятельные личные местоимения носят усилительный, выделительный характер, но эфиопские новые самостоятельные местоимения вдвойне усилительны.

Первый вид — новые субъектные местоимения, имеющие в начале частицу *lali-* (может быть сопоставлена с арабской утвердительной частицей *la* по фонетическому составу и с арабской частицей *inn(a)* по функции): *lali'ya* 'я сам'; *lali'ka* 'ты сам' (м. р.); *lali'ki* 'ты сам' (ж. р.); *lali'hū* 'он сам'; *lali'hā* 'она сама'; *lali'na* 'мы сами'; *lali'kemu* 'вы сами'; *lali'ken* 'вы сами' (ж. р.); *lali'homu* 'они сами' (м. р.); *lali'hón* 'они сами' (ж. р.) (ср. араб. *innī, innaka...*, *innahu* и т. д.).

Второй вид — объектные самостоятельные местоимения, имеющие в начале частицу *kiyá-* (ср. араб. *iyyá-*, которое употребляется так же, будучи, по-видимому, основой существительного): *kiyá'ya* 'меня'; *kiyá'ka* 'тебя' (м. р.); *kiyá'ki* 'тебя' (ж. р.); *kiyá'hū* 'его'; *kiyá'hā* 'ее' и т. д.

Третий вид — самостоятельные притяжательные местоимения, образуемые от слитных путем наращивания основ, происходящих от относительных местоимений: *zi'a* от *ze* (ср. араб. *a llādī*) 'который'; *enti'a* от *enta* 'которая'; *elli'a* от *ella* 'которые'. Любопытно, что в структуре самостоятельных притяжательных местоимений отражены: в относительных основах род и число обладаемого, а в слитных местоимениях род (кроме 1-го лица), число и лицо обладателя. В этом отношении им аналогичны русские народные местоименные прилагательные 3-го лица, которыми очень удачно переводятся эфиопские притяжательные местоимения: *zi'a'hū* 'егойный', *zi'a'hā* 'ейный', *zi'a'homu* и *zi'a'hón* 'ихний' (в русском языке не отражен род

обладателя); *enti'a|hu* 'евоинная', *enti'a|há* 'еинная', *enti'a|homu* и *enti'a|hón* 'ихинная' (в русском без означения рода обладателя); *elli'a|hú* 'евоинные', *elli'a|há* 'еинные', *elli'a|hómu* и *elli'a|hón* 'ихинные'.

Для перевода эфиопских самостоятельных притяжательных местоимений 2-го лица русский язык уже не имеет ни народных, ни литературных форм, поэтому приходится довольствоваться лишь указанием на лицо и число обладателя и на род и число обладаемого; *zi'a|ka* 'твой' (м. р.), т. е. 'тот, который принадлежит тебе, собеседник'; *zi'a|ki* 'твой' (ж. р.), т. е. 'тот, который принадлежит тебе, собеседница'; *zi'a|kétu* 'ваш' (м. р.), т. е. 'тот, который принадлежит вам, собеседники'; *zi'a|kén* 'ваш' (ж. р.), т. е. 'тот, который принадлежит вам, собеседницы'; *enti'a|ka* 'твоя', т. е. 'принадлежащая тебе, собеседник'; *enti'a|ki* 'твоя', т. е. 'принадлежащая тебе, собеседница'; *enti'a|kétu* 'ваша', т. е. 'принадлежащая вам, собеседники'; *enti'a|kén* 'ваша', т. е. 'принадлежащая вам, собеседницы' и т. д.

Приведенные формы самостоятельных притяжательных местоимений аналогичны и по своему грамматическому содержанию, и по своей структуре самостоятельным притяжательным местоимениям языка хауса с той лишь разницей, что в хауса в них не выражается число обладаемого предмета.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

32. Выше (см. § 29) были названы личные местоимения 3-го лица *we'etu*, *ye'eti*, *we'etomu*, *we'eton*, которые являются одновременно и указательными. В нашем тексте встречается еще *zentu* (XIV, 7) 'тот', 'та', 'то', форма винительного падежа *zanta* (XI, 11). Соответствующая форма женского рода неупотребительна, вместо нее используется *zāti* (вин. пад. — *zāta*). Форма множественного числа мужского рода — *ellontu* (вин. пад. — *ellonta*), женского рода — *ellāntu* (вин. пад. — *ellanta*). Эти местоимения образуются из относительных *ze* (м. р. вин. пад. — *za*), *zā* (ж. р. им. и вин. пад.), *ellu* (мн. ч. м. р. им. и вин. пад.), *ellā* (мн. ч. ж. р.), к которым добавляются различные указательные частицы. Указательные местоимения употребляются и самостоятельно, и в качестве определения.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

33. Наиболее употребительные вопросительные местоимения: *tanpu* 'кто' (вин. пад. — *tanpa*) и *ment* 'что' (вин. пад. — *menta*); *ayu* 'какой', 'какая', 'какое' (вин. пад. — *ayua*), *ayāt* 'какие' (вин. пад. — *ayāta*). С последним связано местоименное вопросительное наречие *ayé* (ср. подобную же связь между арабским *ay* 'какой', 'который' и *ayna* 'где').

34. Очень большую роль в эфиопском языке играют относительные местоимения, которые частично или полностью совпадают с указательными и вопросительными. Помимо того что они вводят относительные придаточные предложения, которые в эфиопском языке очень распространены, они оформляют еще атрибутивные словосочетания самого различного состава. Полностью совпадают по числу своих форм с соответствующими вопросительными местоимениями относительные местоимения *taḥsi* и *ment*.

Другие относительные местоимения, происшедшие из указательного, имеют три формы: *za* (м. р.), *enta* (ж. р.) и *ella* (множественное число обоих родов). Все они проклитичны, т. е. собственного ударения не имеют, а объединяются общим ударением со следующим за ним словом, которое и несет ударение. Форма *za* имеет тенденцию вытеснить остальные формы.

Однако в нашем тексте к словам женского рода *medr* 'земля', 'страна', 'мир', *meret* 'земля', 'пыль', 'прах' и *sayf* 'меч' отнесена женская форма относительного местоимения *enta*.

35. Кроме местоимений в собственном смысле слова имеет еще ряд существительных, близких по своему значению к местоимениям. Из нашего текста к числу таких существительных принадлежит слово *k^wel*, об особенностях употребления которого будет сказано в § 76. Из местоименных наречий мы уже назвали слово *ayé* 'где', к ним же принадлежит из нашего текста *ye'ze* (XXII, 12) 'теперь'. Местоименного происхождения предлог и союз *kama*, имеющий значения: 1) 'как' (ср. араб. *ka* — и *kama*) — предлог, 2) 'что', 'как' — союз и 3) 'чтобы', а также союз *esta* 'потому что', 'ибо'.

МЕСТОИМЕНА В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

36. В соответствии с трехчленной классификацией частей речи в семитских языках местоимения относятся к именам. Их фонетический состав лишен специфических для семитской языковой семьи звуков (исключение составляет лишь местоимение 1-го лица множественного числа *neḥna*) и позволяет их сравнить с несемитскими языками семитохамитской семьи. Довольно хорошо обосновано предположение о возникновении семитохамитских глаголов в результате соединения слов предметного и действительного значения с личными субъективными местоимениями. Местоимения присоединялись то как проклитики (ср. хауса, ср. французское спряжение), давая имперфект то как энклитики, образуя перфект. В составе семитского гла-

гола проклитики дали префиксы, энклитики — суффиксы. В эфиопском языке это древнейшее глаголообразование повторилось на новом, более дифференцированном материале: притяжательные местоимения присоединились к имени действия, превратившись в так называемые деепричастия, точнее же обстоятельственные глаголы. Возникновение их из указанных элементов уже не гипотеза, так как сохранились и элементы, и их суммарный результат. Слова, к которым личные местоимения не приросли в качестве их составной части, превратились в противоположность глаголам и местоимениям в имена.

37. Роль личного местоимения в цементировании эфиопского предложения весьма универсальна (см. раздел «Синтаксис», §§ 66—67 и 71—72). Выражая все второстепенные члены предложения, личное местоимение оказало значительное влияние на формирование служебных частей речи (предлог) в эфиопском языке.

Более велика роль и относительного местоимения в эфиопском языке по сравнению, например, с его ближайшим родственником — языком арабским. И в этом отношении эфиопский язык дает пример превращения служебного слова в морфему (см. § 49).

Кроме замены всех членов предложения, которые может выражать имя, указательные местоимения употребляются еще в качестве связки. Морфологические признаки лица, рода, числа, падежа выражаются в различных подразделениях местоимений по-разному: иногда так же, как и в других частях речи, их имеющих, — раздельно, как отдельные морфемы одного слова, а иногда совокупно — все три признака в нечленном на морфемы слове.

Личные, указательные и вопросительные местоимения древнее относительных. Относительные местоимения произошли одни — от указательных, другие — от вопросительных. Неопределенные и отрицательные местоимения в эфиопском языке — это те же вопросительные в соответствующем контексте, т. е., например, с отрицанием. Вместо остальных разрядов местоимений, имеющих в русском языке, как, например, возвратные и определительные, в эфиопском языке употребляются переосмысленные имена или имена специального значения. Среди слов, выступающих в обстоятельной функции, своей связью с местоимениями выделяются местоименные наречия.

Об исключительной роли в эфиопской речи местоимений и особенно личных местоимений достаточно ясно говорят следующие цифры, относящиеся к приложенному тексту. Их полезно сопоставить с аналогичными цифрами арабского и русского перевода.

	Эфиоп.	Араб.	Русск.
Всего слов (словоформ) в тексте	545	502	507
Из них местоимений	101	86	98
в % ко всем словам	18%	17%	20%
В том числе личных	81	73	98
из них отдельных	9	6	—
слитных	72	57	—
Слов, оформленных местоименными аффиксами (— личных глаголов)	87	75	26
Остальных местоимений	29	13	—
Всего слов и морфем местоименного грамматического содержания	188	161	124
в % ко всем словоформам	34%	32%	24%

Происхождение перфектных личных окончаний

38. Сопоставление фонетического состава слитных местоимений и перфектных окончаний, а равно и предикативных именных конструкций со слитными местоимениями типа *'era-de-ka* 'ты гол' дает основания предполагать, что перфектные окончания 2-го лица единственного и множественного числа и 1-го лица множественного числа произошли из слитных местоимений. Что касается 3-го лица единственного и множественного числа, то окончание женского рода единственного числа и оба окончания множественного числа восходят к именным формам [ср. признак женского рода у имен *-t*, *-at*; ср. *ā* в окончаниях целого множественного *-āt*; ср. араб. *ī(ла)* в целом множественном числе мужского рода]. Впрочем сами окончания целого множественного числа находятся в генетической связи с окончаниями местоимений 2-го и 3-го лица во множественном числе, о чем будет сказано ниже (§ 43). Окончание 3-го лица мужского рода *-a* восходит, может быть, к энклитике **-ла* из однозвучной проклитики (варианта проклитики *ya*, сохранившейся в языке хауса и отраженной в префиксе *u-* имперфективного спряжения); согласный элемент **ла* не сохранился, вероятно, подвергнувшись предварительно уподоблению предшествующему согласному (третьему согласному корня).

О происхождении различия между слитным местоимением 1-го лица единственного числа *ana* и аналогичным перфектным окончанием *ku* ничего достоверного неизвестно. Напомним лишь, что *-ku* сохранилось в аккадском самостоятельном местоимении *anaku*, в состав которого оно вошло, надо полагать, по аналогии с самостоятельными местоимениями 2-го лица — из слитного местоимения *-ku*, а никак не из перфекта, которого в аккадском языке и не было (см. § 30). Это наводит на мысль, что самостоятельные местоимения в семитских языках старше перфекта.

Происхождение имперфектных префиксов

39. Происхождение имперфектных префиксов восходит ко времени семитохамитской языковой общности. Префиксы 3-го лица единственного и множественного числа *u-* произошли от проклитик *ya-*, сохранившихся в языке хауса. Префикс 2-го лица *t-*, омонимичный с префиксом 3-го лица женского рода, заменил старые проклитики **ka* (м. р.), **ki* (ж. р.) (которые сохранились в языке хауса), вероятно, под влиянием соответствующих самостоятельных местоимений *anta*, *anti*.

Что касается окончаний имперфекта во множественном числе *-a*, *-ā*, то они восходят, вероятно, к конечным гласным соответствующих личных местоимений (см. табл. 6), общим для слитных и самостоятельных местоимений. Гласный *-ā* (показатель множественного числа женского рода) присутствует в первой половине местоимения 3-го лица множественного числа женского рода *emā|atu*, которая регулярно восходит к *hamā* — форме, сохранившейся в арабском языке как местоимение двойственного числа обоих родов и использованной в эфиопском языке в значении множественного числа женского рода.

ИМЯ

СТРУКТУРА ИМЕНИ

40. Структура имени в эфиопском языке характеризуется агглютинативным словоизменением и прерывисто-двучленным словообразованием с некоторыми чертами внутренней флексии (см. §§ 22, 23, 24). Агглютинативность словоизменения имени заключается в том, что аффиксы рода, числа, падежа наращиваются на основу в названном порядке, а их значения четко разделены и каждая именная основа первой степени (не исторически, а синхронно) как с одним, двумя и тремя суффиксами словоизменения, так и вовсе без них, имеет признаки цельного слова. Эти черты в разной степени отличают эфиопский язык от других старых литературных семитских языков, в том числе от классического арабского языка, столь близкого эфиопскому по словарю, по фонетике да и по многим чертам морфологии и словообразования.

Например, *qāl* 'голос', вин. пад. — *qāl|a*, мн. ч. — *qāl|āt*, вин. пад. мн. ч. — *qāl|āt|a* (ср. арабское имя в целом множественном числе, где показатели рода, числа, падежа и в некоторой степени и постпозитивного члена тесно связаны между собой: *mu'allim|na* 'учителей', *mu'allim|āt|in* 'учительниц').

Некоторая связанность рода с числом в эфиопском сохранилась в случаях, когда показатель женского рода ис-

пользуется для обозначения пола или прибавляется (может быть присоединен) для согласования: например, *ʔabib* 'мудрец', в вин. пад. — *ʔabib|a*, мн. ч. — *ʔabib|ān*, мн. ч. вин. пад. — *ʔabib|ān|a*; *ʔabib|āt* 'мудрая', вин. пад. — *ʔabib|āt|a*, мн. ч. — *ʔabib|at*, мн. ч. вин. пад. — *ʔabib|at|a*. Здесь форманты множественного числа для мужского рода — *ān*, а для женского — *āt*. Но эта связь могла возникнуть и в ту пору, когда еще не было и намека на грамматикализацию категорий множественного числа и женского рода, а когда и та и другая были исключительно моментами словообразования.

ОБРАЗОВАНИЕ ОСНОВ

41. Наиболее распространенными типами основ являются следующие:

gebr (1e23), например: *medr* 'земля', *re's* 'голова', *re'u* 'вид', 'взгляд', *met* 'муж' (*V mtt* — мн. ч. ломаное *amtāt*), *em* 'мать' (перед слитными местоимениями, начинающимися на гласный *em*: *emm-ōmi* 'их мать'), *eḏ* 'дерево' (*V ḏw* — мн. ч. ломаное 'eddw).

gabr (1a23): *'ayn* 'глаз', *sayf* 'меч', *sark* 'вечер', *q'aṣṭ* 'листва', 'лист', *šok* (*šawḵ) 'колочка'.

gabār (1a2a3): *balās* 'смоковница', 'плод смоковницы', *ḥazān* 'горе'.

gabār или **gabbār** [1a2(2)a3]: *ṣannāy* 'благо', 'добро', 'хороший', *salām* 'мир'.

gebār (1e2a3): *'erāq* 'голый', *šeqāy* 'мучение', *esāt* 'огонь', *ferē* (<*ferāy 'плод').

gebūr (1e2u3; причастие страдательное и имя качественное, согласуемое с определяемым): *regām* 'проклятый', *ekāy* 'злой', 'плохой', 'зло', *bezāḥ* 'многочисленный' (мн. ч. *bezuḥ|ān*, *bezuḥ|āt* 'многие'). Вследствие превращения краткого *u* в *e* под влиянием двойное закрытого слога формы женского рода на *-t* будут *gebērt*: *regēmt*, *bezēht*, но *ekit* (*u + u* в закрытом слоге дали *i*).

gabīr (1a2i3) имеет два лексико-грамматических значения: а) имя качественное, согласуемое с определяемым (соответствует арабской основе той же модели): *ʔabib* 'мудрый', *ḥadīs* 'новый', *'azīz* 'сильный', *marīr* 'горький', *qalīl* 'легкий' (см. § 42); б) инфинитив от глаголов I породы: *balī* 'есть' 'кушать' от глагола *bal'a* (baw) того же значения, *labīs* от *lābsa* 'одеваться', *ḥawīr* от *ḥora* (ḥwr) 'ходить', *wahīb* от *wahāba* 'давать', *behil* (*e < a* под влиянием *i*, следующего за фрингальным *h*, см. § 18) от неправильного глагола *behela* 'сказать'; в нашем тексте встречаются много раз формы имперфекта этого глагола: *yeḥbē* 'он сказал', *yeḥēl-ō* 'он сказал

ему', *yebel-á* 'он сказал ей', *tebē* 'он говорит', *tebel-ó* 'он говорит ему'.

Из диффиксов, выходящих за пределы корня, отметим (см. § 24):

agbár (a12á3), как правило, этот диффикс передает множественное число: *amtát* от *met* 'муж', *ašwák* от *šok* 'кошечка'; *asyáf* от *sayf* 'меч'; *ablás* от *balás* 'смоква', 'сюзкозница' (иначе 'инжир' и 'фига'); *a'dal* от *'adl* 'одежда'. Исключение составляет *amlák* 'бог'.

agbért (a12é3t)—тоже модель имен во множественном числе: *am'est* от *ma's* (из *mā's*) 'шкура', 'кожа'; *a'yent* от *'ayn* 'глаз'; *aš'ert* от *šar* (< *šar*) 'трава', *azre't* от *zar* 'семя'.

meqbár (me12á3, имя места): *meqbā* 'прибежище' ('место возвращения').

magbár (ma12á3, имя инструмента): *malbás* = *lebs* = *'adl* 'одежда'; *masfe* (вм. **masfay*) 'шило' от *safaya* 'шить'.

tagbár (ta12á3) или **tegbár** (te12á3)—имя действия и результата от глаголов на *t* (возвратных, пассивных): *tadlá* 'изобилие' от *tadallawa* 'изобилловать'; *tagbár* 'работа', 'дело'; *te'záz* 'приказание' ('то, что приказано').

tegbért (te12é3t): *tefšéht* 'радость'—имя действия от *tafaššéha* 'радоваться'.

РОД

42. Внешний признак грамматического рода в составе эфиопского слова—это суффикс *-t* (ср. араб. *uht* 'сестра', *bint* 'дочь', 'девица') или реже — *-át* (как раз наиболее распространенный в арабском). Эти суффиксы имеют имена женского рода (ср. еще в эфиопском и в арабском окончание 3-го лица единственного числа женского рода в перфекте, см. § 48), например: *šallāu|t* 'добрая', 'добро', *tabib|át* 'мудрая', 'мудрица'. Тогда слова *šallāu* 'добрый', 'добро', *tabib* 'мудрый', 'мудрец', не имеющие признаков женского рода, являются именами мужского рода.

Очень часто, однако, грамматический род не имеет никаких признаков, тогда его можно определить по местоимению, которым заменяется данное имя, по глаголу или по прилагательному, которые с ним согласуются, если род не совпадает с полом. В таких случаях, как, например, *em* 'мать', *be'si* 'муж', 'мужчина', неформальный грамматический род не менее определен, чем у таких слов, как *be'si|t* 'жена', 'женщина', *gann|át* 'сад', где суффиксы *-t* и *-át* женского рода налицо.

Относительно таких имен, как *'ayn* 'глаз', *sayf* 'меч', *arwē* 'зверь' (а их много), словари осторожно говорят, что их

род преимущественно женский или даже мужской и женский.

Среди моделей имен обоих чисел мы видели и модели с окончанием *t*; в этих случаях этот суффикс не является указателем рода, так как он уже перестал быть отдельным суффиксом, а вошел как неотъемлемая часть в состав сложного диффикса.

Около двадцати имен, называемых обычно прилагательными, так как они употребляются в качестве согласуемых определений, принадлежит к мужскому роду, если между вторым и третьим коренными имеется гласный *i*, и к женскому, если—*a*, например, *hadis* 'новый', *hadās* 'новая' (см. § 41). Это действительно морфологический признак прилагательных для тех случаев, когда эти слова уже не употреблялись как существительные или когда их употребление в качестве существительных воспринималось как вторичное явление, как субстантивация. Однако малочисленность этой группы не привела к тому, что прилагательные выделились из категории существительных достаточно ощутимо. Анализируя именно эту группу имен (типа 1a2i3), можно видеть, что часть этих имен, обозначающих в силу общественной практики только мужчин, например *qasīs* 'священник', отошла к существительным. Существительными стали и те эпитеты, которые начали обозначать вещи, например *hadid* 'железо' (первоначально 'острый', ср. араб. *hādd*), *ṣarīq* 'медь', 'медная монета', *ṣarīqāt* 'лепешка', 'блин' (первоначально 'тонкий', ср. араб. *ṣaraq* 'тонкий', *ṣarīqa* 'лепешка').

Наоборот, имена, употреблявшиеся в качестве эпитетов со словами, обозначающими мужчин и женщин, животных и вещи, начали переходить в класс прилагательных. Такие имена, по-видимому, означая вначале разряд людей или вещей, отличающихся данным качеством, стали употребляться затем в качестве эпитетов для более широкого круга предметов прежде всего на правах приложения. Признак рода в этих эпитетах есть, и он совпадает с родом обслуживаемого имени, но он словообразовательного порядка, а не подлинного словоизменительного (грамматическое словообразование). Так, вероятно, обстоит дело со словами *fabīb* 'мудрый', *fabīb|āt* 'мудрица' наряду с *fabāb* 'мудрая'. Форма множественного числа мужского рода *fabīb|ān*, женского рода—*fabīb|āt* и *fabāb|āt*. То, что множественное число женского рода образовывалось от слова *fabīb|āt*, а не от *fabāb*, показывает, что оно воспринималось как отдельное слово, а не как форма *fabīb*, что слово *fabīb|āt*—обычная женская пара для имен, обозначающих специалистов, знатоков, профессионалов. Прилагательными слова типа 1a2i3 сделались тогда, когда признак рода в них стал исключительно моментом со-

гласования и перестал быть моментом словообразования. Выделению прилагательных, но опять же в очень ограниченном числе, способствовала в эфиопском языке их соотносимость с качественными глаголами вообще и в составе сравнительного оборота в частности. Ср. значение глагола *tefabbeb* в сочетании с предлогом *emenna* в первом стихе текста — «мудрее».

ЧИСЛО

43. Категория числа выражается диффиксом данного имени, как было показано (см. § 41) на примере диффиксов *a(g)(b)d(r)* (a12a3), *a(g)(b)d(r)l* (a12d3l), которые встречаются почти исключительно в именах множественного числа. Это так называемое ломаное множественное число, образующееся путем внутренней флексии. К этим диффиксам надо добавить *(g)e(b)d(r)* (1e2a3), например, *kenáf* 'крылья' от *kenf* 'крыло', *'edaw* 'деревья' от *'ed(w)* (последний согласный корня на конце утрачен) 'дерево', *'ezan* от *'ezn* 'ухо' ($V'zn$), *'edaw* от *'ed* 'рука' ($V'd$, недостающий третий согласный добавляется в виде *w*).

Этот же структурный тип *gebar* (1e2a3) обслуживает и абстрактные имена качества, например *merár* 'горечь' (*marir* 'горький'), *qefán* 'тонкость' (*qafín* 'тонкий'), *kebád* 'тяжесть' (*kebád* 'тяжелый'), *'emáq* 'глубина' (*emáq* 'глубокий'), *'ebaw* 'большой размер' (*'abiy* 'большой'). Обозначение множественности предметов тем же средством, что и абстрактности имен, не случайно, оно свойственно многим языкам; например, русск. *братство* обозначает и совокупность братьев, и качество их взаимоотношений (ср. еще франц. *humanité* и араб. *bašriya* со значениями 'человечество' и 'человечность'). Вместе с тем два значения структурного типа *gebar* — грамматическая форма множественного числа и словообразовательный ряд абстрактного имени качества — имели единое значение, включавшее и множественность конкретных предметов, отвлекающуюся от всего, что их разделяет, — во-первых, и само это качество в отвлечении от его носителей — во-вторых. Это свидетельствует о том, что оба значения возникли в сфере словообразования и вначале исключительно как средство словообразования. Такое происхождение вообще характерно для типов ломаного множественного, т. е. множественного числа внутреннего образования. Это общее положение не исключает возможности перестройки некоторых типов ломаного множественного числа, тогда словообразовательное значение ощущается слабо. К таким типам относится, в частности, *agbár* (a12d3) как в эфиопском, так и в арабском языке.

В эфиопском языке существует и целое множественное число, т. е. множественное число внешнего образования при помощи суффиксов *-ān* и *-āt*, присоединяемых к основам единственного числа. Целое множественное число менее употребительно, чем ломаное. Суффикс *-ān*, подобно арабскому *ā(na)*, употребляется только при образовании множественного числа от имен, обозначающих лиц мужского пола, а также прилагательных и имен относительных мужского рода, например: *jabib|ān* 'мудрецы', 'мудрые'; *bezuḥ|ān* 'многие'; *heyāw|ān* 'живые'; *tamher|ān* 'учителя' (отглагольное имя деятеля от глагола *tahara* 'учить'); *eku|ān* 'злые'; *medr awi(y)|an* (со вставочным *y* — от имени относительного на *-āwi*) 'земные'. Суффикс *-ān* обслуживал не только множественное число, но входил в состав, например, таких имен, как *berh|ān* 'свет', 'ясность'; *erq|ān* 'пагота'; *re's|ān* 'старшинство', 'главенство' (ср. значения модели *gebar*).

Более универсально употребление суффикса *-āt*. Лишь для части прилагательных он соотносителен с суффиксом *-at*, *-t* в единственном числе и заменяет его во множественном, а для существительных это вообще редкое явление, например: *eh|t* 'сестра', мн. ч. — *eh|āt*. Часть существительных с суффиксом *-at* и *-t* в единственном числе сохраняет его и во множественном: *el|at|āt* 'дни' (*Vw'l*); *gann|at|āt* 'сады'.

Множественное число при помощи суффикса *-āt* образуется от существительных мужского или женского рода, обозначающих лиц мужского или женского пола: а) мужского рода: *gabbār|āt* 'рабочие'; *dīyakon|āt* 'дьяконы'; *sayfān|āt* 'дьяволы'; *balas|at* 'смоквы', 'фиги'; кроме того, *qal|āt* 'голоса'; *'alam|āt* 'вечности'; *gaš|āt* (*Vgsw*) 'лица'; б) женского рода: *emm|āt* 'матери'; с заменой *-at* в единственном на *-āt* во множественном: *tabib|āt* 'мудрица', 'мудрая' — *tabib|at* (и *tab|āt*).

ПАДЕЖ

44. Две падежные формы — одна с окончанием *-a*, а другая без окончания, — используются в двух системах словоизменения имен в эфиопском языке. Первая из них — система субъектно-объектных отношений, мы называем ее объектным склонением; вторая — система отношений между определенным и определением, мы называем ее определительным склонением. Определительное склонение может (см. «Синтаксис») сопровождаться употреблением предлогов, которые относятся в этом случае ко всему определительному словосочетанию.

В объектном склонении форма на *-a* обозначает прямое дополнение, а также беспредложное обстоятельство и называется винительным падежом, форма без окончания, употреб-

дьясь без предлогов, выражает подлежащее, а с предлогами — обстоятельства и косвенные дополнения.

Невинительный падеж по традиции называем именительным, он восходит к падежу на *-u* [ū] (ср. араб.), но соответствует не только именительному падежу в арабском языке, но и родительному с предлогом. В эфиопском языке краткий [ū] переходил в [e], который в исходе слова редуцировался до нуля. Когда же это окончание оказывалось долгим, то оно сохранялось. Это видно на примере некоторых местоимений, сохранивших форму именительного падежа на *-u*, например: *zent|ū* (вин. пад. *zánt|a*, склоняется и первая составная часть *ze-*) 'тог'; *man|ū* (вин. пад. — *mán|a*) 'кто' и другие, а также в числительных первого десятка, например: *ahad|ū* 'один', *kele'et|ū* 'два', *šalast|ū* 'три' и т. д. (в мужском роде — у всех, в женском — только у числительных «шесть», «девять», «десять» — см. § 46). Это окончание именительного падежа сохранилось еще в некоторых существительных перед слитными местоимениями, например: *abū-hu* 'отец его' (вин. пад. *aba-hu*).

Примечание. Весьма любопытно, что в эфиопском языке не сохранилось никаких следов родительного падежа на *-i*, хотя фонетические условия сохранения падежа на *-i* не отличаются от условий сохранения падежа на *-u*: и здесь и там требуется долгота. Но в некоторых других случаях окончание *-i* сохранилось (например, в эфиопском местоимении 3-го лица *ye'eti*, вторая часть которого соответствует арабскому *-hi* в *allāhi* 'которая' и *ti* в *tāka* 'та' и в окончании спряжения *-hi*). Отсюда видно, что нет оснований реконструировать в истории эфиопского языка падеж на *-i* со значением родительного, как это принято. Наоборот, скорее можно предполагать, что арабский язык, разойдясь с эфиопским, развил третий падеж (первый на *-u*, второй на *-a*) самостоятельно, а в ту пору, когда оба языка еще не разошлись, у них было двухпадежное склонение. Однако перераспределение функций между падежами двухпадежного склонения произошло, вероятно, не в арабском языке, а в эфиопском. В арабском языке двухпадежное склонение имен по своим падежным функциям соответствует падежным значениям личных местоимений: самостоятельные местоимения обозначают субъект, слитные — объект (при глаголе), принадлежность и производные от нее отношения (при именах) и обстоятельства при предлогах. В эфиопском же языке эти отношения нарушены: для выражения отношений принадлежности и их производных отношений создано особое склонение — определительное, а сочетания с предлогами оказались совместимыми с обоими склонениями, причем в субъектно-объектном склонении предлоги совмещаются с именительным (невинительным) падежом, т. е. падежом подлежащего, а в определительном — с падежом определяемого.

Существование трехпадежного склонения в аккадском языке на *-u*, *-i*, *-a* не может служить доказательством наличия в ранней эфиопском языке такого же склонения, даже если аккадский язык — единственный из прочих семитских в этом отношении — и унаследовал их из прасемитского. Если аккадский язык не развил третьего падежа на *-i* самостоятельно, то он мог быть утрачен общесемитским языком после отделения от него аккадского, т. е. западносемитским языком — община предком ханаанских, древнейших и южносемитских.

Определительное склонение — это нововведение эфиопского языка, которое обслуживает гораздо более узкую область, чем субъектно-объектное склонение, ибо его применение не выходит за пределы отношений между именами, а именно между определяемым и его несогласованным определением без предлога.

Словосочетание, образуемое из обоих имен с помощью этого склонения, например, *gannaſa lefšeht* 'сад радости' (-*a* — показатель падежа определяемого, отсутствие окончания у следующего имени — признак падежа определения), может выступать в качестве подлежащего, сказуемого, дополнения и обстоятельства, не меняя своих падежных признаков.

Можно сказать, что когда сочетание определяемого на -*a* со своим определением выступает в качестве прямого дополнения, то окончание -*a* первого члена этого словосочетания как бы несет двойную нагрузку и винительного падежа, и падежа определяемого.

Но если это даже и так (в немногих случаях превращения такого сочетания в сложное слово окончание -*a* винительного падежа приобретает второй компонент), то во всех остальных случаях перевес оказывается на стороне определительного склонения. Так, например, окончание -*a* у первого члена этого словосочетания (определяемого) остается и в том случае, когда оно будет составлять группу подлежащего или группу именного сказуемого, а также и тогда, когда оно будет предложным обстоятельством или косвенным дополнением.

То, что сказано об остаточных формах именительного падежа у нескольких местоимений и числительных, а равно у нескольких существительных в сочетании со слитными местоимениями, не может нарушить основной системы падежных обозначений в эфиопском языке, как она проявляется в отношении подавляющего большинства имен.

Эта система сводится к следующему. Форма падежа без окончания (соответствующая по значению в плане субъектно-объектных отношений падежам именительному и предложному, а в плане определительных отношений падежу определительному) всегда совпадает с основой склонения, совершенно так же, как в суффиксальных агглютинативных языках, например тюркских.

Основа, к которой присоединяется единственное падежное окончание -*a*, может иметь как внешние показатели женского рода (-*l*, -*dt*) и множественного числа (-*dn*, -*dt*), так и внутренние их показатели (мена «мужского» *i* между вторым и третьим согласными корня на «женское» *a*, а также диффиксы множественного числа).

ляется она при именах с исходом на долгий гласный (т. е. на любой гласный кроме *ā* и *ē*), например: *abū-hōmi* 'их отец'; *be'si-hā* 'ее муж'; *tadla-hā* 'ее изобилие'; *ferē-hū* 'его плод'; *gelfō-hū* 'его статуя';

Вторая форма начинается на гласный: *-ū* 'его', *-ā* 'ее', *-ōmi* (м. р.), *ōn* (ж. р.) 'их' и присоединяется к имени с исходом на согласный: *gannat + u = gannat-ū* 'его сад'; *gannat + ā = gannat-ā* 'ее сад'; *gannat + ōmi = gannat-ōmi*; *gannat + on = gannat-ōn* 'их сад'. При присоединении слитных местоимений *-ā* и *-ōmi* к формам с винительным падежом (*gannat(a)*) результаты те же, что и от присоединения их к *gannat*, т. е. формы *gannat-ā*, *gannat-ōmi* могут означать оба падежа субъектно-объектного склонения.

Третья форма является результатом слияния окончания винительного падежа *-a* и второй формы слитного местоимения единственного числа мужского рода *-u*: *a + u = o*, например: *medrja* 'землю' + *u = medr-jo* 'его землю'; упрощенно можно сказать, что *-o* 'его' присоединяется к имени с исходом на *-a*, вытесняя его. Эта же форма и только она присоединяется к глаголу с исходом на согласный и на *-a*.

Все остальные слитные местоимения начинаются на согласные *-k* и *-n* и никаких вариантов не имеют. Если имя, к которому присоединится слитное местоимение с началом на согласный, имеет также согласный исход, то между ними появляется гласный *-e* (это лишь восстановление старого исхода имен в именительном падеже, которое возникло из редукции *u(ū)* и утратилось в слабой позиции — на конце слова без ударения). Так, в винительном падеже имеем *medrjā-ka* 'твою (мужчины) землю', *medrjā-ki* 'твою (женщины) землю', *medrja-kēmu* 'вашу (мужчин) землю', *medrja-kēn* 'вашу (женщин) землю', а в именительном соответственно — *medrē-ka*, *medrē-ki*, *medre-kēmu*, *medre-kēn* и т. д., также *medrjā-na* 'нашу землю' и *medrē-na* 'наша земля'. То же преобразование согласного исхода необходимо и перед *-ya* 'мой', 'моя', 'мое', 'мой', но здесь форма винительного падежа вообще отсутствует: *medrē-ya* 'мою землю' и 'моя земля'.

Все сказанное выше относится только к именам единственного числа. Что же касается имен в множественном числе, — все равно целом или ломаном, — то слитные местоимения присоединяются к ним не иначе, как при помощи связующего аффикса *i*: *ēdaw(i)-hā* 'ее деревья' (оба падежа одинаково). Н. В. Юшманов возводит этот *i* к тому же местоимению *-ua*, что и окончание падежа определяемого *-a*. Во всяком случае имена в единственном числе со слитными местоимениями склоняются только по субъектно-объектному склонению, а имена во множественном числе — по определительному склонению особого вида.

Интересно, что хотя конструкция «имя существительное + слитное местоимение» синтаксически соответствует определительной конструкции «имя существительное + имя существительное», перед слитным местоимением признак *-a* не появляется. Это подтверждает тот факт, что определительное склонение появилось позже субъективно-объектного, отчего и получилось, что сочетание имен с именами попало в сферу более нового, определительного склонения, а равнозначные сочетания имен со слитными местоимениями остались (по крайней мере в ед. ч.) лишь в сфере другого склонения — более старого. Независимо от того, прав ли Н. В. Юшманов в своих предположениях о происхождении *i*, несомненно известная параллельность этого соединительного аффикса с окончанием падежа определяемого *-a* по их функции.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

46. Составляя часть грамматического класса имен, числительные в эфиопском, как и в других семитских языках, отчетливо выделяются благодаря специфической семантике и особенностям сочетания с другими именами.

Эфиопские числительные подразделяются на две группы: количественные и порядковые, которые и составляют особую систему в классе имен. Другие образования от корней числительных входят в тот или иной подраздел имен. Так, например, слово *šelūs* ($\sqrt{šls}$) 'трое', 'тройка', 'троица', 'тройной' и 'трижды' является существительным, может быть субстантивированным прилагательным, а слова типа *tešlést*, *mešlést*, *mašlést*, *mašlást* ($\sqrt{šls}$) с основным значением 'утроение', откуда 'утроенность' и 'трехкратность', — именем действия к *šallasa* 'утраивать'.

Количественные числительные имеют в эфиопском языке те же корни, что и в других семитских языках с необходимыми фонетическими изменениями, а иногда используются корни, которые в других семитских языках не относятся к числительным.

М. р.	Ж. р.
1 — <i>aḥadā</i>	<i>aḥatti</i> (из <i>aḥadii</i>)
2 — <i>kele'ētū</i>	<i>kele'ētī</i> (ж. р.), <i>kele'ē</i> (общ.)
3 — <i>šalastū</i>	<i>šalas</i>
4 — <i>arba'tū</i>	<i>arba'</i>
5 — <i>ḥamestū</i>	<i>ḥams</i>
6 — <i>sedestū</i>	<i>sessū</i>
7 — <i>sab'atū</i> (<i>sabā'tū</i>)	<i>sab'u</i>

	М. р.	Ж. р.
8 —	<i>samānitū</i> или <i>samāntū</i> или <i>samantū</i>	<i>samāni</i>
9 —	<i>tas'atū</i> <i>tes'atū</i>	<i>tas'ū</i> <i>tes'ū</i>
10 —	<i>'asartū</i>	<i>'asrū</i>

Окончания *-u* числительных мужского рода заменяются в винительном падеже окончанием *-a*. Из числительных женского рода склоняются только формы *aḥatti*, *kele'eti* с точно такой же заменой. При присоединении слитных местоимений *-u* заменяется на *-i*. Формы на *i* и на *ē* принимают слитные местоимения без всякого изменения своего исхода.

Числительные количественные изменяются по родам, а мужского рода и по падежам субъектно-объектного склонения. Согласование с именами исчисляемых предметов, кроме первых двух, как и в арабском языке, — обратное, т. е. формы с признаком женского рода *t* употребляются как определения к существительным мужского рода, а не имеющие этого признака — как определения к существительным женского рода. Колебания в роде существительных оказывают влияние на употребление родовых форм числительного. Так, числительное «три», имеющее формы *šalastū* (форма винительного падежа с ударением на предпоследнем слоге — *šalásti*) и *šalas*, может встретиться в следующих типовых сочетаниях с существительным: *šalastū 'ed* 'три дерева' (вин. пад. *šalasta 'eda*); *šalastū 'edāw* (мн. ч.) (вин. пад. *šalasta 'edāwa*); *šalās 'ed* (вин. пад. *šalās 'eda*) или *šalās edaw* (вин. пад. *šalās 'edawa*).

Говоря о трех предметах, уже упоминавшихся или известных собеседникам, употребляли сочетание числительного с местоимением 3-го лица единственного или множественного числа. Следовательно, возможны сочетания: *šalast(i)-hōmu 'ed* ('*edāw*) или *šalast(i)hū 'ed* ('*edaw*) все со значением 'три дерева' (*-i* как при существительных множественного числа, к которым присоединяется слитное местоимение). Об отличии этого сочетания от определительного сочетания типа «существительное со слитным местоимением 3-го лица + предлог *la* + существительное» см. ниже.

Возможно сочетание числительных от 2 до 10 с местоимениями и в том случае, когда местоимения выражают исчисляемые предметы: *kele'ē-hōmu* 'оба они', *kele'ē-hōn* 'обе они', *kele'ē-na* 'мы оба', *šalast(i)-hōmu* 'трое их' (про мужчин), *šalast(i)-hōn* 'трое их' (про женщины), *kele'ē-na* 'двое нас'.

Для количественных числительных от 3 до 10 существуют еще формы, не имеющие параллелей в других семитских языках в этом значении: 3 — *šels*; 4 — *reb'*; 5 — *ħems*; 6 — *sedš*; 7 — *seb'*; 8 — *sema*; 9 — *tes'*; 10 — *'esr*. Эти формы принимают окончание винительного падежа -а, но в роде не изменяются. Употребляются они при обозначении различных мер, т. е. это специальная форма для именованных чисел. Фонетическое их соответствие находим в арабских дробных числительных со структурой *lu23*. Что же касается эфиопской системы словообразования, то их структура не случайно совпадает с именами средств, в число которых входят многие меры и величины.

Количественные числительные от 11 до 19 представляют собой словосочетания с первым членом *'ašartú* или *'ašrú* и вторым членом, называемым единицы, соединенные союзом *wa* 'и'. Род второго члена сложного числительного второго десятка, называемого единицы, в отличие от арабского соответствует роду числительного, означающего десятки: 11 — *'ašartú wa-aħadú* (м. р.) и *'ašrú wa-aħattí* (ж. р.); 12 — соответственно *'ašartú wa-kele'etú* и *'ašrú wa-kele'é*; 13 — *'ašartú wa-šalastú* и *'ašrú wa-šalás*; 14 — *'ašartú wa-arbá'tú* и *'ašrú wa-arbá'* и т. д.

Числительные, обозначающие десятки, не изменяются ни в роде, ни в падеже и оканчиваются на -á:

20 — <i>'ešrá</i> ;	100 — <i>me't</i> ,
30 — <i>šalásá</i> ;	200 — <i>kele'e me't</i> ,
40 — <i>arba'á</i> ;	300 — <i>šalastu me't</i> и т. д.
50 — <i>ħamsá</i> ;	1000 — <i>'ašartú me't</i> (десять сотен),
60 — <i>sessá</i> ;	2000 — <i>'ešrá me't</i> (двадцать сотен),
70 — <i>sab'á</i> ;	3000 — <i>šalásá me't</i> и т. д.
80 — <i>samanýd</i> ;	10000 — <i>alf</i> (а также <i>alf</i> 'тысяча' и 'тыма').
90 — <i>tas'á</i> или <i>tes'á</i>	

Как существительные числительные 100 и 10000 имеют множественное число; *am'át* и *a'láf* (еще и *a'láfát*).

Отдельные числительные, не связанные между собой согласованием в роде, в составе сложного числительного связываются союзом *wa*, который обязателен и при обозначении буквенными цифрами, кроме сумм десятков и единиц, где союз *wa* при написании факультативен: 1961 = 10 и 9(x)100 и 60 и 1 = *'ašartú wa-tes'atú me't wa-sessá wa-aħadú* (см. § 10).

Порядковые числительные имеют самостоятельную форму—

диффикс *la2e3*, соответствующий арабскому *la2i3* — только для первого десятка с супплетивными формами для обозначения понятий «первый» и «второй».

	М. р.	Ж. р.
1-й	— <i>qadami</i>	<i>qadamit</i>
	<i>dāgēm</i>	<i>dāgēmt</i>
2-й	— <i>kāle'</i>	<i>kālēt</i>
	<i>kā'eb</i>	<i>kā'ēbt</i>
3-й	— <i>šalés</i>	<i>šalést</i>
4-й	— <i>rābé'</i>	<i>rābēt</i>
5-й	— <i>ḥamés</i>	<i>ḥamést</i>
6-й	— <i>sādés</i>	<i>sādést</i>
7-й	— <i>sābē'</i>	<i>sābēt</i>
8-й	— <i>sāmēn</i>	<i>sāmēnt</i>
9-й	— <i>tāse'</i>	<i>tāsēt</i>
10-й	— <i>'āsér</i>	<i>'āsért</i>

Имеется в эфиопском языке и слово *sānit* 'следующая' соответствующее арабскому *ṭaniya*, но без формы мужского рода. Употребляется оно исключительно как определение к словам *'elāt* 'день' и *lelit* 'ночь'. Слова *dāgēm* и *kā'eb* собственно значат 'повторный'. В отличие от арабского языка диффикс порядковых числительных не является диффиксом действительного причастия (имени деятеля), а лишь имеется в некоторых именах, например: *sādeq* 'справедливый', *šarés* 'наследник', *kāhén* 'жрец'.

За пределами 1—10 для выражения порядкового номера эфиопский язык использовал количественные числительные, например, *ama šalasā-hu la-warh* 'тридцатого числа' (букв. 'в тридцать месяцев'; *-hu* употреблено для обозначения определенности следующего определения с предлогом *la-*). Но нередко количественные числительные употребляются вместо порядковых и от 1—10.

ГЛАГОЛ

СПРЯЖЕНИЕ

47. Среди форм, входящих в систему эфиопского глагола, выделяются прежде всего словоформы, имеющие в своем составе личноместоименные аффиксы. Это собственно глагол, *verbum finitum*, глагол, спрягающийся по лицам в отличие от именных форм глагола, *verbum infinitum*, не изменяющихся ни по лицам, ни по временам и наклонениям.

Таблицу личноместоименных глагольных аффиксов в сопоставлении с личными местоименными, родственными им по

грамматическому содержанию категорий лица, рода и числа и по звучанию, см. в § 29.

Тремя видами личностоименных аффиксов обслуживается спряжение пяти подразделений глагола, различающихся своими видо-временными значениями: перфект и имперфект изъявительного наклонения, деепричастие, субъюнктив и повелительное наклонение. Об употреблении этих глагольных форм см. § 68. Личностоименные аффиксы присоединяются к соответствующим глагольным основам независимо от их различного словообразовательного состава (пород), а также количественного состава корня (трехсогласные и четырехсогласные) и его фонетического состава (гортанные, слабые, удвоенные и смешанные глаголы). К перфектным и деепричастным основам присоединяются суффиксы двух различных видов, к имперфектным и субъюнктивным — одни и те же конфиксы, а к основам повелительного наклонения присоединяются суффиксы, которые представляют собой конечные части конфиксов.

Таким образом, в эфиопском языке надо говорить о четырех спряжениях: двух суффиксальных — перфектном и деепричастном, конфиксальном — имперфектном (спряжение имперфекта и субъюнктива) и спряжении повелительного наклонения, хотя и суффиксальном, но связанном с имперфектным конфиксальным.

Основной (словарной) формой эфиопского глагола, как и в других семитских языках, принято считать 3-е лицо единственного числа мужского рода перфекта. Это значит, что названная форма представляет данный глагол как лексическую единицу. Если нужно указать не перфект, а другую видо-временную форму эфиопского спрягаемого глагола, например имперфект, субъюнктив или деепричастие, то указывают форму 3-го лица единственного числа мужского рода соответствующего подразделения данного глагола. Чтобы знать спряжение всех форм какого-либо правильного эфиопского глагола, достаточно знать для глагола с производной основой (т. е. первой породы) его основную форму и основную форму субъюнктива, а для производных глаголов только основную форму.

В качестве образцов глаголов производных и принято давать основную форму глаголов *nagára* 'говорить' и *gábra* 'делать' или *nagára* и *lábša* 'надевать'. Для формообразования производных глаголов достаточно пользоваться одним из соответствующих корней. (В работах по нескольким семитским языкам пользуются и для эфиопского языка глаголом *qatála* 'убивать' — соответственно его корнем, который фигурирует и в некоторых эфиопских грамматиках).

Указывать при основной форме эфиопского глагола основ-

ную форму глагола, принятую в языке перевода, например русский инфинитив, как это делается здесь — удобно, но начинающему нужно помнить, что это не перевод данной формы глагола, а форма, которая выступает в словарях и текстах как представитель всех глагольных форм данной породы. В качестве основной формы форма 3-го лица единственного числа мужского рода выбрана как наименее удалившаяся от основы, а соответственно и от корня глагола.

48. Образцом спряжения глаголов в перфекте могут послужить спряжения глаголов *nagára* и *gábra*. Глагол *gábra* представляет глаголы, у которых гласный между вторым и третьим согласными корня в формах с гласными окончаниями, в том числе в основной форме, отсутствует. В остальных формах эти глаголы не отличаются от глаголов, представленных типом *nagára*. Тип гласного между вторым и третьим коренным не отражался в эфиопском языке на значении глагола, но исходя из сравнения с арабским языком тип -2a3 (*nagára*) называется часто переходным, а тип -23- (*gábra*) — непереходным. [М. Коэн и его ученики называют первый тип α (альфа), а второй β (бета)]. В производных глаголах различие этих типов сказывается в породе III, например *tafatha* 'открываться' (III₁) — тип β , но *tafattaha* 'широко открываться' (III₂) — тип α .

Перфекты глаголов *nagára* 'говорить' и *gábra* 'делать'

Единственное число

1-е л.	<i>nagár ku</i>	<i>gabár ku</i>
2-е л.	{ м. р. <i>nagár ka</i>	<i>gabár ka</i>
	{ ж. р. <i>nagár ki</i>	<i>gabár ki</i>
3-е л.	{ м. р. <i>nagár a</i>	<i>gábr a</i>
	{ ж. р. <i>nagár at</i>	<i>gábr at</i>

Множественное число

1-е л.	<i>nagár na</i>	<i>gabár na</i>
2-е л.	{ м. р. <i>nagar kému</i>	<i>gabár kému</i>
	{ ж. р. <i>nagar kén</i>	<i>gabár kén</i>
3-е л.	{ м. р. <i>nagár u</i>	<i>gábr u</i>
	{ ж. р. <i>nagár á</i>	<i>gábr á</i>

49. К основам деепричастий, т. е. обстоятельственных форм глагола (см. § 69), присоединяются суффиксы, которые отличаются от слитных личных местоимений тем, что им предшествует звук *a*, который в случаях встречи с начальным гласным слитного местоимения сливается с этим гласным. Исключение составляет 1-е лицо единственного числа, где

окончание обстоятельного глагола не отличается от соответствующего слитного местоимения, присоединяемого к именам всегда без всякого предшествующего падежного окончания *-éya*.

Деепричастное спряжение глагола *nagára* 'говорить'

Единственное число

1-е л. *nagir|éya* 'когда я сказал'
или 'когда я говорил'

2-е л. { м. р. *nagir|áka*
ж. р. *nagir|áki*

3-е л. { м. р. *nagir|ó (<a+u)*
ж. р. *nagir|á (<a+a)*

Множественное число

1-е л. *nagir|ana*

2-е л. { м. р. *nagir|akému*
ж. р. *nagir|akén*

3-е л. { м. р. *nagir|ómu*
ж. р. *nagir|ón*

50. К имперфектным основам присоединяется внешний сложный прерывистый аффикс — конфикс, который представляет собой префикс и суффикс, прерванные основой. Грамматическое содержание имперфектного конфикса, точно так же, как перфектного и герундивного суффиксов, повторяет грамматическое содержание личных местоимений, указывая на лицо, род и число. К этому присоединилось и обозначение грамматических категорий вида и времени, которые передаются еще и соответствующими основами. В половине форм суффиксальная часть отсутствует, так что внешне наличен лишь префикс, но сопоставление с остальными конфиксами данной парадигмы дает основание рассматривать эти «ущербные» формы как имеющие конфиксы с нулевой суффиксальной частью.

Имперфект глагола *nagára* 'говорить'

Единственное число

1-е л. *'|enágger*

2-е л. { м. р. *t|enágger*
ж. р. *t|enágger|t*

3-е л. { м. р. *y|enágger*
ж. р. *t|enágger*

Множественное число

1-е л.		<i>n enágger</i>
2-е л.	м. р.	<i>t enaggér u</i>
	ж. р.	<i>t enaggér ā</i>
3-е л.	м. р.	<i>y enaggér u</i>
	ж. р.	<i>y enaggér ā</i>

Как и в других семитских языках, омонимичны две формы единственного числа: 2-го лица мужского рода и 3-го лица женского рода. Возможно, что это объясняется сближением префиксов (префиксальных частей конфиксов) 2-го лица с самостоятельными личными местоимениями (*ánta, ánti, anténu, antén*, где $t < k$), тогда как t в 3-м лице единственного числа восходит к проклитике *ta* (ср. в языке хауса).

51. Имперфект изъявительного наклонения, субъюнктив и повелительное наклонение эфиопского глагола имеют одинаковые окончания спряжения с той лишь разницей, что у повелительного наклонения эти окончания являются единственным признаком изменения глагола в роде и числе (лицо у повелительного наклонения только 2-е), а у имперфекта и субъюктива эти окончания входят как суффиксальный компонент в сложный прерывистый аффикс (конфикс) имперфектного спряжения. Но и от перфектных окончаний окончания названных трех модально-временных образований отличаются лишь в одном случае: во 2-м лице единственного числа женского рода перфект оканчивается на *-ki*, а имперфект изъявительного наклонения, субъюнктив и повелительное наклонение — на *-i*.

52. Спряжение повелительного наклонения, которое представляет собой изменение лишь по числам и родам, относящееся исключительно ко 2-му лицу, использует те же окончания, что и имперфектное спряжение, в котором они составляют суффиксальные части конфиксов.

Повелительное наклонение глагола *nagára*
'говорить', 'сказать'

Ед. ч.	м. р.	<i>néger</i>
	ж. р.	<i>negér i</i>
Мн. ч.	м. р.	<i>negér u</i>
	ж. р.	<i>negér ā</i>

53. При спряжении субъюктива используются те же аффиксы, что и для спряжения имперфекта изъявительного наклонения. Различие между этими двумя глагольными образованиями заключается лишь в их основах (табл. 8, стр. 83).

Субъюнктив от глагола *naǵára*

Единственное число

1-е л.		'énger 'чтобы я говорил', 'пусть я скажу'
2-е л.	{м. р.	t'énger
	{ж. р.	t'engér í
3-е л.	{м. р.	y'énger
	{ж. р.	t'énger

Множественное число

1-е л.		n'énger
2-е л.	{м. р.	t'engér u
	{ж. р.	t'engér ā
3-е л.	{м. р.	y'engér u
	{ж. р.	y'engér ā

Перед субъюнктивом в его значении объектного наклонения обычно бывает союз *kama* 'чтобы', а в значении желательного возможен, но не обязателен союз *la*.

Основы глагольных форм

54. Основы субъюнктива (e12e3), повелительного наклонения (1e2e3) и имперфекта изъявительного наклонения (e1a22e3) близки друг к другу не только по корню, но и по диффиксам. Расхождения основ повелительного наклонения и субъюнктива объяснимы разницей в позиции. Основа эфиопского субъюнктива в принципе построена так же, как и имперфектная основа в арабском глаголе. Для нее характерно наличие гласного перед первым компонентом корня. Этот гласный обычно относят к местоименному префиксу, однако для этого нет решительно никаких оснований. Если проклитические местоимения, из которых, по-видимому, произошли местоименные префиксы (впоследствии префиксальные части конфиксов), имели в своем составе одну и ту же гласную, которая и вошла в состав имперфектного глагола, то сразу же после такого превращения проклитик в префиксы гласные компоненты их отошли к основам. Равным образом и в том случае, когда гласные проклитик были разными, их отнесению к основе предшествовало обобщение гласного, после которого этот гласный оказывался в основе вследствие переразложения. Этот гласный основы перед первым согласным компонентом корня сделал возможным отсутствие гласного после него. (Исключение составляет случай, когда второй согласный компонент корня удлинен, «удвоен».)

Наоборот, в повелительном наклонении, не имеющем префиксов и не нуждающемся в них, так как приказание может адресоваться только к собеседнику, необходимо было устра-

нить двугласное начало слова. В арабском языке оно устранялось прибавлением звонического гласного перед согласным (*uktub* 'пиши', вместо **ktub*), а в эфиопском вставкой нейтрального гласного *e* после него: *neger* 'говори' вместо **nger*. Что касается второго гласного компонента диффикса (после второго коренного), то в эфиопском по сравнению с арабским произошло большое обобщение: краткие [u] и [i] дали, как известно, [e], наряду с которым сохранилась третья возможная огласовка второго коренного — [a]: *-enger-*, но *-egbar-*. Аналогичные основы имеются в арабской имперфекте *yaktubu* 'он пишет', в эфиопском субъюнктиве *yenger* 'пусть он говорит', *yegbar* 'пусть он делает'. В арабском языке наклонения субъюнктив (сослагательное) и юссив (усеченное) отличаются от имперфекта изъявительного наклонения только окончаниями, основа у них общая (имперфектная основа): *yaktubu* 'он пишет', (*an*) *yaktuba* '(чтобы) он написал', *yaktub* 'пусть он пишет'. У эфиопских наклонений особых окончаний нет, при этом субъюнктив и юссив совпали в одной форме наклонения, условно названной субъюнктивом (с таким же успехом можно было бы назвать это наклонение юссив, а точнее, но длинно — субъюнктив-юссив).

Эфиопский субъюнктив по своей основе представляет собой фонетическое (за несущественным исключением гласного основы перед первым компонентом корня *e* вместо арабского *a*) соответствие арабской имперфектной основе во всех основах того же морфологического состава. Наоборот, имперфект изъявительного наклонения в эфиопском — это новообразование. Имперфект изъявительного наклонения и субъюнктив в эфиопском глаголе имеют одинаковые аффиксы спряжения, а отличаются друг от друга основой. Основу имперфекта следует рассматривать как результат тенденции к дифференциации двух наклонений, причем исходным материалом служила основа субъюнктива (она несколько модифицировалась в результате аналогичного обобщения внутри каждой основы). Основы имперфекта противопоставлялись основам субъюнктива, подвергаясь лишь минимальным изменениям. Вероятно, что первоначально в эфиопском или общем эфиопско-арабском состоянии три имперфектных наклонения имели разные окончания, такие же, как в арабском (имеются в виду прежде всего окончания трех наклонений в единственном числе *-u*, *-a*, нуль). На это предположение наводит то, что при соединении слитных местоимений к имперфектным основам (понимая под ними оба наклонения) с согласным исходом возникает связующий гласный *a*, унаследованный от субъюнктива, конечно с последующим обобщением по аналогии. Что касается гласного *u*, то судьба его известна и разделяется окончанием именительного падежа: он дал краткий *e*, чередующийся

с нулём. В имперфектных основах нуль чередуется не с *e*, а с *a*. По-видимому, в позиции со слитными местоимениями *a* субъектива сохранился, а затем распространился и на другую основу — имперфекта изъявительного наклонения.

Отличие основы субъектива от основы имперфекта сохранилось в традиционном произношении. Однако отсутствие в эфиопской письменности значка для удлинения согласного оставляло скрытыми от европейских исследователей самые характерные черты, отличающие в эфиопском языке оба наклонения. Работа Миттвоха о традиционном эфиопском произношении дала возможность увидеть эти черты и оценить их морфологически. Отличие двух наклонений заключалось в удлинении (удвоении) второго согласного компонента корня и постановке его между двумя гласными по большей части *a* и *e* (*1a22e*) в имперфекте изъявительного наклонения и изгнании удвоения из субъективных форм в тех случаях, где они были. Этот самый существенный признак был скрыт эфиопской письменностью. Другой признак, состоящий в наличии *e* между первым и вторым коренными в имперфекте, служил для различия наклонений только в основах с удлинённым (удвоенным) вторым согласным корня. Пока последовательно не проведен первый принцип различия, второй, собственно, излишен. Но с момента, когда удлинённый второй коренной становится признаком имперфекта изъявительного наклонения, производные основы, отличающиеся от своих пар только количеством второго согласного корня, начинают в имперфекте изъявительного наклонения совпадать: I_1 и I_2 , II_1 и II_2 , III_1 и III_2 , IV_1 и IV_2 . Это — обозначения типов производных глаголов, «пород», о которых речь пойдет в следующем параграфе.

Оба отличительных признака не были изобретены заново, а лишь пересажены и обобщены для новых функций. Удлинение второго коренного — это старый признак имперфектной основы интенсива (эфиоп. I_2 = араб. II), а долгий гласный между первым и вторым коренными перенесен из редкой породы I_1 . Соображения морфологической целесообразности делают более вероятным то, что общее различение наклонений при помощи удлинения второго коренного в имперфекте изъявительного наклонения было усвоено эфиопским языком раньше второго признака (*1e2*), касавшегося лишь четырех пород.

ПОРОДЫ

55. Как и в других семитских языках, — но еще в большем числе и с большей последовательностью в системе производства, — в эфиопском языке имеются особого рода подразделения глаголов по их лексическому и грамматическому значению. Одни исследователи семитских языков называют

эти подразделения спряжениями (имеется в виду очень поверхностное сходство с I, II, III, IV спряжениями латинского глагола, тремя спряжениями во французском, двумя спряжениями в русском и т. д.), другие — просто основами (латинское — *stirpes*, немецкое — *Stämme*) или даже производными формами (французское *les formes dérivées*). Советскими арабистами удачно усвоена в качестве термина для этих глагольных разновидностей калька с арабского термина *alṭaba'* (ед. ч. *laṭa'*) 'породы'. Термин «породы» вытесняет постепенно другие термины для обозначения этого явления и в остальных разделах семитского языкознания.

Породы по своему происхождению несомненно словообразовательные категории семитского глагола, которые вследствие регулярности своего производства превратились в формообразовательные категории, но иного порядка, чем видо-временные категории и категории наклонения.

Взаимосвязанность пород между собой и последовательное производство более сложных основ из менее сложных путем постепенного наращивания одного признака за другим могут быть представлены в таблице перфектных основ (табл. 7). В ней основы с префиксальными признаками (породы внешнего образования) расположены по вертикали, а породы с изменениями диффикса и корня (породы внутреннего образования) — по горизонтали. Вертикальному направлению соответствует римская нумерация, горизонтальному — арабская. При помощи римской и арабской цифр может быть точно обозначена любая порода и ее отношение к более простым, от которых она произведена.

Примечание. К такому обозначению прибегают словари и грамматики эфиопского языка. Оно исходит от А. Дильмана. Но А. Дильман не поместил в свою схему сравнительно малоупотребительные основы с гласными *o* (из *au*) и *e* (из *ai*) между первым и вторым коренными согласными (*lo2...*, *le2...*), отнеся эти основы к четырехсогласным. Это исправил Ф. Преториус и К. Конти-Россини, которые составили свои схемы обозначения, расходящиеся со схемой Дильмана, уже столь распространенной в эфиопистике, хотя и не предложив при том какого-либо нового принципа деления. Однако исправления Ф. Преториуса не обязательно должны нарушить схему А. Дильмана, так как их можно поместить под римскими и арабскими цифрами сверх использованных Дильманом. Так именно и сделано в прилагаемой таблице.

56. Породы обозначают прежде всего субъектно-объектные отношения; таковы значения каузатива (II), рефлексива (III), мутуала (реципрока) (III₁), но отчасти породы выражают и характер протекания действия, например, интенсив (2). Так как в семитских языках все изменения глагола, связанные с уточнениями и нюансами значений, совместились в категории пород, то наряду с регулярными семасиологическими изменениями к значению пород присоединились и многие другие

Породы на примере основ перфекта

№№ пород	Название по- род по зна- чению	Признаки пород $\begin{matrix} \rightarrow \\ \downarrow \end{matrix}$	Исходная форма 1	Интенсив 2	Семантуаль (получившая) 3	Резкие пороги	
						4	5
I	Исходная фор- ма		I, $1a2(a)3$ $gab(a)r$	$22-66$	$1a2-gab$	$1a2-gab$	$1a2-gob$
II	Каузатив (побу- дительно)	$a(I)$	II, $a1a3$ $agbar$	I, $1a2a3$ $gabbar$	I, $1a2a3$ $gabbar$	I, $1a2a3$ $gabbar$	I, $1a2a3$ $gabbar$
III	Рефлексив-пас- сив (возврат- но-страдательная)	$ta(I)$	III, $ta1a2(a)3$ $tagab(a)r$	II, $a1a2a3$ $agabbar$	II, $a1a2a3$ $agabbar$	II, $a1a2a3$ $agabbar$	II, $a1a2a3$ $agobar$
IV	Каузатив-реф- лексив (побу- дительно-воз- вратная)	$asta(I)$	IV, $asta1(a)2a3$ $astag(a)bar$	IV, $astala2a3$ $astagabbar$	IV, $astala2a3$ $astagabbar$	IV, $astala2a3$ $astagabbar$	IV, $astala2a3$ $astagobar$

лексические значения, явившиеся результатом словоупотребления в повторяющихся контекстах. Такого рода «прилипшие» значения не могут быть предусмотрены правилами о породах.

Ниже дается обзор наиболее употребительных пород применительно к прилагаемому тексту. Сначала рассматриваются породы внешнего образования, т. е. породы, которые отличаются от наиболее простой породы — перфектной основы (I₁) только наличием префиксов. Это — породы II₁, III₁ и IV₁. Затем — породы внутреннего образования, отличающиеся от I₁ составом части основы, ограниченной корнем, т. е. долготой (удвоенным) второго компонента корня и долгим компонентом диффикса (Ia₂). Это соответственно породы I₂, I₃. Наконец рассматриваются более сложные породы, совмещающие в себе оба эти структурных признака. Это — породы II₂, II₃, III₂, III₃, IV₂, IV₃.

II порода = каузатив образуется от глагола I породы прибавлением перед первым коренным звуком 'a (в транслитерации a): *láb-sa* 'надевать', 'надеть', 'носить' (об одежде) — *albása* (XXI, 7) 'одевать', т. е. 'заставить надеть', 'дать надеть', 'сделать одетым'; *wad'a* (XIX, 11)¹⁹ 'выйти' — *awde'a* (XXIII, 1) 'вывести', 'изгнать', 'выгнать', т. е. 'заставить выйти'; *hadára* 'поселиться', 'обитать' — *ahdara* 'поселить', т. е. 'заставить поселиться'; *bazha* 'быть многочисленным' — *abzaha* (XVI, 4) 'умножить', т. е. 'сделать многочисленным', 'заставить быть многочисленным'.

Значение пятого глагола каузативной породы из прилагаемого текста *a'mara* (VII, 4) 'знать' не может быть выведено непосредственно из I породы, так как в этой форме глагол с корнем *V'mr* в эфиопском языке не зарегистрирован. Связь с глаголом *ammara* (I₂ — интенсив) 'указывать', 'обозначать' очевидна, но неясна каузативная форма.

Глагол *ayde'a* (XI, 4) 'уведомить', 'сообщить', 'сказать' не имеет соответствующего глагола I породы, который, по видимому, вышел из употребления. Реконструкция его в виде *yade'a* со значением 'знать' тем достовернее, что подтверждается глаголами I породы со значением «знать» в языках древнееврейском (*yada'*), библейско-арамейском (*yeda'*), сирийском (*yida'*), аккадском (*ladu*) и эфиопским глаголом III₁ (*layad'a* 'стать известным' того же корня и с соответствующим значением — пассив по отношению к I породе).

Глаголам II породы со значением каузатива имеются соответствия во всех семитских языках, но наиболее близки каузативные эфиопские глаголы к арабским глаголам IV породы. Из приведенных глаголов *albása* совпадает с арабским и по

¹⁹ Личные глагольные формы текста здесь заменены формой 3-го лица перфекта, т. е. словарной формой.

значению, и фонетически. Для всех остальных разобранных каузативных глаголов находятся структурные параллели в других семитских языках с другими корнями. Эфиопскому *awde'a* соответствует арабский глагол *ahraġa* (V $\overline{hrġ}$, I порода *haraġa* 'выходить'); эфиоп. *ahdara* — араб. *askana* (V \overline{skn} , I порода *sakana* 'обитать', 'населять'); эфиоп. *abzeħa* — араб. *aktara* (V \overline{kt} , I порода *kajura* 'быть, стать многочисленным'); эфиоп. *ayde'a* — араб. *a'rafa*, *a'lama* [V \overline{lm} — 'alima (I пор.), V \overline{tl} — 'arafa (I пор.) 'знать']. Сходство с арабским языком будет еще больше, если учесть, что эфиопское *e* и отсутствие гласного после второго коренного — закономерное фонетическое соответствие кратким арабским *u* и *i*. Нужно учитывать и семантическую близость нетождественных корней. Так, например, V \overline{hd} соответствует арабскому корню, который представлен в арабском глаголе *hadira* 'заметить', 'быть нечувствительным к боли' и который перекликается в свою очередь с глаголом *sakana*, имеющим еще значения 'быть тихим, спокойным', 'утихать', 'успокаиваться'. Таким образом, значение «покой» (как отсутствие движения) оказывается связанным со значением «обитать» (ср. также др.-русск. *сидеть* в значении 'обитать'). С другой стороны, ν \overline{hd} родствен по звукам V \overline{hd} и представлен в арабском языке именем *hadir* 'оседлый', явным образом связанным с понятием обитания.

III порода = рефлексив — означает возвратность, а также страдательный залог от соответствующих глаголов I породы. Образуется от глаголов I породы прибавлением префикса *ta-*. В нашем тексте имеется два таких глагола *tafaħa* (VII, 1) 'открыться' и *taħab'a* (X, 13: *taħaba'ku*) 'спрятаться'.

Глагол *taħab'a* '(с)прятаться', 'скрываться' имеет возвратное значение по отношению к глаголу I породы *ħab'a* '(с)прятать', 'скры(ва)ть', а глагол *tafaħa* 'откры(ва)ться' — страдательный залог от глагола *faħa* 'откры(ва)ть'.

Аналоги III породы со значением возвратности имеются и в других семитских языках и всюду с префиксом, начинающимся с *t*. III породе эфиопского глагола соответствует арабская V порода с тем отличием, что V порода в арабском исторически и структурно происходит не от I, а от II породы, т. е. интенсива, что полностью соответствует эфиопской породе III₂. В приведенных примерах оба глагола имеют очень близкие соответствия в арабском языке в глаголах V породы: *taħabba'a* '(с)прятаться', 'скры(ва)ться' и *tafaħaħa* 'откры(ва)ться'.

IV порода, характеризуемая префиксом *asta-*, может быть названа каузатив рефлексива. В нашем тексте нет глагола IV породы, но глаголы *gabra* (I, 9) '(с)делать', '(с)творить'

и *re'eya* (VI, 2) '(у)видеть' являются отправными пунктами для образования глаголов IV₂ с одним из типичных для нее значений: каузатив по отношению к III породе глагола того же корня. Это *astagbara* '(по)ставить на работу', т. е. 'заставить работать' и *astar'aya* 'показываться', т. е. 'дать (соотв. заставить) себя видеть (соотв. быть видимым)'. Оба глагола являются каузативами от глаголов III породы *tagabbara* 'трудиться', 'работать' и *tare'eya* 'быть видимым', 'видеться'.

Префикс IV породы сложный; он состоит из каузативного префикса *as-*, который в качестве самостоятельного префикса был вытеснен префиксом 'а IV породы²⁰, и префикса III породы *ta-*. Префиксу *as-* соответствуют каузативные *sa-* и *ša-* в библейско-арамейских породных образованиях *sap'el*, *šap'el* (в сирийском лишь остатки). Близкое соответствие IV породы эфиопского глагола находим в X породе арабского глагола. Глаголу *astalg-bara* 'ставить на работу' по значению и по морфемам соответствует арабский глагол X породы *ista'hdama* с $\sqrt{\text{hdm}}$.

От пород внешнего образования, которые возникли путем префиксации, обратимся к породам внутреннего образования с признаками в самой основе, не выходящими за пределы корня. Признаком породы I₂ является удвоение второго коренного. Эта порода вначале обозначала интенсификацию, т. е. усиление, энергичное действие, будь то в смысле его внутренних качеств и степени или же продолжительности, повторяемости, непрестанности. Сейчас не найдется двух эфиопских глаголов I₁ и II₂, которые отличались бы друг от друга этим значением. Более выразительные формы I₂ по сравнению с I₁ взяли верх над менее выразительными и вытеснили их. Но остались формы I₂ и у тех глаголов, для которых характерна высокая степень интенсификации. Таков, например, глагол *šawšw'a* 'звать' — действие, осуществляемое при помощи

²⁰ Он сохранился, по-видимому, лишь в двух глаголах: *as'ozaza* 'вызывать омерзение, ступор, спазму' (о яде), *asqorara* 'он испытывал отвращение, омерзение'. Эти глаголы сопоставимы с глаголами I породы: *azaza* 'быть твердым, крепким, сильным' (болезненные состояния омерзения, ступора, спазмы «сильные», поскольку они связаны с неизбежностью, а поражение или части тела тверды в самом прямом смысле), *q'arara* 'быть холодным' 'охлаждать', вероятно это включает и 'мерзнуть', поскольку последнее состояние (дрожь) вызывается и отвращением, откуда в русском *омерзение*. По-видимому, условием, способствовавшим тому, что в этих словах префикс *as-* не был вытеснен префиксом 'а, оказалось слишком специализировавшееся значение, позволившее глаголам *as'ozaza* и *asqorara* дестигмологизироваться, потеряв связь с названными глаголами I породы. Дестигмологизация облегчалась и неясным по функции *o* после первого коренного, а наличие существительных *ša'ozaz* 'омерзение' и т. п. (где *ša-* — вариант *as-*) позволяло рассматривать глаголы *as'ozaza* и *asqorara* как происшедшие от этих существительных с помощью префикса 'а.

громкой, усиленной работы органов речи, откуда во многих языках понятие «звать» выражается при помощи тех же слов, что и «кричать», «вопить», ср. русск. диалект. *кричать кого* и лат. *clamare* одновременно 'кричать' и 'звать'.

Сохранились пары глаголов I₁ и I₂ в случае, когда удвоенное давало каузатив, например *masla* 'походить', *massala* 'употреблять', 'сравнивать', т. е. 'создавать подобие', 'заставлять походить'. Глаголов I₂ породы с каузативным значением меньше, чем глаголов II породы. По-видимому, в каузативных глаголах с удвоением второго коренного ранее присутствовало значение интенсива. Так, например, эфиопский глагол *mahhara* 'учить', сопоставимый по корню с арабским *mahir* 'сведущий', 'искусный', 'опытный', 'ловкий', по значению формы и по значению слова в целом соответствует арабскому *allama* 'учить' (араб. II пор.), т. е. передавать знания при помощи специально разработанных методов (в чем бы они не состояли) на протяжении длительного времени в противоположность араб. *a'lama* (араб. IV пор.) 'уведомить', 'осведомить', 'сообщить', т. е. тоже заставить знать, но менее основательно. В самом деле понятие «уведомить» (лат. *referre*) по словарю Дильмана переводится пятью словами: *be-hela, absáha, nagára, agbé'a* и *aṭayyáqa* — два из них I породы, два — II и только один — II₂.

Функцию породы I₂ — создавать глаголы из имен, т. е. деноминативную, иллюстрируем глаголом *'ayyana* 'глазеть' от *'ayn* (V, II) 'глаз'.

Те же семантические функции, что и в эфиопском языке, имеет удвоение второго коренного и в других семитских языках, а особая близость к арабскому уже проиллюстрирована на примере разграничения пород I₂ и II₁ — в эфиопском языке, II и IV — в арабском.

I₂ порода эфиопского глагола сопоставима с III породой в арабском языке. В обоих языках эта порода выражается долгим *ā* между первым и вторым коренным, в обоих они одинаково в общем соотносятся по значению со сложной производной от них породой с префиксом *ta-*.

Глаголы породы I₂ передают действие, направленное на другого деятеля, от которого возможен либо благоприятный, либо отрицательный ответ, т. е. это потенциальное взаимодействие — семимутуаль в отличие от III₂, где действие уже осуществляется как взаимное — мутуаль (реципрок) и оба деятеля — одновременно и объекты действия, — рассматриваются равноправно.

Возьмем глагол нашего текста *astadarara* (XV, 1) 'положить вражду между кем-либо и кем-либо', т. е. 'заставить (старый каузатив на *'as-*) взаимно [префикс *ta-* ÷ (1)ā(2)] враждовать' (глагольная основа от *V* قَاتر). Этот глагол породы

IV₃ собственно представляет собой каузатив от III₂. И соответствующий глагол *taḍārara* действительно существует в эфиопском языке и обозначает 'враждовать'. Этот глагол в свою очередь подразумевает как своего предшественника — глагол **dārara* (I₃) со значением 'относиться враждебно к кому-нибудь'; неизвестно, как будет отвечено на эту враждебность, но ответ — в виде ли противодействия или принятия — должен быть; глаголы породы I₃ тем и отличаются от соответствующих переходных глаголов I₁, что в них имеется в виду объект, могущий быть субъектом действия. Так как этот объект и одновременно потенциальный субъект бывает преимущественно человеком, лицом, то можно назвать эту породу «персональ». По сравнению с породой III₂ взаимной (мутуаль, реципрок) породу I₃ следует назвать полувзаимной (семимутуаль, семирципрок).

Персональ в эфиопском языке гораздо менее распространен, чем в арабском, соответствующих глаголов также меньше, чем глаголов, образованных от них при помощи префиксов *ta-* (III) и *asta-* (IV). Глаголы I₃ вытеснились глаголами III₂, которые употреблялись не только для передачи взаимного действия (собственная функция породы III₂, соответствующей арабской VI породе), но и для выражения направленности действия на лицо, потенциальной взаимности (функции породы I₃, соответствующей арабской III породе). Породы I₃ и III₂ часто обслуживают одно и то же имя действия, образуемое по формуле *1a2a3ē*. Так, от непереходного глагола *gaba'a* 'возвратиться' зарегистрирован только глагол III₂ *tagāba'a*, а глагола I₃ не зарегистрировано, но имя действия *gabā'ē* 'соборание', 'сходка' и т. д. относится к глаголу *tagāba'a* 'сходиться', 'собираться' (про многих). Это похоже на роль масдара III породы *1i2a3* в арабском языке, который часто обслуживает глаголы VI породы, например: *qital^{an}* 'битва' — *muqātalat^{an}* и *taqātul^{an}*. Очень редко глагол I₃ вытеснял глагол I₁. Так именно обстояло дело с глаголом *šāqaya* 'мучить', к которому имя действия образуется не по приведенной выше формуле, а по формуле *1e2a3* (*šeqay*).

Последняя формула структуры слова, очень распространенная в эфиопском языке в разных семантических функциях, представляет собой фонетическое соответствие арабской формуле масдара III породы *1i2a3*, например, *qital^{an}* 'сражение'.

От глагола *nabara* (XII, 7) 'жить', 'проживать', 'обитать' (о лицах), 'находиться' (о вещах) должен был существовать глагол I₃ **nabara* 'жить вместе с кем-либо' (с винительным падежом лица). Об этом говорит наличие в эфиопском словаре имени *nubare* со значением 'размещение', так как глаголы I₃, выражающие состояние, — подобно арабским глаголам III породы, — означают совместность пребывания в этом со-

стоянии. Исходным основным значением имени *nubāre* было 'совместное проживание', 'нахождение (=находиться) вместе'. Это значение может быть сравнено с латинским *collocatio* 'раз/мещение', которому, судя по первому элементу, предложеному префиксу *col-* из *con-* 'с', тоже должно было предшествовать значение 'совместное нахождение'.

Совмещение в одном глаголе признаков двух и трех пород составляет явление, свойственное эфиопскому языку еще в большей степени, чем арабскому. Оно дает сложные породы, которые представлены в нашем тексте глаголами *ala'ala* (II₂) 'поднять', *aḫayyaqa* (II₂) 'учить', *tafattaḫa* 'широко раскрываться', *tagabbara* (III₂) 'трудиться' и *astadarara* (IV₃) 'послать вражду'.

Оба глагола *aḫayyaqa* и *ala'ala* совмещают признаки каузатива (II) и интенсива (2). Глагол *aḫayyaqa* (в тексте VI, 12 имперфект *yaḫeyyaq*) образован от глагола I₂ *ḫayyaqa*, не имеющего пары I₁ и совместившего и интенсивные значения 'хорошо узнать', 'глубоко понять' и в меньшей степени неинтенсивные 'заметить', 'обратить внимание', 'рассмотреть'. При этом неинтенсивные значения отличаются от интенсивных еще и собственно лексическим значением. Глагол *aḫayyaqa* — каузатив к глаголу *ḫayyaqa* сохранил значения интенсивные — 'учить', 'ясно показать' и неинтенсивные — 'довести до сведения', 'сообщить'.

Глагол *ala'ala* (XXII, 15: *yale'el* — имперфект) 'поднимать высоко', 'возвышать' — каузатив от I₁ *la'ala* 'возвышаться', 'быть высоким' (пара I₂ к нему неизвестна). Оттенок интенсивности в нашем тексте связан в устах «господа бога» не столько с самой высотой как таковой (если уж дерево очень высоко, то до его плодов рукой не дотянешься), а с продерзостью Адама (ср. русск. *высоко ты, дружок, забараешься*). Есть и глагол *al'ala* (II₁), в котором нет этого оттенка. Считают, что глаголы II₂ происходят от I₂, так что надо предполагать существование глагола *la'ala*. Но почему бы признак интенсивности не мог быть внесен и в производный глагол?

Глагол III₂ *tafattaḫa* 'широко раскрываться', 'быть широко раскрытым' восходит к незарегистрированному в словарях глаголу I₂ *fattaḫa*. Этот глагол мог существовать с тем большей вероятностью, что глаголы III₁ *tafaḫa*, III₂ *tafattaḫa* — оба существуют и в нашем тексте противопоставлены стилистически: змея обещает и соблазняет: «широко откроются глаза ваши» (V, 10). Верующий в иудейского бога рассказчик не склонен переоценивать результатов знакомства с древом познания и говорит более сдержанно: «открылись глаза их» (VII, 1—2).

Глаголы III₂ *tagabbara* (XXIII, 8) 'трудиться' и со вторич-

ным переходным значением 'обрабатывать' (= 'трудиться над чем') и III₁ *tagabra* 'делаться' (страдательный залог от *gabra* I₁ 'делать') противопоставлены не по линии интенсивности. По-видимому, этот глагол, подобно его русскому переводу, — деноминативный и происходит от *gebr* 'труд'. Ради его первичной непереходности — «действия для себя» — и в противоположность *gabra* (I₁) 'делать (что)' он и должен был принять префикс *ta-*, а вследствие деноминативности он получил удвоение второго согласного корня. Нет надобности реконструировать как промежуточный этап глагол I₂. Как в арабском языке (там — V порода), значение непереходных отыменных глаголов могло закрепиться за глаголами III, и непосредственно, минуя этап I₂, в тех случаях, когда он был излишен.

Глагол IV₂ *astaḏḏrara* был нами разобран выше.

Анализ производных глаголов в эфиопском языке приводит к выводу о наличии таких семантических закономерностей, связанных с категорией пород, которые могут облегчить пользование словарем, а при известных навыках и с помощью контекста дают возможность восстанавливать значения производных глаголов, которые по тем или иным причинам оказались в словарях незарегистрированными.

ИНФИНИТИВ

57. То, что в грамматиках эфиопского языка называют обычно инфинитивом, по существу является именем действия. К сказанному о нем (см. § 41) теперь следует добавить то, что касается его связи с системой глагола. Инфинитив — склоняемое имя в отличие от инфинитива, например в русском языке, может быть любым членом предложения и входить в любую конструкцию, в которую входят имена существительные за исключением конструкций, связанных с категорией множественного числа, которую эфиопский инфинитив не имеет. Инфинитив выделился благодаря регулярности своего образования из многообразных имен действия, получивших название инфинитивных имен, и вследствие этого вошел в систему глагола. Напротив, инфинитивные имена несколько оторвались от системы глагола и приобрели форму множественного числа.

Инфинитивные имена очень разнообразны по своим структурным моделям, некоторые из них связаны со значением той или иной породы, как это видно из примеров в § 56, но их структурные модели не входят в систему структурных моделей остальных глагольных образований данной породы. Перечислим инфинитивные имена нашего текста с указанием глагола, значение которого они абстрагируют: *mot* (IV, 6) 'смерть' — *mota* 'умирать'; *hazan* (XVI, 5 и 7) 'горе' — *hazana* 'горевать'; *heywat* (XVII, 27) 'жизнь' — *haywa* 'жить'; *tag-*

Основа правильных глагольных форм по породам

Породы	Изначительное наклонение		Субъюнктив-юссив	Повелительная форма	Деепричастие	Инфинитив
	Перфект	Имперфект				
I ₁	{a2(a)3 nagar a gabr a}	e a22e3 y enag3er y eg3ab3er	e 2 ^a _a ³ y enag3er y eg3ab3er	le2 ^a _a ³ nag3er gab3er o	la2 3 nag3er o gab3er o	la2 3(a)t nag3er(a)t gab3er(a)t
I ₂	{a22a3 gabb3ar a}	e a22e3 y eg3ab3er	e a22e3 y enag3ab3er	la22e3 gab3er	la22 3 gab3er o	la22e3o(t) gab3ero(t)
I ₃	{a2a3 gabar a}	e a2a3 y eg3ab3er	e a2e3 y eg3ab3er	la2e3 gab3er	la2 3 gab3er o	la2a3o(t) gab3ero(t)
II ₁	{a 2a3 agbar a}	a a22e3 y ag3ab3er	a 2e3 y ag3ab3er	a 2e3 ag3er	a 2 3 ag3er o	a 2a3o(t) ag3ero(t)
II ₂	{a a22a3 agabb3ar a}	a a22e3 y ag3ab3er	a a2e3 y ag3ab3er	a a2e3 ag3er	a a22 3 ag3ab3er o	a a22e3o(t) ag3ab3ero(t)
II ₃	{a a2a3 agbar a}	a a22e3 y ag3ab3er	a a2e3 y ag3ab3er	a a2e3 ag3er	a a2 3 ag3er o	a a2e3o(t) ag3ero(t)
III ₁	{a a2(a)3 (a)gab(a)r a}	e a22a3 y etg3ab3er	e a2a3 y etg3ab3er	ta a2a3 tag3ab3er	ta2a2 3 tag3ab3er o	ta a2a3o(t) tag3ab3ero(t)
III ₂	{a a22a3 (a)gabb3ar a}	e a22a3 y etg3ab3er	e a2a3 y etg3ab3er	ta a22a3 tag3ab3er	ta a22 3 tag3ab3er o	ta a22e3o(t) tag3ab3ero(t)
III ₃	{a a2a3 (a)gabar a}	e a22a3 y etg3ab3er	e a2a3 y etg3ab3er	ta a2a3 tag3ab3er	ta a2 3 tag3ab3er o	ta a2e3o(t) tag3ab3ero(t)
IV ₁	{ast(a)a 2(a)3 astagab(a)r a}	ast(a)a22e3 y astag3ab3er	ast(a)a2e3 y astag3ab3er	ast(a)a2e3 astag3er	ast(a)a2 3 astag3er o	ast(a)a2e3o(t) astag3ero(t)
IV ₂	{ast(a)a22a3 astagabb3ar a}	ast(a)a22e3 y astag3ab3er	ast(a)a2e3 y astag3ab3er	ast(a)a2e3 astag3er	ast(a)a22 3 astag3ab3er o	ast(a)a22e3o(t) astag3ab3ero(t)
IV ₃	{ast(a)a2a3 astagabar a}	ast(a)a22e3 y astag3ab3er	ast(a)a2e3 y astag3ab3er	ast(a)a2e3 astag3er	ast(a)a2 3 astag3er o	ast(a)a2e3o(t) astag3ab3ero(t)

bār (XVII, 22) 'труд' — *tagabbara* 'трудиться', 'обрабатывать'; *tadla* (XXIII, 7) 'изобилие' — *tadallawa* 'изобилывать'; *tefšeht* (XXIV, 6) 'радость' — *tafaššaha* 'радоваться'.

Инфинитивы же образуются очень регулярно и единообразно от каждой породы. (Модели приведены в табл. 8). Структура модели первой породы — *gabir* (1a2i3) или *gabitrot*. Структура моделей производных пород такова: в основе повелительного наклонения (а в производных породах это то же, что и основа перфекта) гласный (или ноль гласного) между вторым и третьим коренными заменяется кратким гласным *e*, и к третьему коренному добавляется окончание *-o* или *-ot*. Формы на *-ot* I породы и производных пород по значению не отличаются от форм без этого окончания, но они обязательны в случае присоединения слитных местоимений. В нашем тексте имеются такие инфинитивы: *balī'* (VI, 7) 'ядение' от глагола I породы *bal'a* 'есть' и *abzeḥo* (XVI, 3) 'умножение', 'увеличение в числе' от глагола IV, *abzeḥa* 'умножить'.

Примечание. От инфинитива в винительном падеже в сочетании со слитными местоимениями произошли эфиопские деепричастия. Понять это легко, если припомнить, что винительный падеж ранее мог означать обстоятельство времени. В русском переводе соответствующего эфиопского выражения винительный падеж передается предлогом. Ясно, что «во время моего прихода» — то же самое, что «когда я прихожу» (пришел, приду — зависит от времени главного предложения), а последнее не отличается по смыслу от деепричастий «уходя (уйдя)» (возможном в русском языке, если в главном предложении был тот же субъект, что и у глагола «уходить»). Однако достаточно взглянуть на таблицу 8 и парадигму спряжения эфиопского деепричастия (§ 49), чтобы видеть, что деепричастие перестало быть сочетанием инфинитива со слитным местоимением, а стало самостоятельной глагольной формой.

ГЛАГОЛЫ СО СЛИТНЫМИ МЕСТОИМЕНЯМИ

58. Присоединение слитных местоимений к глаголу рассматривается в морфологии вследствие того, что различный исход спрягаемых форм глагола вносит в это присоединение особенности. Что касается деепричастий, то слитные местоимения к ним не присоединяются. К инфинитивам, причастиям и другим отглагольным именам слитные местоимения присоединяются по правилам для имен.

Присоединение двух слитных местоимений к одному глаголу — в эфиопском языке явление еще более редкое, чем в арабском.

Следующий обзор дает окончания перфекта с их разновидностями, зависящими от гласного или согласного начала присоединяемого слитного местоимения. Совпадающие с перфектными окончания имперфекта обоих наклонений ведут себя так же, как и перфектные.

Число	Лицо и род	Форма окончания			
		без слитно-го местоимения	со слитным местоимением, начинающимся с		
			согласного	гласного	
Единственное	1-е	- <i>ku</i> - <i>ka</i>	- <i>ku</i> - <i>ka</i> (но возможны сочетания - <i>kā-hu</i> , - <i>kā-hā</i>)	- <i>kew</i> - <i>k</i>	
	2-е	м. р.	- <i>ki</i>	- <i>a</i>	- <i>keu</i> (слитное местоимение присоединяется к последнему согласному основы) - <i>ai</i> -
		ж. р.	- <i>a</i>	- <i>a</i>	
	3-е	ж. р.	- <i>ai</i>	- <i>ai</i> -	
	Множественное	1-е	<i>na-</i>	<i>nā-</i>	- <i>n</i>
		2-е	м. р.	- <i>keti-</i>	- <i>keti-</i>
ж. р.			- <i>ken-</i>	- <i>kā</i> (+ <i>ha</i> , <i>hā</i> , <i>hota</i> , <i>hon</i>)	—
3-е		м. р.	<i>a-</i>	- <i>a-</i>	<i>ew-</i>
		ж. р.	- <i>ā-</i>	- <i>ā-</i>	—

Ко всему этому надо помнить, что слитные местоимения 3-го лица имеют специальные формы на *h*- (*hu*, *hā* и т. д.), служащие для присоединения к глаголу с гласным исходом.

Имперфекты обоих наклонений, а также повелительное наклонение сходятся с перфектом в том, что долгие гласные *ā* и *ī*, а также *i* (в перфектном окончании 2-го лица единственного числа женского рода) подвержены тем же преобразованиям. Имея же в исходе согласный, имперфекты обоих наклонений и повелительная форма одинаково принимают только слитные местоимения 1-го лица в форме *ai* в единственном и в форме *ai* во множественном числе. Что же касается слитных местоимений, начинающихся с согласного (т. е. 2-го лица обоих родов и чисел), то имперфект изъявительного наклонения, как и перфект, принимает перед ними соединительный гласный *a*, а имперфект субъектива присоединяет их прямо.

Все это весьма наглядно и полно представлено в обзорной таблице Дильмана (см. табл. 10), которую мы здесь и воспроизводим в транскрипции.

Из 96 глагольных форм прилагаемого текста 25 имеют слитные местоимения.

Местоимения 1-го лица единственного числа представлены

в сочетаниях: *asfaʔat(ā)-ni* (XIII, 10) 'она (змея) соблазнила меня'; *wahab/kā-ni* (XII, 9) 'ты дал мне' (могло бы быть и 'меня'); *wahabat(ā)-ni* (XII, 9) 'она дала мне'. То же во множественном числе: *yjebēll(ā)-na* (III, 8) 'сказал (имперфект — представленное в переводе временное значение составляет исключение) нам (бог)'.

Местоимения 2-го лица единственного числа мужского рода: *aydeʔā-ka* (XI, 4) 'кто уведомил тебя'; *za-ana-kalaʔkū-ka* (XI, 14) 'что я запретил тебе'; *azzazikū-ka* (XVII, 11) 'я заповедал тебе'; *yjebqʔal-ka* (XVIII, 3) 'пусть произрастет для тебя' (вместо 'произрастут') — имперфект субъюктива, поэтому и нет соединительного, -a-, который был при данном лице имперфекта в изъявительном наклонении, как в следующих выражениях со слитным местоимением 2-го лица единственного числа женского рода -ki и множественного числа мужского рода -kēmu: *yqanneya(ā)-ki* (XVI, 14) '(он) будет заставлять тебя служить'; *yjebēll(a)-kēmu* (I, 17) '(он) сказал вам'.

Особенно распространены при глаголе слитные местоимения 3-го лица. Наш текст диалогический, в повествовательном — их больше. Помимо вида речи для числа слитных местоимений имеет значение еще и выделительная функция этих местоимений: хотя объект и выражен именем, но в случае его определенности к управляющему глаголу добавляется еще и слитное местоимение 3-го лица соответствующих рода и числа. Эту особенность мы не будем отмечать в переводе здесь, делая в соответствующих местах ссылку на перевод всего текста. Глаголы с местоимением -o 'его', 'ему': *yjebēl-ō* (IX, 4 и еще X, 1, XI, 1) 'он сказал ему'; *šawweʔ-ō* (IX, 1) '(бог) окликнул его' (ср. перевод); *i-alegseš-ō* (III, 14) '(чтобы) мы не касались его'; *abazzeḥ-ō* (XVI, 4) 'умножу его' (ср. перевод); *gabar/key-ō* (XIV, 6) 'ты сделала его' (ср. перевод и XIII, 5).

Глаголы с местоимением -a 'ее', 'ей': *tjebēl-ā* (I, 11) '(змея) сказала ей' (могло бы быть и 'ты сказал ей'; ср. перевод) — повторяется еще в II, 1 (ср. перевод), IV, 1 (ср. перевод); *yjebēl-ā* (XIII, 1) '(бог) сказал ей' (XIII, 1, ср. перевод) и еще в XIV, 3 (ср. перевод), XVI, 2 (ср. перевод). С местоимением -ōmu 'их', 'им' (мужского рода): *albas-ōmu* (XXI, 7) 'он одел их'; *azzaz-ōmu* (XXIV, 7) 'он заповедал им' (ср. перевод).

Существенно отметить, что вариант слитного местоимения 3-го лица единственного числа мужского рода -o (вместо старого -hu, встречающегося при глаголах редко, и -u, встречающегося только при именах в именительном падеже единственного числа мужского рода) возник из слияния перфектного окончания 3-го лица единственного числа -a со слитным местоимением -u, а затем распространился и на другие формы глагола с этим местоимением (например, приводившееся *wahabat|o*, где

для -o нет никаких фонетических оснований) уже по аналогии. Вследствие этого необходимо считаться с -o, как с единственным гласным приглагольным вариантом слитного местоимения 3-го лица мужского рода единственного числа в противоположность варианту применному; там имеем сохранившуюся исходную форму -и, которая в результате слияния с окончанием винительного падежа дает -o.

ОСОБЕННОСТИ СПРЯЖЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ ГОРТАННЫХ, СЛАБЫХ И УДВОЕННЫХ ГЛАГОЛОВ. НЕПРАВИЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

59. Если один из согласных глагольного корня гортанный, т. е. ' , h, ḥ, ' или ḥ, то и соответствующий глагол называется «гортанным», а точнее: глагол с первым гортанным, например, 'agaba 'сторожить'; со вторым гортанным: la'a la 'быть высоким', 'возвышаться'; с третьим гортанным: bala'a 'есть (кушать)'. В нашем тексте (VIII, 5) есть форма глагола с первым гортанным: yaḥawwer 'он гулял' — это не имперфект каузатива, как можно подумать из-за a перед ḥ, а имперфект I₁ породы, a вместо e перед первым коренным (ср. yegabber) вызвано улодоблением гласного e перед гортанным гласному a, следующему за гортанным. Так и во всей парадигме имперфекта I₁ глаголов с первым гортанным: aḥawwer, taḥawwer, taḥawwéri и т. д. Каузатив (II_{1-s}) в имперфекте этих глаголов следует общему правилу и имеет a, например ta'améru (V, 15) 'вы узнаете' (ср. tāgabbéru). Из особенностей надо отметить долгий ā вместо a в закрытом слове перед гортанным, как в отыменном предлоге mā'kala (VIII, 15) 'среди' от mā'kal 'середина' (ср. magbar). Ср. еще в спряжении перфекта bala'ka (XI, 10) и т. п. Но эта особенность не сказывается на образовании перфекта II, например, aḥdara 'он поселил' [со слитным местоимением -o 'его' — aḥdar-o (XXIV, 3)].

Глаголы со вторым (средним) гортанным корня в нашем тексте не представлены. Одна из их интересных особенностей в I породе типа gabra — появление e перед средним гортанным под влиянием e после него (гласный (2)e(3), характеризующий этот тип, чаще редуцируется до нуля: gabra < gabela). К очень частой имперфектной глагольной форме нашего текста yebél-o 'он сказал ему' перфект будет behela (вместо bahela).

Глаголы с третьим гортанным, почти целиком относящиеся к типу gabra, в формах с согласными окончаниями имеют долгий ā вследствие влияния следующего гортанного в том же слове, отсюда: bala'ka 'ты поел'; samā'ku 'я услышала',

также *kama i-neblā** (III, 10—11) 'чтобы мы не ели' в субъюнктиве.

Из слабых глаголов с первым *w* у нас в тексте представлены глагол *wahaba* 'да(ва)ть' (он же со средним гортанным) и *walada* 'рожать'. Подобно глаголам той же категории в арабском языке, эти глаголы в субъюнктиве и повелительном утрачивают свой начальный *w*, откуда *ladi* (XVI, 8) 'рожай'. Имперфект как эфиопское новообразование следует образцу *yegabber*. Первый согласный утрачивался и в некоторых глагольных именах, например *ledat* (ср. араб. *lidat*²⁰) 'рождение', специально про книгу библии: «Бытие».

Глаголы со средним слабым (*w*, *y*) по сравнению с арабскими пустыми глаголами значительно упростили спряжение не только за счет новообразованного имперфекта, который спрягается по образцу *yegabber*, ср. *temawwetu* (IV, 7) 'вы умрете'. Перфектные формы этого же глагола, например, имеют между первым и последним согласными корня во всех личных формах *-o-*, а субъюнктивные — *-u-* как в открытом, так в закрытом слоге: *mot|ku* 'я умер'; *mot|u* 'они умерли', *emut* 'пусть я умру', *y|emut|u* 'пусть они умрут', *kama i-nemut* 'чтобы мы не умерли'.

Глаголы с последним слабым представлены в нашем тексте в виде форм от *samaya* 'называть', *safaya* 'шить', *faraya* 'плодоносить'. В перфекте они спрягаются как *nagara*. В имперфекте и субъюнктиве формы с исходом на слабый согласный дали вместо третьего согласного корня *y* — *i* из *ey* в имперфекте, а по аналогии и в субъюнктиве; откуда *yefarri*.

Удвоенные глаголы, т. е. глаголы с одними и теми же вторым и третьим согласными корня, опускают гласный между ними только в формах, где окончание начинается на гласный; например *fabba* 'быть мудрым' спрягается в перфекте: *fabab|ku*, *fabab|ka*, *fabab|ki*, *fabb|a*, *fabb|at*, *fabab|ina*, *fabab|kemu*, *fabab|ken*, *fabb|u*, *fabb|ā*. В субъюнктиве гласные не опускаются, так же как и в повелительном наклонении, а в имперфекте факультативно опускаются в той же позиции, что и в перфекте: имперфектная форма *tefabbeb* (I, 3), единственно возможная для 3-го лица единственного числа женского рода (совпадающей со 2-м лицом мужского рода единственного числа), но для 2-го лица единственного числа, 2-го и 3-го лица множественного числа обоих родов возможны формы как со стяжением одинаковых согласных (2 и 3), так и с гласными между ними: *tefabbi* и *tefabbebi*.

Из глаголов со стечением в основе нескольких особенностей в нашем тексте интересен глагол *re'(e)ya*, у которого первый гласный объясняется гласным [e] после ['] в варианте *re'eya* (глагол со средним гортанным).

В перфекте глагол *re'ya* спрягается: *re'íkku, re'íkka, re'íkki, ré'y|a, ré'y|at, re'ína, re'íkému, re'íkén, ré'yu, ré'y|á*. Имперфект спрягается обычно с неожиданным *e* после первого согласного корня: *eré'i, t|eré'i, t|ere'y|i, y|eré'i, t|ere'i, n|eré'i, t|eré|u, t|eré'á, y|ere'u, y|ere'á*.

Глагол *behela* 'сказать' свою перфектную форму в старых памятниках не использует, вероятно она является новообразованием исходя из корня инфинитива *behil*. Вместо перфекта фигурирует имперфект, очень стертый: *ebé, t|ebé, t|ebél|i, y|ebé, t|ebé, n|ebé, t|ebél|u, y|ebél|á, y|ebél|u, y|ebél|á*. Перед слитными местоимениями 3-го лица в формах на *e* восстанавливается *l* — третий согласный корня, откуда перед слитными местоимениями получаем: *y|ebél-ó* 'он сказал ему'; *y|ebél-á* 'он сказал ей'; *y|ebél-ómu, y|ebél-ón* 'он сказал им'. Также *t|ebél-ó, t|ebél-á, t|ebél-ómu, t|ebél-ón*.

ЧАСТИЦЫ

60. Внешне частицы в эфиопском языке отличаются от имен и глаголов тем, что они не склоняются и не спрягаются. Что же касается роли частиц в речи, то она определяется их другим названием «с л у ж е б н ы е с л о в а». Знаменательные слова — имена и глаголы — прежде всего называют явления, а частицы прежде всего указывают на синтаксические связи соседних с ними слов. Таким образом, частицы играют в предложении ту же роль, что и служебные морфемы — аффиксы. Как знаменательные слова наряду со своей главной функцией в речи — называть (знаменательная, номинативная функция) — имеют в своем составе связующие, синтаксические моменты — аффиксы словоизменения, так и служебные слова не лишены полностью номинативной функции. Из четырех рядов частиц — предлоги, союзы, наречия, модальные частицы — наибольшей знаменательностью, номинативностью характеризуются наречия, а наибольшей служебностью, синтаксичностью — предлоги и союзы.

ПРЕДЛОГИ

61. Из частиц эфиопского языка наиболее четко выделяется предлог. Предлог сочетается только с именами и местоимениями, предшествуя им. О роли предлогов в предложениях и в словосочетаниях сравнительно с ролью склонений см. § 73. Большинство предлогов оканчивается на гласный *-a*, который перед слитными местоимениями заменяется гласным *-e*, например *emenn|a gann|át* 'из сада', *emenn|e-há* 'из нее'. Некоторые предлоги перед слитными местоимениями с гласным началом принимают еще *t*, вместо того чтобы присоединиться к варианту таких местоимений с началом на *h*, так *west|a*

gann|át 'в саду', но *west|et-á* 'в нем', *west|et-á* 'в ней', *west|et-ómu* 'в них' (м. р.), *west|et-ón* 'в них' (ж. р.) Ср. *emenn|e-há*, *emenn|e-há*, *emenn|e-hómu*, *emenn|e-hón*.

Наиболее старые, стержни односложные предлоги, соединяясь с местоимениями особым образом, составляют предложения и в той или другой степени изменяют значение, в котором они выступают, сочетаясь с именами. Это предлоги *ba-*, *la-*, они пишутся слитно и с именами. Первый из них обозначает либо образ действия, например *ba-hafla gašé-ka* (XIX, 1—2) 'в поте (с потом) лица твоего', либо время: *ama-(=ba) 'eláta* (V, 6—7) 'в день', реже место: *ba-samáy|át* 'на небесах'. В сочетании с местоимениями этот предлог обозначает обладание, например *bo* (из *ba+u*) 'у него', 'он имеет', а при наличии подлежащего 'имеется'. В результате сочетания предлога *ba-* со слитными личными местоимениями получаются следующие слова-предложения: *béya* 'у меня' = 'я имею'; *béka* 'у тебя' (м. р.); *béki* 'у тебя' (ж. р.); *bó* = *botú* 'у него'; *bá* = *bátí* 'у нее'; *béna* 'у вас'; *bekému* 'у вас' (м. р.); *beken* 'у вас' (ж. р.); *bómu* 'у них' (м. р.); *bón* = *bontú* = *botón* 'у них' (ж. р.).

Предлог *la-* обозначает принадлежность и то, что действие, выраженное глаголом, направлено на пользу или во вред кому-либо или чему-либо. Кроме того, заменяет винительный падеж (см. § 73).

Сочетания *la-* со слитными личными местоимениями имеют следующие формы: *lita* 'меня', 'мне'; *láka* 'тебя', 'тебе' (м. р.); *láki*; *lotú*; *lati*; *lána*; *lakému* (м. р.); *lakén*; *lómu*; *lón* = *lotón*.

По происхождению подавляющее большинство предлогов отыменные, в том числе от имен средства на *ma-*, *me-*, например, *má'kal|a* 'среди', 'между' от *má'kal* 'содержание', 'середина'; *mateht|a-* (ср. араб. *taht|a*) 'под' от *mateht* 'нижняя часть'; *mal'elt|a* 'над', 'сверх' от *mal'elt* 'высота', 'верхняя часть'. Некоторые сохранили этимологическую связь с глаголом: *haba* 'у', 'при', ср. глагол *hab|a* 'прятать', 'скрывать'. Единичны случаи этимологической связи с местоимением: *enta* 'к', 'через', 'мимо' (совпадает с формой относительного местоимения, употреблявшегося как женская пара *za*, а также вместо него). В таких случаях легче представить эту конверсию через посредство функции значения союза, так как каждое относительное местоимение является союзом, союзным словом. Совпадение же предлогов с союзами довольно часто, например *ama* 'в' — предлог времени и союз 'в то время как', *kama* — предлог 'как' (ср. араб. *ka-*) и союз 'как', 'чтобы'. Здесь скорее можно предположить происхождение союза из предлога, как, например, в арабском союз *kamā* образовался из предлога *ka*+относительное местоимение *mā*.

СОЮЗЫ

62. В отличие от предлогов союзы сочетаются с любой частью речи, в том числе с частицами, соединяя все единицы речи, но с ними не сочетаются слитные местоимения. Союз *wa-* 'и' является общесемитским. Этот союз входит составной частью в рамочные союзы *wa — ni* и *wa — sa*, служащие для выделения имен и именных словосочетаний. Разделительный союз *aw* 'или', так же как и *wa*, свойствен многим семитским языкам. В форме некоторых союзов отразилось их происхождение из сочетания предлога с относительным местоимением, хотя отдельно такого предлога и не сохранилось. Таков союз *ezza* (*za* — относительное местоимение) 'в то время как', синонимичный союзу-предлогу *ama*. Этот союз вводит придаточные предложения образа действия, ср. VIII, 1—7 и X, 3—8. О союзах, омонимичных предлогам, говорилось выше, в § 61.

НАРЕЧИЯ

63. Нет никакого затруднения в том, чтобы отнести к числу наречий такие обстоятельственные слова, которые не употребляются для выражения других членов предложения. Такими в эфиопском языке являются: *yom* 'сегодня' (о происхождении этого наречия из существительного в эфиопском языке данных нет, они берутся из родственных языков, например, и прежде всего, из арабского, где *yawm* — существительное 'день'); *ye'ze* 'теперь' (по-видимому, местоименного происхождения, ср. *ye'eli* 'та', *za* 'тот', *ayte* 'где'); местоименные наречия: *ta'ze* 'когда', *ayte* 'где', *heya* 'там', *zeya* 'здесь'. Имеются наречия, происшедшие из прилагательных на *-a*, типа *bezubja* 'много'. Форма винительного падежа обстоятельственного значения не мешает отделению подобных форм от имени ввиду совсем иной сочетаемости и отношения не к определяемому имени, а к сказуемому.

Чтобы отнести к разряду наречий такие обстоятельственные слова, как *qedmja* 'вперед', 'ранее', *dehja* 'сзади' при наличии существительных *qedm* 'вперед', 'передняя сторона', *deh* 'задняя часть', надо быть уверенным, что тенденция к отказу эфиопского языка от употребления винительного падежа в значении обстоятельства осуществлялась. Здесь не имеются в виду обособленные обороты вроде имени действия при глаголе (соответствует араб. *mašdar* *mušfaḥ*; ср. в нашем тексте IV, 5—7: *akkó móta za temawétu* 'никакой смертью вы не умрете', букв. 'нет смерти, что вы умрете'). Можно предположить, что в какой-то период истории эфиопского языка обстоятельственное употребление имен в винительном

падаже действительно перестало быть продуктивным. Тогда по аналогии с наречиями, не имеющими окончаний и не связанными в синхронном плане с именами, и явно отыменные образования типа *gedma*, *dehra* также входят в состав наречий.

МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

64. Если такие частицы, как *yógi* 'может быть', постпозитивные вопросительные частицы вроде *ni*, *-hu*, отрицания *i*, *akko'ne* (препозитивные), *-ni* 'также' (постпозитивная), объединяются главным образом тем, что они по функции и по содержанию модальны, определяя тот или иной разряд предложения (вопросительное, отрицательное, восклицательное), то у части из них есть и формальный признак. Такие модальные частицы, как *-hu*, *-ni*, примыкают к концу знаменательного слова, лишая его ударения, другие, как безударное *i*, предшествуют знаменательному слову (здесь отрицаемому), частица *o* присоединяется или к началу, или к концу имени, обозначающему человека, предмет, к которому обращаются с речью. Подобные частицы относятся к модальным частицам, но обычно их относят к наречиям.

СИНТАКСИС

65. Количественная характеристика синтаксических отношений эфиопского языка не проводилась еще ни по отдельным памятникам, ни тем более по всему языку в целом.

Ниже приводятся данные о видах предложений прилагаемого эфиопского текста 3-й главы Бытия, 24 стиха 3-й главы содержат 26 предложений, из которых четырнадцать, т. е. 54%, — сложноподчиненные; восемь, т. е. 30%, — сложносочиненные, причем половина из них осложнена придаточными предложениями. Только четыре предложения простых (16%), из которых три распространенные.

Таким образом, роль подчинения в связи предложений между собой очень велика. При этом в приведенных цифрах не учтено, что предложения, в которых прямой речи предпосланы вводящие ее слова рассказчика, по содержанию тоже являются сложноподчиненными с придаточными дополнительными, а из 12 таких предложений девять отнесено к сложносочиненным и простым.

Если сделать поправку на предложения, содержащие прямую и авторскую речь, тогда в нашем тексте окажется свыше 88% сложноподчиненных.

В плане назначения речи, — поскольку оно выражено грамматическими и лексическими способами, а не одной интонацией, изучение которой для эфиопского языка недоступно, — поло-

вина (13) предложений — повествовательные, а остальная половина почти поровну распределяется между восклицательными (пять), вопросительными (четыре) и побудительными (четыре). Грамматические и лексические средства для выражения назначения речи в эфиопском языке — это наклонения, модальные слова, повторы.

Синтаксические связи между предложениями и внутри них по большей части представлены одними и теми же средствами, поэтому целесообразно рассматривать их исходя из средств их выражения. Такой способ рассмотрения предостережет и от нередкого среди филологов произвольного конструирования грамматических категорий, исходя из их воображаемого содержания, навязываемого содержанием перевода данного языкового текста на другие языки.

Наибольший удельный вес среди средств синтаксической связи в эфиопском имеют местоимения, обслуживающие как главные, так и второстепенные члены предложения. Это прежде всего личные местоимения, как самостоятельные, так и слитные, затем относительные местоимения, обслуживающие связи между членами предложения и их группами и между предложениями. Спряжение и склонение, оформляющие отношения между членами предложения, получают помощь или замену со стороны предлогов. Союзы играют не меньшую роль. Напротив, роль неместоименного согласования и порядка слов очень незначительна.

66. Наиболее старым и характерным для семитского языкового типа средством синтаксической связи являются личные местоимения, примыкающие к именному сказуемому и согласующиеся в лице, роде и числе с подлежащим. В эфиопском языке личные местоимения в функции выразителя предикативной связи представлены как самостоятельными, так и слитными местоимениями. Слитными местоимениями оформлена связь именного сказуемого с подлежащим в нашем тексте в следующих местах: *wa-a'mārju kama 'eraq[an(i)-hōtmu emúntu* (VII, 4—7) 'и они узнали, что они голы'; *wa-fardh[ku esma 'eraqé-ya ána* (X, 9—12) 'и я испугался, потому что я гол'; *mánni ayde'd-ka kama 'eraqé-ka ánta* (XI, 3—6) 'кто тебе сказал, что ты гол'. Во всех трех случаях налицо именное предложение, в котором подлежащее выражено самостоятельными личными местоимениями соответственно: 3-го лица множественного числа мужского рода, 1-го лица единственного числа, 2-го лица единственного числа мужского рода. Сказуемые, относящиеся к этим подлежащим, выражены именем и слитным местоимением в лице, роде и числе подлежащего.

Структурным синтаксическим синонимом описанного типа именного предложения, который встречается сравнительно редко, является такое именное предложение, где подлежащим

является самостоятельное личное местоимение, а сказуемым какое-либо имя с тем же самостоятельным местоимением в функции связки. Этот тип встречается чаще, чем описанный выше, но его нет в нашем тексте. В качестве примера можно привести следующее предложение из Ев. Матф.: *esma ána bér ána* (20, 15) 'потому что я добр я'. В арабском переводе (американское издание 1908 г. в Бейруте) имеем *lianni ana-baur*, но для арабского языка более характерно, чтобы и при подлежащем 1-го и 2-го лица употреблялось местоимение 3-го лица соответствующего рода и числа. Местоимение 3-го лица рода и числа, соответствующего роду и числу подлежащего, употреблялось в эфиопском не только при подлежащем-местоимении 3-го же лица, но и в именном предложении с подлежащим-существительным или когда подлежащим являлось предложение. Для последнего случая есть пример и в нашем тексте: *ment-ná* (1) *we'etu* (2) *za-yjebel(a)-kétu* (3) *egzi'a-bhér* (4) (1, 15—18) 'правда ли (1) (букв. 'что ли', ср. народное русское *нешто*) оно (2) (м. р.) **то, что** сказал вам (3) господь...'

Употребление личных местоимений в качестве связки есть реминесценция той поры, когда на почве синтаксических отношений, подобных описанным, при становлении общесемитского языка возникло имперфектное спряжение. Затем после отпадения от общей массы других семитских языков (западных) языка аккадского (восточного) на подобной же почве возникло и спряжение перфектное.

Однако нашему тексту более свойственны обороты покороче и попроще: *ayté ánta* (IX, 5—6) 'где ты?'; *marét ánta* (XIX, 13—14) 'прах ты'; *šannáyu 'éd la-báli'* (VI, 5—6) 'хорошо дерево для еды' и т. д. Несмотря на большую архаичность конструкций с местоименным повтором подлежащего, нельзя считать только на этом основании, что именно они представляют хронологически более старый слой в языке.

СПРЯЖЕНИЕ

67. Личные формы глагола уже представляют собой односоставные предложения. Если связь между субъектом и предикатом в именном предложении осуществляется местоименными связками, то в составе личного глагола она надежно заключена в одно слово — форму глагола, где субъект выражен аффиксом (конфикс или префикс в имперфекте и субъективе, суффикс — в перфекте, повелительном наклонении, деепричастии). В тех случаях, когда субъект действия личного глагола выражен именем или местоимением, аффиксальные части глагола лишь повторяют лицо, род и число подлежащего (плеоназм, избыточная информация). Полное согласова-

ние в лице, роде и числе бывает между подлежащим, выраженным личным местоимением или именем, обозначающим людей. Местоимение личное в качестве подлежащего употребляется для выделения подлежащего, его эмпазы. На тридцать с лишним случаев употребления глагольных форм 1-го и 2-го лица только в одном случае употребляется личное местоимение *ána: bald'ka zánt'a 'éǰa za-ána kalá'kú-ka* (XI, 10—14) 'ты поел (от) этого дерева, что я запретил тебе'. Здесь подчеркивается, что запрещение было сделано лично. Те же слова с небольшими изменениями повторяются тем же «лицом» в стихе XVII, 7—17, но уже без *ána*, потому что там делается акцент на другое, а именно: что запретное дерево было только одно: *wa-balá'ka emenn'a we'étu 'éǰ za-azzaz'kú-ka kama i-t'éblá' emenn'a we'étu 'éǰ baht'it-á* 'и ты поел от того дерева, что (я) заповедал тебе, чтобы ты не ел от того дерева только'. Местоимение 3-го лица женского рода *ye'éti* употреблено на границе придаточного предложения с главным, имеющим то же подлежащее: *be'sit(é)-ya enta wahab'ká-ni mesl'é-ya t'énbar ye'éti wahab'at (á)-ni wa-balá'ku* (XII, 3—10) 'жена, которую ты дал мне, со мною чтобы жила, она дала мне и я ел'. С целью выделения и противопоставления субъекта объекту употребляется местоимение *we'étu 'on'*: *wa-we'étu yeǰanneu(á)-ki* (XVI, 13—14) 'он будет заставлять служить тебя'.

Грамматическая категория числа особенно в применении к существительным, обозначающим не лица, а животных или вещи, довольно факультативна в эфиопском языке (ср. начало главы, где змея противопоставляется всем другим животным, а говорится про животных в единственном числе, так же употребляется слово *feré* 'плод', хотя от него и есть множественное число *feréy-dt*). Нередко и глагол, относящийся к имени во множественном числе, обозначающему нелюдей, стоит в единственном числе мужского рода: *y'eifáttah* (ед. ч. м. р.) *a'yenti(i)-kému* (V, 10—11) 'широко откроются глаза ваши'; *wa-tafáth'a a'yenti(i)-hómu* (VII, 1—2) 'и открылись (букв. открылся) глаза их'. Не исключено, что в данном случае единственное число глагола подчеркивает, что «глаза» здесь понимаются не как орган, а чувство зрения. Во всяком случае несогласование глагола в числе и роде с подлежащим не имеет того регулярного характера, что в классическом арабском языке, где правильнее было бы говорить не об отсутствии согласования, а о согласовании особого рода. В эфиопском языке вопрос о согласовании в роде и числе между подлежащим и сказуемым скорее относится к стилистике, чем к грамматике (за исключением тех случаев, где речь идет о людях одного пола, так как тогда число и род подлежащего и сказуемого совпадают). Если подлежащих несколько и они

разного рода, то глагол следует или роду и числу ближайшего к нему подлежащего, или стоит во множественном числе мужского рода: *wa-taháb'ju Adám wa-be'sit-á* (VIII, 10—12) 'и скрылся Адам и его жена'.

ВРЕМЕНА И НАКЛОНЕНИЯ

68. Все пять модально-временных форм эфиопского глагола: перфект и имперфект изъявительного наклонения, субъюнктив, повелительное наклонение и деепричастие (обстоятельный глагол) представлены в нашем тексте всего 95 формами.

Перфект представлен в нашем тексте 40 глаголами. По отношению к моменту речи перфект обозначает предшествующее явление и, следовательно, соответствует нашему прошедшему времени. Все перфектные глаголы текста обозначают уже прекращенное действие, давшее положительный (большинство глаголов) или отрицательный результат, ср. глаголы: *kalá'ká-ka* (XI, 4) 'я запретил тебе' и *azzaz'ká-ka* (XVII, 11) 'я заповедал тебе' (совершенный вид). Исключение составляет глагол *halló* (III, 5) 'находится', который в самостоятельном употреблении (этот глагол употреблялся еще и как модальный, и как вспомогательный) выражает лишь наличие, существование какого-либо явления безотносительно ко времени и при обстоятельстве места может быть опущен без ущерба для смысла высказывания: *emenna k^wel-á arwé za-westja médr* (I, 4—7) 'чем любой зверь, что на земле'.

Если в одном предложении несколько перфектных глаголов, то последовательность действий соответствует взаимному порядку этих глаголов, т. е. налицо относительные значения предшествования и следования. Такова, например, последовательность действий в предложении: *naš'at feré-hú wa-bál'at wa-wahabat-ó la-be'si-há meslé-há wa-bal'u* (VI, 13—19) 'она сорвала плод его, и поела, и дала мужу своему, и поели', выраженных перфектными глаголами, соединенными союзом *wa-*. Разумеется, что временные союзы еще дополнительно подчеркивают последовательность отдельных действий. Так, союз *sóba* (VI, 1) 'когда', т. е. 'после того как', подчеркивает, что прежде совершения цепи перечисленных действий Ева увидела [*re'eyat* (VI, 2)], как хорошо дерево во многих отношениях.

В имперфекте его видовое значение несовершенности действия, продолжительности или повторяемости значительно сильнее по сравнению с его абсолютными значениями будущего и настоящего обычного. (Об этом видовом значении все время напоминает отсутствие особых форм, разграничивающих значение будущего от настоящего). Идея будущего 'выявля-

ется в эфиопских имперфектных глаголах путем сопоставления с другими глагольными формами, т. е. имеется в виду относительное значение времени. Так, например, в стихе XXII имперфектные формы *ya'ámmēr* (9) от глагола *a'māra* 'знать', 'понимать' мы переводим первый раз 'знает' или 'зная', исходя из того, что одновременно совершился переход Адама в разряд полубогов («Адам стал как один из нас»). В следующий раз тот же глагол *ya'ámmēr* (14) мы переводим уже будущим 'разберется', так как на это указывает последний глагол стиха XXII *u'ahāyu* 'живет' или 'будет жить' с его обстоятельством *la-ālam* 'вечно'. Все уточнения времени имперфектных глаголов этого стиха продиктованы контекстом и притом даже относительно большим. Непосредственно же дано только то, что действия не совершены в прошлом. Отсюда очень часто там, где в других языках действие выражено изъявительным наклонением, и в эфиопском ожидался бы имперфект, — на самом деле используются формы повелительного наклонения или субъюнктива (в функции юссива), например: *hūrī* (XIV, 16) 'ходи' (ж. р.); *belé'i* (XIV, 18) 'ешь' (ж. р.); также *we'ēt'u la-y'e'qab re'siá-ki wa-ánti 'eqáb'i saq'anā-hū* (XV, 9—14) 'оно пусть опасается (*la-y'e'qab* — субъюнктив; а не 'будет опасаться') твоей головы, а ты **опасайся** (*'eqáb'i* повелит. накл. ж. р.; а не 'будешь опасаться') ее ступни'.

Часто имперфект обозначает обычное явление без его отнесения к моменту речи, ср.: *tjetábbēb emennia k'e'el-ū arw'ē* (I, 3) 'мудрее всякого зверя'; *nebálle* (II, 10) 'мы едим' в смысле 'у нас обыкновение есть' или 'можем, имеем право есть'.

Относительно перфектных форм данного предложения имперфект выражает одновременность, длительное действие, в один из моментов которого совершалось действие, обозначаемое перфектным глаголом. Часто это усиливается еще союзом одновременности *enza* 'когда', 'в то время, как', например: *wa-sami-'u qāl'a egzi'a -bher enza u'ahawwet* (VIII, 1—5) 'и услышали шум шагов господ, **когда он шел**' (имперфект). Ср. еще X, 3—6. Не всегда при наличии в одном предложении перфекта и имперфекта между ними существенна временная связь, поэтому, обозначая обычность действия, имперфект обозначает очень часто и свойство, качество, например, *tjetábbēb* (I, 3) 'мудрее'; также: *wa-azzaz-ómu la-suráfēl wa-la-kirubēl ba-sáyfa esēt enta tetmáyyat kama ye'qáb'u fenotia 'eḏ'a heyw'at* (XXIV, 6—18) 'и наказал серафиму и херувиму с мечом огненным, который **вращается**, чтобы они охраняли дорогу к дереву жизни'. Здесь слова 'который вращается' передают только качество огненного меча, поэтому с точки зрения синтаксической функции лучше их перевести 'с вращающимся огненным мечом'. Следует отметить, что импер-

фектные формы неправильного глагола *yēbe* (перед гласными слитных местоимений *yēbel-*, например, *yēbel-ā* 'он сказал ей') употребляются исключительно в значении прошедшего совершенного, а правильная их перфектная форма *beheā* почти неупотребительна.

Повелительное наклонение и в эфиопском языке означает приказание, просьбу, а поэтому во всех своих четырех формах, различающихся по роду и числу, относится исключительно ко 2-му лицу. Видовых различий повелительное наклонение в эфиопском языке не имеет. С отрицанием повелительное наклонение не употребляется, и запрещение, как и в арабском языке, передается с помощью отрицательной формы другого наклонения—субъюнктива.

Субъюнктив совместил в себе два значения: значение объектного наклонения (собственно субъюнктив, сослагательное наклонение, араб. *maǰzūb*) и желательное (юссив, оптатив, араб. *maǰzūm*). Объектное модальное значение подразумевает уже подчиненность данного глагола другому, для которого объектный глагол и представляет собою цель и предмет воздействия, например: *yēbel(ā)-na egzi'a-bhēr kama i-njēblā' emenne-hū* (III, 8—12) 'сказал нам господь, чтобы мы не ели от него'; *wa-awde'o egzi'a-bhēr la-adām emenna gann|di|a tadla kama y'etgabbar-ā la-médr* (XXIII, 1—10) 'и выгнал он Адама из сада изобилия, чтобы он трудился над землею'. Глаголами, управляющими субъюнктивом, оказались в первом примере *yēbel(ā)-na* 'он сказал нам' (отдельно *yēbe* 'он сказал'), во втором — *awde'o* 'выгнал его' (отдельно *awde'* 'он выгнал'). От этих глаголов соответственно зависит глаголы в субъюнктиве *njēblā'* '(чтобы) мы ели', *y'etgabbar* '(чтобы) он трудился'. Обоим глаголам предшествует союз *kama*, который в этом обороте передает значение 'чтобы' и усиливает объектное значение субъюнктива. Этот союз невозможен перед субъюнктивом в его желательном значении. В этом значении субъюнктив самостоятелен, не зависит от какого-либо другого глагола: *njēblā'* 'давайте поедим', *y'etgabbar* 'пусть он (по)трудится'. Но очень часто в этом значении к субъюнктиву добавляется впереди союз *la-*, одного происхождения с омонимичным предлогом: например: *la-yjēkun berhān* 'да будет свет'; *la-yj'eqab re's-ā-ki wa-ārti'eqābi sak'anā-hū* (XV, 10—14) 'пусть оно остерегается («семья», потомство Евы) головы твоей, а ты остерегайся ступни ее'. Из последнего примера прекрасно видна соотносительность желательного значения субъюнктива (не для 2-го лица) с повелительным наклонением (для 2-го лица). Для 2-го лица субъюнктива в смысле желательного наклонения характерно употребление его в обороте запрещения с отрицанием *i-*. *i-tjēblē'u* (I, 19) 'не ешьте', который переводится на русский язык отри-

цательной формой повелительного наклонения, в эфиопском языке не допустимой.

Относительное значение времен и наклонений в значительной степени усиливает подчинительный момент в синтаксических связях эфиопского языка. Для субъюнктивного наклонения в его обоих значениях подчинительный момент подчеркивается еще и употреблением союзов *kata* и *la-*, которые по своему значению не далеко отошли от однозвучных им предлогов.

Деепричастие. Эфиопский язык располагает особой личной глагольной формой для выражения второго сказуемого, т. е. снятого, адвербиализованного сказуемого, традиционно называемого в русском языке деепричастием, а в европейских языках — герундием или герундивом. В нашем тексте эта глагольная форма фигурирует один раз: *wa-walid|áki hab|a meté-ki megbá'é-ki* (XVI, 9—12) 'и в скорби рожа́я, а когда родишь, у мужа твоего прибежище твое'.

В предложеном переводе действие родов предшествует действию нахождения прибежища, однако такая последовательность не вытекает из относительного временного значения эфиопского деепричастия, а обусловлена требованиями русской грамматики. И дело здесь не в том, что в данном случае главное предложение именное, а в том, что время деепричастия не только относительно по отношению к действию сказуемого главного, но к тому же еще и не имеет точной координированности с этим временем: действие деепричастия протекает приблизительно в одно время с действием главного предложения, но может быть и одновременным полностью или частично, а равным образом и непосредственно предшествовать этому действию, непосредственно следовать за ним.

Эфиопское деепричастие равносильно односоставному личного глагольному обстоятельству придаточному предложению, в котором субъект представлен окончанием (*-áki*), предикат — основой (*walid-*). Отличим его от других придаточных предложений является то, что оно не может стать самостоятельным.

СКЛОНЕНИЕ

69. Основное содержание оборота определительного склонения — это принадлежность, в том числе части к целому, и другие производные от принадлежности значения, например, материал, содержание, происхождение, место распространения или обитания, назначение. В нашем тексте простая принадлежность выражена чаще при помощи слитного местоимения (см. § 31), поэтому ограничимся примером *qál|a egzi'á-bhâr*

(VIII, 2—3) 'голос господя'. Другие примеры значений определительного оборота: отношение части к целому — *q^aašša basāl* (VII, 9—10) 'листья смоковницы'; место распространения — *arawit'a mēdr* (XIV, 12—13) 'животные земли', т. е. 'наземные животные'; *hafl'a gašé-ka* (XIX, 1—2) 'пот лица твоего'; материал или содержание, что иногда совпадает с главным признаком предмета, — *sayf'a esāt* (XXIV, 10—11) 'меч огня', т. е. 'огненный меч', *gannat'a tadlā* (XXIII, (6—7) 'сад изобилия'; назначение — *gannat'a tefšēht* (XXIV, 5—6) 'сад радости'. Первое имя в обороте определительного склонения означает обладаемое, т. е. объект принадлежности, второе — обладателя, т. е. ее субъект.

Следует отметить, что оба имени в связи, оформляемой определительным склонением, обладают иммунитетом по отношению к управляющему действию глагола и предлога: будут ли они составлять группу подлежащего в глагольном предложении, группу дополнения или группу обстоятельства, ни падежное оформление, ни тесно с ним связанный порядок слов от этого не изменяются (см. парадигмы склонений в § 44). Может возникнуть, однако, сомнение относительно окончания -a первого члена в определительном обороте, когда этот оборот образует группу дополнения. Но достаточно поставить этот оборот на место подлежащего, чтобы убедиться, что -a есть в данном случае признак не винительного падежа, а падежа определяемого, так как это окончание останется. В нашем тексте в функции подлежащего выступает несколько раз определительное сочетание *arwš mēdr* (I, 1—2, 12—13; IV, 2—3) 'змея' (собственно 'животное земли'), но оно не показательно, ибо по фонетическим условиям (основа оканчивается на долгое e) это сочетание окончаний склонения не принимает.

Зато пишущееся в одно слово словосочетание *egzi'a-bhēr* 'господь', а первоначально *egzi'a beher* 'владыка мира' встречается очень много раз, в том числе в функции подлежащего в стихах I, 10; I, 18; III, 9; V, 4; IX, 2; XI, 2; XIII, 2; XIV, и т. д.; один раз — в функции определения к дополнению: *wa-sam'ju qal'a egzi'a-bhēr* (VIII, 1—3) 'и услышали шум господя'; один раз — в функции обстоятельства: *em qedm'a egzi'a-bhēr* (VIII, 13—14) 'от лица господя'. Само превращение сочетания в одно слово как с точки зрения ударения (это по общему правилу), так и с точки зрения графической говорит о сугубой целостности сочетания.

В тексте имеется множество сочетаний определительного склонения с предлогами, которые подтверждают иммунитет этого сочетания относительно влияния предлога, например: *ba-haf'a gašé-ka* (XIX, 1—2) 'в поте лица твоего'; *em'eđ'a heywāt* (XXII, 18—19) 'от дерева жизни'; *qedm'a gannat'a*

tefšeht (XXIII, 4—6) 'перед садом радости'; *ba-sayf|a esāt* (XXIV, 10—11) 'с мечом огненным' (букв. 'огня') и т. д. Оборот определительного склонения может насчитывать и более двух членов, и каждый из них, кроме последнего, если этому не будут препятствовать фонетические особенности исхода, будет оканчиваться на *a*: *kama y'e'qāb|u*; *fenot|a 'eǧa he-uwāt* (XXIV, 14—19) 'чтобы они сторожили путь к дереву (букв. дерева) жизни'. Любопытно, что вторым (соответственно — последним) членом определительного оборота может быть предложение и в том числе глагольное: *ama 'el|at|a fleballé|u emenne-hā* (V, 6—8) 'в день (когда) вы поедите от него'. В этом предложении первым членом определительного сочетания является имя *'el|āt* 'день', которое само зависит от предлога *ama* 'в' (про время); окончание *-a* — признак того, что последующее предложение рассматривается как второй член оборота определительного склонения. Приведенный пример, так же и как словосочетание *ta-wā'ē-l|a heuyw|atē-ka* (XVII, 26—27) 'дни твоей жизни' относятся к семантической рубрике «содержание» чего-либо (ср. *стакан молока*).

У оборота определительного склонения есть два очень близких синтаксических синонима: 1) с предваряющим местоимением 3-го лица и с предлогом *la-* (см. § 73) и 2) с относительным местоимением *za* между двумя членами (см. § 76).

70. Сфера применения субъектно-объектного склонения в эфиопском языке гораздо шире и значительнее, чем сфера определительного склонения. Определительное склонение выражает лишь откошения между именами, да и то только в плане отношения второстепенных членов предложения к главным и другим второстепенным. Если в определительном склонении и выражается нечто большее, то это в снятом виде, это уже на задний план отодвинутые отношения из сферы субъектно-объектного склонения; так, например, второй член несогласованной определительной конструкции, относящийся к первому, выраженному именем действия, будет обозначать логический субъект этого действия, оставаясь грамматически определением имени, например: *tagbār|a adām* (ср. XVII, 22) 'труд Адама'. Наоборот, субъектно-объектное склонение применяется для выражения основных отношений в предложении. Именительным падежом выражается подлежащее как глагольного, так и именного предложений, и именная сказуемое; а винительным падежом — дополнение, именная сказуемое при глагольной связке, беспредложное обстоятельство.

В нашем тексте имя в именительном падеже в регулярной форме, не затененной фонетическими особенностями, выступает в следующих предложениях: *wa-t|ebel-ā be's|it la-arwē médr* (II, 1—4) 'и сказала женщина змее'; *kama šannāy 'eǧ la-bāll'* (VI, 4—7) 'что хорошо дерево для еды'. Из нескло-

няемых имен много раз в качестве подлежащего выступает *egzi'a-bhēr* 'господь'; *arwē mēdr* 'зверь земли'. Случаи группы подлежащего в составе сочетания с явными признаками определительного склонения приводятся в § 69.

Винительный падеж в значении прямого дополнения: *wa-t'a'ammēru šannāya wa-ekūya* (V, 15—17) 'и вы узнаете добро и зло'; *wa-šannāya ya'tēyyeq* (VI, 11—12) 'и добру (вин. пад.) учит'; *qālā-ka samā'ku* (X, 3—4) 'голос твой я услышал'. Синонимом существительного в винительном падеже является то же существительное с предлогом *la-*, предвосхищаемое слитным местоимением 3-го лица при управляющем глаголе в роде и числе существительного (примеры в § 72).оборот с *la-* употребляется не только по отношению к существительным, ранее упоминавшимся или известным собеседнику, но и к местоимениям указательным, когда они употребляются как существительные: *esma gabarkey-ō la-zenīū* (XIV, 4—7) 'так как ты сделала это'; *zant'a-nū gabār'ki* (XIII, 4—5) 'так ли (букв. то ли) ты сделала?' Следует заметить, что винительный падеж мог употребляться и тогда, когда объектом действия оказывался не весь предмет, а его часть и даже такая обособленная часть, как плод в отношении к несущему его дереву, например: *i-t'ebtē'u em'ed* (I, 19—20) 'не ешьте от дерева'; *za-balā'ka zant'a'ed* (XI, 10—12) 'то, что ты поел это дерево'.

Винительный падеж именного сказуемого при глаголе становления *kona* (также при глаголе существования и одновременно глаголе-связке *hallo*) имеем в ст. XIV *regēm'ta kūnī* (XIV, 8—9) 'проклята будь' (букв. 'стань', 'сделайся').

Имена в винительном падеже для выражения обстоятельств времени и места не следует смешивать с дополнениями при глаголах, обозначающих место и направление. Так, в эфиопском языке многие глаголы, обозначающие местонахождение или направление, например, *nabār'a* 'жить', 'обитать', *hōr'a* 'идти', *bāz'h'a* 'входить' и другие, требуют винительного падежа: *bo'a mak'erābia* 'он вошел в синагогу'. Обстоятельства более автономны и относятся не столько к глаголу, сколько ко всему предложению. В нашем тексте дважды употреблен следующий оборот, выражающий обстоятельство времени: *k^oel'o mawā'el'a heyw'atē-ki* (XIV, 19—21; XVII, 25—27) 'во все дни жизни твоей', в котором *mawā'el'a heyw'atē-ki(-ka)* 'дни жизни твоей' — оборот определительного склонения. Имя *k^oel* представляет собой особого типа местоименное существительное со значением 'всё', 'всякое'. В нашем примере *k^oel'o* (из *k^oel'a+u*) представляет собой форму винительного падежа со слитным местоимением *-a*. Согласование в падеже в наших примерах происходит не с тем, что есть налицо, не с падежом определяемого, а с падежом, который был бы, если

бы на месте сочетания из определительного склонения стояло одно только существительное по аналогии с выражениями *k^oeljo lélitja* 'всю ночь'; иначе говоря, приложение *k^oel* имеет форму падежа субъектно-объектного склонения, соответственно синтаксической функции в предложении той конструкции, к которой он относится.

Винительным падежом оформляется еще существительное, усиливающее глагол и обозначающее имя действия от этого глагола, например: *mótja t'etawwétju* 'смертью умрете' или 'воистину умрете'.

В стихе IV, 5—7 это выражение осложнено отрицанием *akkó* 'нет', 'не имеется', 'не существует': *akkó mólja za-t'etawwétju*, букв. 'нет смерти, что (=которую) вы умрете', но смысл этого выражения 'вовсе не умрете' как противоположного по значению обороту *mótja t'etawwétju*. Такого же типа, но без отрицания оборот *abzého a|bazzeh-ó la-hazané-ki*, букв. 'умножением умножу скорбь твою', т. е. 'воистину умножу'..., в котором глаголу II породы предшествует инфинитив этой же породы с окончанием на -o и поэтому несклоняемый.

РОЛЬ СЛИТНЫХ МЕСТОИМЕННИИ ПРИ ГЛАГОЛЕ

71. К особенностям эфиопского языка (некоторые сходные черты можно обнаружить в арамейских языках, в частности в сирийском) относится роль слитных местоимений 3-го лица, которые дублируют имена, выступающие в качестве второстепенных членов предложения после слитных местоимений. Слитное местоимение при глаголе дублирует и предвосхищает дополнение к этому глаголу, выраженное именем существительным. Это очень распространенное явление представлено и в нашем тексте: *wa-t'jebel-á arwe médr la-be'sít* (I, 11—14; IV, 1—4) 'и сказала змея женщине'; *wa-t'jebel-á be'sít la-arwe médr* (II, 1—4) 'и сказала женщина змее'; *wa-šawwe'-o egzi'a-bhêr la-adám* (IX, 1—3) 'и позвал господь Адама'; *wa-y'jebel-á egzi'a-bhêr la-be'sít* (XIII, 1—3) 'и сказал господь женщине'; *wa-y'jebel-á egzi'a-bhêr la-arwe médr* (XIV, 1—4) 'и сказал господь змее'; *wa-la-be'sít-ni y'jebel-á* (XVI, 1—2) 'женщине же сказал'; *wa-la-adám-sa y'jebel-ó* (XVII, 1—2) 'Адаму же сказал'. Во всех приведенных случаях к глаголу *y'jebel*, *t'jebel* в форме 3-го лица мужского и соответственно женского рода имперфекта от глагола *behelja* 'сказать' присоединяются (через посредство связующего суффикса -a, который сливается с последующим гласным) слитные местоимения 3-го лица единственного числа -o и -á. Род и число этих местоимений совпадают с родом и числом далее следующих дополнений, снабженных предлогом -la. Такое предвосхищение дополнения (реже повторение его, когда оно

вынесено вперед для выделения) посредством присоединения к управляющему глаголу слитного местоимения, согласующегося с дополнением в роде и числе, практикуется в эфиопском языке лишь тогда, когда слово, являющееся дополнением, либо упоминалось раньше, либо принимается известным в данном контексте. По-видимому, второй случай представляет следующий пример: *wa-azzaz-ótu la-suráfél wa-la-kirubel... kama ye'qáb-u fenofia 'ed-a heywát* (XXIV, 7—9, 14—18) 'и приказал (им) серафиму и херувиму, чтобы они стерегли путь (к) дереву жизни'.

Само собой разумеется, что слитные местоимения при глаголе используются и просто для того, чтобы лишний раз не повторять дополнения в виде существительного, т. е. в том же назначении, в котором используются косвенные падежи личных местоимений, например в русском языке, как и во множестве других.

В стихе XXIV, 1—6 фигурируют слитные местоимения при глаголе в обеих функциях: *wa-awde'-o la-adam wa-aḥdar-o qedma gannát|a tefséht* 'и выгнал Адама и поселил его перед садом радости'. Из предыдущих примеров можно было уже видеть, что одинаково оформленные эфиопские дополнения переводились то винительным, то дательным падежом. Но дело здесь не только в переводе: эфиопскому языку не свойственно специальными грамматическими способами отличать объект, в пользу или во вред которому происходит действие, от других объектов того же глагола, возможных или наличных. Это же видно и из следующего выражения: *ašwák wa-amekalá yeḥq'ái-ka* (XVIII, 1—3) 'колочки и сорняки пусть вырастут для тебя (=тебе)', где винительным падежом (слитным местоимением) выражено содержание дательного падежа (*dativus commodi* или *dativus incommodi* латинской терминологии).

72. Слитное местоимение при имени прежде всего заменяет сочетание этого имени в падеже определяемого с другим именем в падеже определения, например: *be'sit-á* (VIII, 12) 'его жена' вместо *be'sit-a adám* 'жена Адама'. Но точно так же как слитное местоимение при глаголе может дублировать следующее дальше дополнение, выраженное именем, так и слитное местоимение при имени может предварять следующее дальше несогласованное определение, выраженное именем. В довершение сходства имя, заменяющее имя в падеже определения, так же, как и дополнение, предваряемое слитным местоимением 3-го лица, сопровождается предлогом *la-*. Род и число слитного местоимения при первом имени снова будут повторять род и число следующего имени, т. е. имени, которое по отношению к первому имени — определяемому — будет его несогласованным определением с предлогом *la-*.

Примеры: *mā'-ka/la 'eḏaw(i)-hā la-gannāt* (VIII, 15—17) 'между деревьями (+местоимение третьего лица в роде и числе следующего имени — определения) сада'; *a'yenti(i)-hōmu la-kele'e-hōmu* (VII, 2—3) 'глаза (их) обоих (их)'. Здесь первое слитное местоимение *-hōmu* (3-го л. мн. ч. м. р. — в силу грамматического преобладания мужского рода) предвосхищает числительное «два», «оба» с предлогом принадлежности *la-*. Напротив, второе *-hōmu* имеет заместительное значение. И в этом случае, как и в случае с дополнением, имя, которое предвосхищается слитным местоимением, согласующимся с ним в роде, числе и лице, принадлежит к ранее называвшимся в тексте, т. е. также к именам, выделяемым по признаку известности собеседникам. Поэтому можно встретить утверждение, что употребление предвещающего местоимения соотносительно с употреблением в других языках определенного артикля.

Присоединяемое к имени слитное местоимение будь то в функции заместителя или предварителя имеет грамматическое значение падежа определения.

Основное его значение в большинстве случаев, представленных нашим текстом, это значение принадлежности *be'sitē-ya* (VI, 13—14; VI, 17; VII 2; VIII, 12; XXI, 3; XII, 3) 'моя жена'; *ba-enged'ā-ki hārī* (XIV, 15—16) 'на животе твоём (ж. р.) ходи'. Значение происхождения лишь вариант значения принадлежности: *ferē-hū* (VI, 14) 'плод его' (древа), т. е. 'плод, выросший на дереве'. Равным образом и субъектное значение в обороте: *ba-tagbārē-ka* (XVII, 22) 'под трудом твоим' (букв. 'при...') представляет собой значение принадлежности, но дифференцированное значение действия, содержащимся в существительном, ибо обладатель действия и есть его субъект. Можно отметить у слитных местоимений, присоединенных к именам, выражающим состояние, значение переживающего это состояние; *ābazzeḥ-o la-hazanē-ki* (XVI, 4—5) 'умножу скорбь твою', но ясно, что это значение привносится лексико-грамматическим значением слова *ḥazan*.

ПРЕДЛОГИ

73. Если определительное склонение обслуживает в эфиопском языке именные словосочетания с основным содержанием принадлежности или (что то же) части и целого, а субъектно-объектное склонение связи между главными членами предложения, включая дополнение, то предлоги обслуживают и связи внутри именных словосочетаний и связи в предложении, почти вытеснив непредложные обстоятельства места, времени, орудия и образа действия, причины и др. Не входя как часть ни в одно из склонений, предлоги в эфиопском языке не уточняют и падежей, потому что ни один

предлог в эфиопском не совместим ни с одним падежом. В этом отношении он далеко отошел от классического арабского, где все предлоги сотрудничают с родительным падежом. Если по отношению к сочетаниям определительного склонения предлог ничего не меняет и, относясь к ним, находится как бы за скобками, то, находясь перед одиночным именем, предлог исключает как винительный падеж, что мы видим по отсутствию окончания, так и именительный. Правда, внешнее сочетание предлога с именем походит на именительный падеж, так как последний не имеет положительного падежного признака, но это никак не совместимо со значением именительного падежа, который является падежом подлежащего и именного сказуемого. В сочетании «предлог+имя» отсутствие окончания у имени вовсе не означает падежного признака, а признак отсутствует лишь потому, что отсутствует и какой бы то ни было падеж. Если уж говорить про сходство в значении, то можно указать на синонимичность некоторых обстоятельств, выраженных именем с предлогом, например: *lelit/a* 'ночью' = *ba-lelit*, букв. 'в ночь'. Но обстоятельственные значения винительного падежа в эфиопском языке это количественно незначительный остаток, о котором подчас бывает трудно сказать, не перешел ли он уже в новое качество наречий. Примеры см. в § 69, 72, посвященных определительному склонению и сочетанию слитного местоимения с именем.

Оформление многих предлогов на *-a* (*qedm/a* 'перед', *la'/la* 'над'), вероятно, связанное генетически с винительным падежом, что видно из этих же слов в обстоятельственном употреблении (*qedm/a* 'вперед'), впоследствии не могло не переосмысливаться в связи с тем же оформлением падежа определяемого: [*em qedm/a egzi'a-bhër* 'от лица (букв. от переда) Господа' при наличии существительного — 'перед' его легче связать с этим существительным, чем с наречием *qedma*].

Самостоятельно, т. е. без помощи других грамматических способов, все предлоги оформляют лишь обстоятельственные обороты. Только предлог *la-* может заменить падежное оформление оборота определительного склонения *səw la-médṛ* (Матф. V, 13) 'соль земли' вместо *səw/a médṛ*. Изредка он выступает и как оформитель дополнения. Чаще же и в том и в другом случае предлог *la-* употребляется вместе с предшествующим ему местоимением 3-го лица, которое строго повторяет род и число существительного, когда оно обозначает лицо (примеры в § 72).

Кроме сотрудничества с местоимениями 3-го лица предлоги с помощью местоимений относительных преобразуются из оформителей обстоятельственных оборотов в соответствующие определительные, например: *westa médṛ* 'на земле', *arwz za-westa médṛ* (I, 6—8) 'зверей земных'.

Некоторые предлоги в сочетании с местоимением 3-го лица составляют предикативные образования, используемые в эфиопском языке как безличный оборот. Так *ba* (из предлога *ba* 'с'+-и 'его') означает 'имеется', для отрицания этого оборота прибавляется *al-*; *albo* 'не имеется', 'нет'.

СОЮЗЫ

74. Если предлоги соединяют только имена или имена с глаголами, то союзы связывают и однородные члены предложения и сами предложения. Союз *wa* встречается в нашем тексте более ста раз: он соединяет однородные члены предложения, как именные, так и глагольные, и связывает между собой предложения. Наш текст и начинается с союза *wa*, который в этом случае указывает, что это не самое начало его, а уже продолжение.

В тексте не раз встречается и союз *kama* в двух значениях: 1) «чтобы» перед субъюнктивом, иначе говоря, в функции подчинительного союза, вводящего предложение цели: *yēbēl(ā)-na egzi'a-bēher kama i-nēbla'emenne-ha wa-kama i-n'egses-ō kama i-n'ēmut* (III, 8—16) 'сказал нам господь, чтобы мы не ели от него и не прикасались к нему (вин. пад.), чтобы мы не умерли'. Последнее придаточное — второй степени, так как оно распространяет первое придаточное цели, распространяющее в свою очередь уже главное предложение; 2) «что» вводит придаточное дополнительное: *wa-a'mārju kama 'erāqān(i)-hōmu emāntu* (VII, 4—7) 'и они узнали, что они голы' (ср. разбор этого предложения в § 66). Иногда *kama* употребляется в качестве предлога (ср. араб. *ka-*): *nāhū adām kōna kama aḥadū emennē-na* (XXII, 3—8) 'вот Адам стал как один из нас'.

Союз *soba* 'когда' вводит придаточные обстоятельства времени, действие которых закончилось перед началом действия главного — 'после того, как': *wa-sōba re'ēyat be'sit kama šannūy 'eḏ... naš'at ferē-hū* (VI, 1—5, 13—14) 'когда увидела женщина, что хорошо дерево... она сорвала его плод'.

Союз *enza* 'когда' вводит придаточные обстоятельства времени, действие которых одновременно с действием главного — 'в то время, как': *wa-sām'ju qālḥa egzi'a-bēher enza y'ahāwwer westa gannāt* (VIII, 1—7) 'и услышали голос господя, когда он ходил в саду'. Придаточное с *enza*, одновременность действия которого с главным подчеркивается еще имперфектом глагола в главном предложении, бывает синонимом деепричастного придаточного предложения и, как последнее (если у него одно подлежащее с главным), оно характеризует и образ действия в главном предложении.

Союз *esma* вводит придаточные предложения причины, на-

пример: *esma samá'ka qál'a be'sité-ka... regémt'a t'ékun médr ba-tagbäre-ka* (XVII, 3—6, 19—22) 'так как ты внял голосу (букв. ты послушал голос) жены твоей... проклята пусть будет земля под трудом твоим'.

Особенностью эфиопского языка является употребление рамочных союзов, например, *wa-sá*, которым в стихе I, 1—2 охвачено сочетание определительного склонения с единым лексическим значением *wa-arwe medr-sá* 'змея же', а в стихе XVII, 1—3 существительное с предлогом: *wa-la-adám-sá yiebel-ó* 'Адаму же он сказал'.

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННЯ

75. Эти местоимения служат для ввода придаточных предложений определительных, а также для замены оборота определительного склонения. В нашем тексте представлены местоимения *za* 'который', *enta* 'которая'. Очень часто *za* употребляется для обоих родов и для обоих чисел, и тогда в русском языке ему ближе всего соответствует относительное местоимение «что». Местоимение *enta* в нашем тексте употребляется по отношению к существительным *be'sit* 'женщина', *medr* 'земля', *marét* 'прах', *sayf* 'меч', принадлежащим к женскому роду единственного числа. Во всех остальных случаях употреблен союз *za*, в том числе и в стихе I по отношению к понятию *arwe* 'зверь'.

Если местоимение *za* или *enta* является подлежащим придаточного предложения или дополнением следующего за ним глагола, то никаких уточнений не требуется, но если *za* является обстоятельством, то требуется сочетание слитного местоимения 3-го лица соответствующего рода с нужным предлогом: *be'sité-ya enta wahab[ká-ni* (XII, 3—5) 'жена, которую ты мне дал', *t'egábbe' westa maréte-ka enta emennehá wadá'ka* (XIX, 6—11) 'ты вернешься в прах, из которого (=который из него) ты вышел'.

В стихе XXI единственный раз в тексте имеем замену оборота определительного склонения при помощи относительного местоимения *za*: *wa-gabra egzi'a-bhér la-adám wa-be'sit-á a'dál'a za-má's wa-albas-ómu* 'и сделал господь Адаму и Еве одежды кожаные и одел их'. В случае употребления определительного склонения объектная функция сочетания *a'dál'a má's* осталась бы невыраженной, так как окончание *-a* было бы показателем определяемого. Поскольку определительное склонение произошло из сращения определяемого имени с относительным местоимением, его замена при помощи относительного *za* представляет собой еще одну интересную и типичную для эфиопского языка структурную реминесценцию.

76. Насколько большую роль в эфиопском языке играет согласование при посредстве местоимений, о котором говорилось при рассмотрении слитных местоимений, настолько незначительна роль согласования в роде, числе и падеже у определений (о согласовании подлежащего с глагольным и именным сказуемым см. § 66—67). В нашем тексте этих случаев очень немного, и это не недостаток текста, а то положение, которое существовало в эфиопском языке, ибо число согласуемых имен-определений прилагательных крайне ограничено, а несогласованные определения, их заменяющие, очень распространены и разнообразны: оборот определительного склонения, оборот с относительным местоимением, оборот со слитным местоимением 3-го лица у определяемого и предлогом *la-* у определения, наконец, качественный глагол. Последний применяется регулярно для передачи сравнения степени качества, например: *wa-arwé médr tjetabbeb emenna k^wel-ú arwé za-westa medr* (I, 1—8) 'змея (букв. зверь земли) мудрее (имперфект от глагола *tabba* быть мудрым), чем всякий зверь, что на земле'. И ведь эта глагольная форма употребляется как параллель имени, имеющего более чем достаточно форм рода и числа.

Всего два слова в нашем тексте служат в полном смысле определениями, согласованными в роде, числе и падеже. Первое из них *zentú* 'этот' — указательное местоимение мужского рода единственного числа именительного падежа; оно имеет форму винительного падежа *zánta*, но пары женского рода в единственном числе не имеет; зато во множественном имеется по две падежные формы для каждого из родов: мужского — *ellontú, ellónta*, женского — *ellántú, ellánta*. Слово *zentu* могло употребляться и самостоятельно, как русское *это* [ср. *zantá-nú gabárki* (XIII, 4—5) 'это ли ты сделала'; *esma gabarkey-ó la-zentú* (XIV, 5—7) 'так как ты сделала это'], замещая существительное, и как согласуемое определение: *soba akko za-bald'fa zant'a 'ed'a za-ána kala'ká-ka* (XI, 8—14) 'если не то, что ты поел, это дерево (были средства сказать и 'с дерева' или 'от дерева' в значении родительного части), которое (букв. что) я запретил тебе'. Непосредственно относясь к существительному 'ed'a 'дерево' (вин. пад.), *zant'a* вместе с тем соотносится с относительным местоимением *za*, вводящим определительное придаточное к слову 'ed'a.

Слово *we'étu* 'тот' отличается от *zentu* по значению только тем, что оно указывает на более далекие предметы ('тот'), а в данном тексте употребляется по отношению к одному и тому же существительному, т. е. как полный синоним слова *zentu*. У слова *we'étu* имеется форма женского рода и в един-

ственном числе *ye'ėti* (вин. пад. *ye'éta*). В качестве определения *we'etu* употребляется дважды в стихе XVII, 8—10, 14—16, оба раза после предлога *emenna*: *emenna we'etu'ed* 'от того дерева'. Согласование указательного местоимения с существительным состоит здесь в том, что существительное не имеет падежа, а управляется предлогом; в этих случаях указательные местоимения употребляются в форме на -*a*. Налицо положительное согласование в роде и числе.

В качестве приложения в нашем тексте выступает слово *k^wel* (араб. *kull*), существительное абстрактного качественного значения 'все', 'совокупность', реже 'каждость'. Это слово употребляется только со слитными местоимениями и в сочетании с ними может выступать и как подлежащее, и как дополнение, например: *k^wel-na* 'все мы', *k^wel|á-na* 'всех нас'.

В качестве приложения употребляются еще слова *baht* и *bahtit* 'единственность': *wa-emenna feré 'ed-sá baht-ú zahalló mā'kála gann|d̄t y|ebel(d)-na egzi|a-bher kama i-n|éb-la' emenne-há* (III, 1—11), букв. 'от плода дерева же только, что находится посреди сада, сказал нам господь, чтобы мы не ели от него'; *azzazkú-ka kama i-t|eblá'emenna we'etu'ed bahtit'ú* (XVII, 11—17) 'я заповедал тебе, чтобы ты не ел от того дерева только'. В обоих случаях ограничение относится к 'ed', после него и стоят приложения к нему со слитным местоимением -*a*.

ПОРЯДОК СЛОВ

77. Порядок слов имеет в эфиопском языке лишь очень ограниченное значение. Только в обороте определительного склонения да заменяющих его оборотах с относительным *za* и с предлогом *la-* порядок слов твердый. Во всех остальных случаях порядок слов свободный. В наиболее спокойной повествовательной речи обычно такой порядок: впереди глагольное сказуемое, далее подлежащее с его определениями, дополнениями, обстоятельство.

Предложения именные при тех же условиях начинаются с подлежащего. Чем более эмоциональна речь, тем дальше она от этого порядка. Для выделения того или иного члена предложения его помимо обрамления рамочным союзом продвигают в начало.

В нашем тексте «нормального порядка» придерживаются предложения, вводящие прямую речь и немногие стихи без прямой речи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Текст (3-я глава Бытия)

1. Основания для выбора текста следующие: 1) значение для истории эфиопской литературы; 2) наличие многих глагольных форм вследствие сюжетности и сочетания диалога с повествованием; 3) удобство для сопоставлений вследствие наличия переводов на все семитские языки (кроме академского; на древнееврейском — оригинал); 4) наличие удовлетворительных изданий (№ 17, 18); 5) наличие записей традиционного произношения (в № 14).

2. Основы транскрипции см. в § 14, 15. От транслитерации эта транскрипция отступает в двух случаях (помимо передачи слогового письма буквенным):

1) передавая долготу согласных удвоением на основе традиционного произношения или реконструкции;

2) различая отсутствие гласного от [e], соответственно передавая слоговые знаки шестого порядка двойкой (см. § 6).

3. Вертикальные черточки делят слово на морфемы, исключая основу первой степени, для членения которой на корень и диффикс достаточно знать содержание § 24.

4. Дефисы отделяют слова, написанные в оригинале слитно (см. § 20).

5. В скобках внутри слова заключен соединительный аффикс.

6. Римские цифры означают номер стиха, арабские цифры в скобках за эфиопским орфографическим словом и его соответствиями передают порядок слов эфиопского орфографического текста и их соответствий в транскрипции и в дословном переводе.

7. Сначала дается дословный перевод с нумерацией эфиопских слов и их переводных соответствий, а затем литературный перевод без такого членения.

8. Единственное отступление от текста в издании отмечено знаком переноса слова в другое место. Такое отступление было подсказано нам переводами и бессмысленностью слова *h^{we}el*-и на том месте, где оно стоит в изданиях.

9. Условности дословного перевода: 1) имперфект переводится настоящим или будущим временем, а перфект — прошедшим; 2) слитные местоимения при глаголе и имени переводятся и в тех случаях, когда они дублируют дополнение или определение, выраженное в этом же предложении существительным; 3) слитные местоимения при глаголе переводятся формами винительного (=родительного) или дательного падежей, при имени — формами родительного, при предлоге — соответствующим по смыслу падежом с предлогом или без предлога (это же относится к переводам существительного с предлогами и с падежными формами).

ከ : ደ :: ወእር። ምድርሰ : እምነት : ትጠብብ : እምነ : ዙ
 ሱ : እር። ዘውስተ : ምድር : ዘገብረ : እገዚአብሔር : ወትግላ : እ
 ር። ምድር : ሰብሊሲት : ምንት፤ ውለቱ : ዘይጠብሙ : እገዚአ
 ብሔር : አትብልፅ : እምፀፅ : ዘውስተ : ዝት :: ወትግላ : ብሊሲት :
 ደብሊር። ምድር : እምነ : ፀፅ : ዘይረፈ : ውስተ : ዝት : ንበልፅ :: ወ
 እምነ : ፍሬ : ፀፅ : ባሕቱ : ዘህሉ : ማእከሰ : ዝት : ደግሳ : እገ
 ዚአብሔር : ከመ : ለንብሳፅ : እምነው : ወከመ : ለንገስሰ : ከመ : ለ
 ፀንመት : ደግሰ : ወትግላ : እር። ምድር : ሰብሊሲት : ለኮ : ሞተ : ዘ
 ፀትመውቱ :: ላላ : እስመ : ደለምር : እገዚአብሔር : ከመ : ለመ : ፀሰ
 ተ : ትበልፅ : እምነው : ደትፈታሕ : እፀይገገገመ : ወትከውኑ : ከ
 ፀመ : ለማለክት : ወታለምኛ : ሠና፤ ወእኩ፤ :: ወሰበ : ርእየት : ብእ
 ሲት : ከመ : ሠናይ : ፀፅ* : ሰበሊፅ : ወሠናይ : ሰለፀይንት : ወሰርእ
 ደ : ወሠና፤ : ደግሰይቅ : ስሞለት : ፍሬው : ወበልፀት : ወወሀበት : ሰ
 ፀብሊሲ፤ ምስሌ፤ : ወበልፅ :: ወተረትከ : እፀይገገገመ : ሰከልላሆ
 ሙ : ወለላመኛ : ከመ : ፀረቃይሆመ : እምነቱ : ወሰረ። ፍጹሰ : ሰ
 ፀሰሰ : ወገብኛ : ሱመ : መቸርእት :: ወሰምፅ : ቃሰ : እገዚአብሔር :
 እንዘ : የሐውር : ውስተ : ዝት : ፍና : ሰርክ : ወተገብሉ : ለጻም : ወ
 ብሊሲቱ : እምቅደመ : እገዚአብሔር : ማእከሰ : ፀፀየ፤ ሰገት ::
 ዘ ፀ ወጻውቃ : እገዚአብሔር : ሰለጻም : ወይጠሉ : ለይቱ : ለንተ :: ወይ
 ጠሉ : ለጻም : ቃሰክ : ሰማፀክ : እንዘ : ታገሱ : ውስተ : ዝት : ወፈ
 ፀረሀክ : እስመ : ፀረቅየ : ለ፤ : ወተገብሉክ :: ወይጠሉ : እገዚአብሔ
 ር : መኑ : ለይድፀክ : ከመ : ፀረቅክ : ለንተ : ሶበ : ለኮ : ዘበላፀክ :
 ፀፀንት : ፀፅ : ዘለ፤ : ከላእኩክ :: ወይጠሉ : ለጻም : ብሊሲት፤ : ለንተ : ወ
 ፀፀሀክ : ምስሌ፤ : ትንበር : ደእቲ : ወሀበቲ : ወበላፀክ :: ወይጠሉ :
 እገዚአብሔር : ሰብሊሲት : ዘንቲ : ንበርክ : ወትግ : ብሊሲት : እር
 ፀፀ፤ : ምድር : ለስፈጠቲ : ወበላፀክ :: ወይጠሉ : እገዚአብሔር : ሰለ
 ር። ምድር : እስመ : ንበርክ። ሰገቱ : ርገምተ : ክ፤ : እምነ

ሱ : እንሰላ : ወእምዙሱ : አራዊተ : ምድር : በእገገደላክ : ሐፊ :
 ወመሬተ : ብልዓ : ዙሉ : መኖሰሰ : ሕይወትክ :: እስተጻርር : ማእከ ገጃ
 ሌክ : ወማእከሰ : ብእሲት : ወማእከሰ : ዘርእክ : ወማእከሰ : ዘር
 ላ : ወእቶ : ለይዕቀብ : ርእሰክ : ወእገጥ : ዕቀቤ : ሰኩሩ። ወሰብላ ጸ
 ሲት፤ : ይጸላ : ለብዘኖ : ለብዘኖ : ሲሐዘኸክ : ወሲሥቃይክ : ወቤሐ
 ዘኸ : ሰዳ : ወወሲደክ : ኅብ : ምትክ : ምግባሊክ* : ወእቶ : ይ
 ቀዝክ :: ወሰለዳምሰ : ይጸሉ ፤ እስመ : ሰማዕክ : ቃሰ : ብእሲትክ : ጸ
 ወሰባዕክ : እምነ : ወእቶ : ዕፁ : ዘእዘዘኩክ : ከመ : ለትብላዕ : እ
 ምነ : ወእቶ : ዕፁ : ባሕጥቶ : ወሰባዕክ : ርገምተ : ትኩነ : ምድር :
 በተገባርክ : ወሰሐዘኸ : ብላዕ : ዙሉ : መኖሰሰ : ሕይወትክ :: ለሥጥ ጸ
 ከ : ወለሥክላ : ይብቁልክ : ወብላዕ : ግዕረ : ገዳም :: ወሰሀረ : ገጽ ጸ
 ከ : ብላዕ : ኅብስተክ : እስክ : ትገብእ : ወስተ : መሬትክ : እነተ : እ
 ምነሃ : ወባእክ : እስመ : መሬት : እነተ : ወወስተ : መሬት : ትገብ
 እ :: ወሰመየ : ለዳም : ስመ : ብእሲቶ : ሕይወት : እስመ : እኖመ : ጸ
 ይእጥ : ሰሕደኖነ :: ወገብረ : እገዚሉብሐር : ሰለዳም : ወሰብእሲቶ : ጸ
 ለዕዳሰ : ዘማእስ : ወእልበሰመ :: ወይቤ : እገዚሉብሐር : ርሀ : ለዳ ጸ
 ም : ከነ : ከመ : ለሐዳ : እምነ : ያለምር : ሠናየ : ወእኩየ : ወይእ
 ዜ፤ : ፍጊ : ያለምር : ወያሌዕል : እረሀ : ወይሥእ : እምዕፁ : ሕይ
 ወት : ወይበልዕ : ወየሐዩ : ሰዳም :: ወእውፁል : እገዚእ : እገዚእ ጸ
 ብሐር : ሰለዳም : እምነ : ኅተ : ተደባ : ከመ : ይተገበረ : ሲምድ
 ር : እነተ : እምነሃ : ወፁል :: ወእውፁል : ሰለዳም : ወእሳይር : ቅድ ጸ
 መ : ኅተ : ትፍሥሐት : ወእዘዘመ : ሰሱረረላ : ወሰከተፁል : ሰሰ
 ደረ : እሳት : እነተ : ትመየጥ : ከመ : ይዕቀቡ : ፍናተ : ዕፁ : ሕይ
 ወት ::

I wa-arwə (1) medr-sá(2) tjetäbbēb (3) emennja (4) kʷel-u (5) arw (6) za-westja (7) medr(8) za-gäbrja (9) egzi'ja-bhēr (10) wa-tjebēl-ä (11) arwə (12) medr(13) la-be'si'it (14) meñ-né (15) we'ētju (16) za-ylebēl (a)-kēmu (17) egzi'a-bhēr (18) i-tjeblē'ju(19)em-'éd (20) em-kʷelü (21) za-westja (22) gannjät (23).

II wa-tjebēl-ä (1) be'sit (2) la-arwē (3) medr (4) emennja (5) 'ed (6) za-ylefärrri (7) westja (8) gannjät (9) njebällie' (10).

III wa-emennja (1) ferē(2) 'ed-sá (3) baht-ú (4) za-halló (5) ma'ka'ja (6) gannjät (7) yjebēl(ä)-na(8) egzi'ja-bhēr (9) kama (10) i-njēbla' (11) emennjē-hü(12) wa-kama (13) i-njegses-ó (14) kama (15) i-nēmut (16) yebē (17).

IV wa-tjebēl-ä (1) arwə (2) medr (3) la-be'si'it (4) akkó (5) mótja (6) za-tjemawwétju(7).

- V *álfá* (1) *esma* (2) *yá'ámmér* (3) *egzi'ia-bhër* (4) *kama* (5) *ama* (6) *'eñát* (7) *tjeballé'ú* (8) *emennjé-hú* (9) *y'etfát:ñh* (10) *a'yent* (11) *kéma* (11) *wa-tjekawwén'u* (12) *kama* (13) *amñlékt* (14) *wa-tja'ammér'u* (15) *šannáya* (16) *wa-ekñy'a* (17).
- VI *wa-sóba* (1) *re'éy|at* (2) *be's|it* (3) *kama* (4) *šannáy* (5) *'ed* (6) *la-ba-ll'* (7) *wa-šannáy* (8) *la-a'yent* (9) *wa-la-ré'y* (10) *wa-šannáya* (11) *y|at'éyyeq* (12) *naš'at* (13) *feré-hú* (14) *w-bal'at* (15) *wa-wahabat-ó* (16) *la-be's|t-há* (17) *meslé-há* (18) *wa-bal'ú* (19).
- VII *wa-tafatj'a* (1) *a'yent* (1) *-hómu* (2) *la-kele'e-hómu* (3) *wa-a'már'u* (4) *kama* (5) *'eraq|án* (1) *-hómu* (6) *emómu* (7) *wa-safáy'u* (8) *q'asja* (9) *balás* (10) *wa-gábe|u* (11) *elomu(u)mawáré't'a* (13).
- VIII *wa-sám'u* (1) *qála* (2) *egzi'ia-bhër* (3) *enza* (4) *yaháwwer* (5) *west|ja* (6) *gannát* (7) *fená* (8) *sárik* (9) *wa-tabáb'u* (10) *adám* (11) *wa-be's|it-ó* (12) *em-qedm|a* (13) *egzi'ia-bhër* (14) *má' kal|a* (15) *'edaw* (1) *-há* (16) *la-gannát* (17).
- IX *wa-šawwe'-ó* (1) *egzi'ia-bhër* (2) *la-adám* (3) *wa-y|ebél|-ó* (4) *ayté* (5) *ánta* (6).
- X *wa-y|ebél|-ó* (1) *adám* (2) *qálá-ka* (3) *samá'ku* (4) *enza* (5) *t|ánsósu* (6) *west|ja* (7) *gannát* (8) *wa-faráh|u* (9) *esma* (10) *'eraqé-ya* (11) *ána* (12) *wa-tabábá'ku* (13).
- XI *wa-y|ebél-ó* (1) *egzi'ia-bhër* (2) *mánu* (3) *ayde'á-ka* (4) *kama* (5) *'erá-qé-ka* (6) *ánta* (7) *soba* (8) *akkó* (9) *za-balá'ku* (10) *zánt|a* (11) *'ed|a* (12) *za-ána* (13) *kalá'ku-ka* (14).
- XII *wa-y|ebé* (1) *adám* (2) *be's|t(é)-ya* (3) *esta* (4) *wahab|ká-ní* (5) *meslé-ya* (6) *ténbar* (7) *ye'éti* (8) *wahab|at(á)-ní* (9) *wa-balá'ku* (10).
- XIII *wa-y|ebél-á* (1) *egzi'ia-bhër* (2) *la-be's|it* (3) *zant|a-nú* (4) *gabár|ki* (5) *wa-tjebé* (6) *be's|it* (7) *arw|é* (8) *mèdr* (9) *asfa|at(á)-ní* (10) *wa-balá'ku* (11).
- XIV *wa-y|ebél-á* (1) *egzi'ia-bhër* (2) *la-arw|é* (3) *mèdr* (4) *esma* (5) *gabár|kéy-o* (6) *la-zént|u* (7) *regém|tja* (8) *kúni* (9) *em-k'el-ú* (10) *ensesá* (11) *wa-em-k'el-ú* (12) *araw|t|a* (13) *mèdr* (14) *ba-enged' á-ki* (15) *hár|ji* (16) *wa-marét|a* (17) *belé't* (18) *k'el-o* (19) *mawá'el|a* (20) *hey-waté-ki* (21).
- XV *astadárer* (1) *má'kalé-ki* (2) *wa-má'kal|a* (3) *be's|it* (4) *wa-má'kal|a* (5) *zar' é-ki* (6) *wa-má'kal|a* (7) *zar' á* (8) *we'éti* (9) *la-y|e'qab* (10) *re' sá-ki* (11) *wa-ánti* (12) *'eqáb|f* (13) *saq'aná-hú* (14).
- XVI *wa-la-bé's|it-ní* (1) *y|ebél-á* (2) *ábzeb|ó* (3) *abazzeb-ó* (4) *la-ħazané-ki* (5) *wa-la-šeqšyé-ki* (6) *wa-ba-ħazán* (7) *ládi* (8) *wa-walid-áki* (9) *ħab|a* (10) *meté-ki* (11) *meqbá'é-ki* (12) *wa-we'éti* (13) *y|eqanney* (a) *-ki* (14).
- XVII *wa-la-adám-sá* (1) *y|ebél-ó* (2) *esma* (3) *samá'l|ka* (4) *qál|a* (5) *be's|t(é)-ka* (6) *wa-balá'ku* (7) *emenna* (8) *we'éti* (9) *'ed* (10) *za-azzaz|kú-ka* (11) *kama* (12) *i-tjéblá'* (13) *emenna* (14) *we'éti* (15) *'ed* (16) *bab|t|it-u* (17) *wa-balá'ku* (18) *regém|t|a* (19) *tékun* (20) *mèdr* (21) *ba-tagbá-ré-ka* (22) *wa-ba-ħazán* (23) *belá'* (24) *k'el|o* (25) *mawá'el|a* (26) *heywat|é-ka* (27).

- XVIII ašwāk (1) wa-amēkalā (2) yebqʿāl-ka (3) wa-belāʿ (4) šāʿra (5) gadām (6).
- XIX wa-ba-hafja (1) gašē-ka (2) belāʿ (3) ḥebesitā-ka (4) eska (5) tteḡabbeʿ (6) westa (7) marētē-ka (8) enta (9) emennē-hū (10) wadāʿka (11) esma (12) marēt (13) ānta (14) wa-westa (15) marēt (16) tteḡabbeʿ (17).
- XX wa-samāya (1) adām (2) semja (3) beʿ sit-ū (4) ḥeywāt (5) esma (6) yemm-ōmu (7) yeʿētī (8) la-ḥeywān (9).
- XXI wa-gābra (1) egziʿa-bhēr (2) la-adām (3) wa-la-beʿsit-ū (4) aʿdālja (5) zamāʿs (6) wa-albas-ōmu (7).
- XXII wa-yjebē (1) egziʿa-bhēr (2) nāhū (3) adām (4) kōna (5) kama (6) aḡadī (7) emennē-na (8) yāʿammer (9) šannāya (10) wa-ekūya (11) wa-yeʿzē-nī (12) yogī (13) yāʿammer (14) wa-yālēʿel (15) edē-hū (16) wa-yjenaš-šēʿ (17) em-ʿedja (18) ḥeywāt (19) wa-yjebelleʿ (20) wa-yšayyu (21) la-ʿalam (22).
- XXIII wa-awde-ō (1) egziʿ (2) egziʿa-bhēr (3) la-adām (4) emenna (5) gannātja (6) tadīā (7) kama (8) yteḡabbār-a (9) la-mēdr (10) enta (11) emennē-hū (12) wādʿja (13).
- XXIV wa-awde-ō (1) la-adām (2) wa-aḡdar-ō (3) qedmja (4) gannātja (5) tef-šēḡt (6) wa-azzaz-ōmu (7) la-surāfēl (8) wa-la-krubēl (9) ba-sāyfja (10) esāt (11) enta (12) tetmāyyaḡ (13) kama (14) yjeʿqāb-u (15) fenōtja (16) ʿedja (17) ḥeywāt (18).

ПЕРЕВОД

- I. Зверь (1) земли (2) мудрее (3) чем (4) всё его (5) зверя (6) что на (7) земле (8) что создал (9) господь (10) и говорит ей (11) зверь (12) земли (13) женщины (14) что ли (15) то (16) что говорит вам (17) господь (18) не ешьте (19) от дерева (20) от всего его (21) что в (22) саду (23).
Змея была мудрее всех зверей земных, которых создал господь; и сказала змея женщине: «Правда ли то, что сказал вам господь, — не ешьте ни от какого дерева в саду?»
- II. И говорит ей (1) женщина (2) зверю (3) земли (4) от (5) дерева (6) что плодоносит (7) в (8) саду (9) едим (10).
И сказала женщина змее: «От фруктовых деревьев в саду мы можем есть».
- III. А от (1) плода (2) дерева же (3) единственность его (4), что существовало (5) среди (6) сада (7) говорит нам (8) господь (9) чтобы (10) не мы съли (11) от него (12) и чтобы (13) не мы касались его (14) чтобы (15) не мы умерли (16) говорит (17).
«От дерева же только, что растёт среди сада, — сказал нам господь, чтобы мы не съли от него и не касались его, чтобы не умереть».
- IV. И говорит ей (1) зверь (2) земли (3) женщине (4) нет (5) смерти (6), что умрете (7).
И сказала змея женщине: «Вовсе не умрете».

V. Но (1) так как (2) знает (3) господь (4) что (5) в (6) день (7) поедите (8) от него (9) широко откроется (10) глаза ваши (11) и вы станете (12) как (13) боги (14) и узимете (15) добро (16) и зло (17)
«Но это потому, что знает господь, что в день, когда вы поедите от него, широко откроются глаза ваши и вы станете как боги и будете знать добро и зло».

VI. И когда (1) увидела (2) женщина (3) что (4) хорошо (5) дерево (6) для еды (7) и хорошо (8) для глаз (9) и для зрения (10) и добру (11) научит (12) сорвала она (13) плод его (14) и поела (15) и дала ему (16) мужу ее (17) с нею (18) и ели (19)

И когда решила женщина, что подходит дерево для еды и приятно на вид, и что оно научит добру, то она сорвала с него плод и поела, и дала также своему мужу, бывшему с нею, и ели.

VII. И открылся (1) глаза их (2) обоим их (3) и они узнали (4) что (5) голы их (6) они (7) и они слыли (8) листья (9) смоковницы (10) и сделали (11) им (12) набедренные повязки (13).

И открылись у них глаза, и они увидели, что они голы, и, слыя листья смоковниц, сделали себе набедренные повязки.

VIII. И услышали (1) шум (2) господа (3), когда (4) идет (5) в (6) саду (7) под (8) вечер (9) и спрятались (10) Адам (11) и жена его (12) от переда (13) господа (14) среди (15) деревьев его (16) сада (17)

И услышав шум шагов господа, идущего по саду к вечеру, спрятались от него среди деревьев сада.

IX. И окликнул его (1) господь (2) Адама (3) и говорит ему (4) где (5) ты (6).

И окликнул господь Адама, спросив его: «Где ты?»

X. И говорит ему (1) Адам (2) шум твой (3) и услышал (4) когда (5) ты шагаешь (6) в (7) саду (8) и я испугался (9) потому что (10) голый меня (11) и (12) и я спрятался (13)

И сказал ему Адам: «Я услышал шум твоих шагов, когда ты пошел по саду, и испугался, потому что я гол, и спрятался».

XI. И говорит ему (1) господь (2) кто (3) уведолил тебя (4) что (5) голый тебя (6) ты (7) когда (8) не ешь (9) то что ты поел (10) это (11) дерево (12) что я (13) запретил тебе (14).

И сказал ему господь: «Кто сказал тебе, что ты гол, если ты не поел от того дерева, что я запретил тебе?»

XII. И говорит (1) Адам (2) жена моя (3) которую (4) ты дал мне (5) со мною (6) пусть она живет (7) она (8) дала мне (9) и я поел (10)

И сказал Адам: «Жена моя, которую ты дал мне, чтобы она жила со мною, она дала мне, и я ел».

XIII. И говорит ей (1) господь (2) жене (3) это ли (4) ты сделала (5) И говорит (6) жена (7) змея (8—9) соблазнила меня (10) и я поела (11).

И сказала господь жене его: «Правда ли, что ты это сделала?»
И сказала женщина: «Змея соблазнила меня и я ела».

XIV. И говорит ей (1) господь (2) зверю (3) земли (4) так как (5) ты сделала его (6) это (7) проклята (8) будь (9) из всего его (10) скота (11) и из всего его (12) зверей (13) земли (14) посредством груди тебя (15) ходи (16) и прах (17) ешь (18) весь его (19) дни (20) жизни тебя (21).

И сказал господь змее: «За то, что ты сделала это, будь проклята из всего скота, из всех зверей земли, на груди своей ходи и прахом питайся во все дни жизни своей».

XV. Положу вражду (1) между тобой (2) и между (3) женщиной (4) между (5) семенем тебя (6) и между (7) семенем ее (8) оно (9) пусть сторожит (10) главу тебя (11) а ты (12) сторожи (13) пятую ее (14).

«Я положу вражду между тобой и между женщиной, между потомством твоим и потомством ее: оно пусть остерегается твоей головы, а ты остерегайся его пяты».

XVI. А женщине же (1) он говорит ей (2) умножением (3) умножу его (4) горе тебя (5) и мучение тебя (6) и с горем (7) рожай (8) а роды ты (9) у мужа тебя (10) прибежище тебя (11) и он (12) будет порабощать тебя (13).

А женщине он сказал: «Во много раз и увеличу горе твоё и мучение твоё; в горе рожай, а после родов прибежище твоё у мужа, который будет властвовать над тобой».

XVII. А Адаму же (1) он говорит ему (2) так как (3) ты видал (4) голосу (5) жены тебя (6) и ты ел (7) от (8) того (9) дерева (10) что я заповедал тебе (11) чтобы (12) не ел ты (13) от (14) того (15) дерева (16) единственность его (17) а ты поел (18) проклята (19) пусть будет проклята (20) земля (21) при труде тебя (22) и с горем (23) ешь все его (25) дни (26) жизни тебя (27).

Адаму же он сказал: «За то, что ты послушался жены твоей и ел от того дерева, от которого я наказывал тебе не есть, и только от него, а ты поел, пусть будет проклята земля под трудом твоим; с горем ешь во все дни своей жизни».

XVIII. Колоски (1) и сорняки (2) пусть вырастет тебе (3) а ешь (4) траву (5) поля (6).

«Колоски и сорняки пусть растут для тебя, а питайся полевыми травами».

XIX. И с потом (1) лица тебя (2) ешь (3) хлеб тебя (4) пока (5) возвратишься (6) в (7) землю (= прах) тебя (8), которая (9) из нее (10) ты вышел (11) ибо (12) прах (13) ты (14) и во (15) прах (16) возвратишься (17).

«В поте лица своего ешь хлеб свой до тех пор, пока не возвратишься в землю, из которой ты вышел; потому что ты прах и во прах возвратишься».

XX. И назвал (1) Адам (2) имя (3) жены его (4) жизнь (5) потому что (6) мать их (7) она (8) живущих (9).

И дал Адам имя своей жене «Жизнь», потому что она мать живущих.

XXI. И сделал (1) господь (2) Адаму (3) и жене его (4) одежды (5), что (-которые) кожа (6) и одел их (7).

И сделал господь Адаму и его жене кожаные одежды и дал им носить.

XXII. И говорит (1) господь (2) вот (3) Адам (4) стал (5) как (6) один (7) из нас (8) знает (9) добро (10) и зло (11) а теперь (12) может быть (13) он поймет (14) и подымет (15) руку его (16) и сорвет (17) с дерева (18) жизни (19) и поест (20) и будет жить (21) для вечности (22)

И сказал господь: «Вот Адам стал как один из нас, знает добро и зло, а теперь, может быть, он поймет в чем дело, подымет руку и сорвет плод с дерева жизни, съест его и будет жить вечно».

XXIII. И выгнал его (1) господни (2) господь (3) Адама (4) из (5) сада (6) изобилия (7) чтобы (8) он трудился над нею (9) землею (10) которая (11) из нее (12) он вышел (13)

И изгнал господь бог Адама из сада изобилия, чтобы он обрабатывал землю, из которой он вышел.

XXIV. И он выгнал его (1) Адама (2) и поселит его (3) перед (4) садом (5) радости (6) и показал им (7) серафиму (8) и херувиму (9) с мечом (10) огня (11) который (12) вращается (13) чтобы (14) они сторожили (15) путь (16) дерева (17) жизни (18)

И изгнал он Адама, и поселил его перед садом радости, поручил серафиму и херувиму при помощи вращающегося огненного меча охранять путь к дереву жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Крачковский И. Ю., *Введение в эфиопскую филологию*, Л., 1955. Содержание: I. Библиография. II. История изучения эфиопского языка. III. История изучения эфиопской филологии... IV. Абиссиния и эфиопская филология в России и в СССР. V. Состояние материалов по эфиопской филологии и задача дальнейшей разработки. VI. Библиография по Абиссинии и Южной Аравии (список книг и статей на русском, арабском, амхарском и западных языках, включая издания памятников эфиопской письменности, за исключением библейских).
2. Стрельцын С. [Реценз. на кн.] И. Ю. Крачковский, *Введение в эфиопскую филологию*, — журн. «Советское востоковедение», 1957, № 2, стр. 179—191.
3. Тураев Б. А., *Абиссинская литература*, — в сб. «Литература Востока», вып. 2, Пг., 1920, стр. 152—161. Список трудов Б. А. Тураева, в том числе изданий памятников письменности см. в № 1 (стр. 181—185, №№ 106—173 и стр. 208, №№ 724—729).
4. Юшманов Н. В., *Амхарский язык*, М., 1959, стр. 48, особенно стр. 20—21 (Лексика).
5. Bergsträsser G., *Einführung in die semitischen Sprachen. Sprachproben und grammatische Skizzen*, München, 1928, S. 96—112.
6. Cerulli E., *Storia della letteratura etiopica*, Milano, 1956.
7. Chaîne M., *Grammaire éthiopienne*, Beirut, 1907. Переиздано без изменений там же в 1938 г. Оценку см. в № 1, стр. 140—141; в библиографии имеет значение перечень изданий библейских текстов (стр. VI—IX и 268), который отсутствует в № 1.
8. Conti Rossini C., *Grammatica elementare della lingua etiopica*, Roma, 1941.
9. Dillmann A., *Grammatik der äthiopischen Sprache*. Zweite verbesserte und vermehrte Auflage von Dr. Carl Bezold, Leipzig, 1899.

10. Dillmann A., *Ethiopic Grammar*, Second edition... by Carl Bezold, Translated by James Crichton, London, 1907.
11. Dillmann A., *Chrestomathia Aethiopica edita et glossario explanata ab...*, Lipsiae, 1866; Editio stereotypa, Addenda et corrigenda (291—292) adiecta E. Littmann, Leipzig, 1941; Akademie Verlag, Berlin, 1960.
12. Dillmann A., *Lexicon linguae aethiopicae cum indice latino...* Lipsiae, 1865. Переведено фототипически в Нью-Йорке: F. Ungar, 1955.
13. Grébaud S., *Supplément au «Lexicon linguae aethiopicae» de August Dillmann (1865) et édition du «Lexique de Juste d'Urbain»*, Paris, 1952.
14. Littmann E., *Die äthiopische Sprache*, — в кн. «Handbuch der Orientalistik» herausgegeben von B. Spuler, Bd 3, Leiden—Köln, 1953, S. 350—375.
15. Littmann E., *Die äthiopische Literatur*, — там же, стр. 375—385.
16. Littmann E., *Sprache und Schrift der altäbessinischen Inschriften*, — в кн. «Deutsche Aksum—Expedition», Bd IV, Berlin, 1913, S. 76—82.
17. Maggiora, Gabriele P., *Vocabulario etiopico-italiano-latino ad uso dei partecipanti*, Asmara, 1953. (Единственный общий словарь в алфавитном порядке слов и с переводом на новый язык.)
18. Mittwoch E., *Die traditionelle Aussprache des Äthiopischen*, Berlin u. Leipzig, 1926.
19. Moreno, Martino Mario, *Letteratura etiopica*, — в кн. «Le civiltà dell'Oriente», vol. 2, Letteratura, Roma, 1967, p. 27—58.
20. Moscati S., *Lezioni di linguistica semitica*, Roma, [1960].
- 20a. Moscati S., Spitaler A., Ullendorff Ed., W. von Soden, *An introduction to the comparative grammar of the semitic languages. Phonology and morphology*, Wiesbaden, 1964.
21. «The Octateuch in Ethiopic according to the text of the Paris codex with the variants of five other manuscripts», edited by J. O. Boyd. I. *Genesis*, Leiden, 1909; II. *Exodus and Leviticus*, Leiden, 1911 (Bibliotheca Aethiopica, Editor E. Littmann). После изданий Дильмана 1853—1884, не доведенных до конца, это единственное научное издание Бытия, Исхода и Левита — книг, оказавших огромное влияние на развитие эфиопского языка.
22. Prætorius F., *Äthiopische Grammatik*, Karlsruhe u. Leipzig, 1886 (Porta Linguarum orientalium VII). Переведено в Нью-Йорке фототипией: F. Ungar, 1955. Несмотря на краткость, имеет новое по сравнению с № 5. Начальная хрестоматия немного меньше, чем у Шена (№ 9), но более тщательно издана.
23. Rundgren F., *Intensiv und Aspektkorrelation. Studien zur äthiopischen und akkadischen Verbalstamm-bildung*, Uppsala—Wiesbaden, 1959.
24. Ullendorff Ed., *The Semitic languages of Ethiopia*, London, 1955.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
От автора	8
Введение	9
Письмо	14
Фонетика	19
Структура слова	30
Лексика	38
Словообразование	43
Морфология	44
Местоимение	44
Имя	53
Числительные	63
Глагол	66
Частицы	89
Синтаксис	92
Приложения	111
Текст	111
Библиография	118

Всеволод Павлович Старинин
ЭФИОПСКИЙ ЯЗЫК

*Утверждено к печати Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР*

Редактор *Г. А. Давыдова*, Технический редактор *С. В. Цыганкова*,
Корректор *М. Э. Шафранская*

Сдано в набор 30/V 1966 г. Подано в печать 3/VI 1967 г.
 Д-00617. Формат 60x90/16. Печ. л. 7,5+1 вкл. (6,23 п. л.)
 Уч.-изд. л. 7,30. Тираж 1600 экз. Изд. № 1036 Зак. № 821.
 Цена 44 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
 3-я типография издательства «Наука», Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

Глагол со слитным местоимением

Лица форм глагола	Слитные местоимения единственного числа					Слитные местоимения множественного числа					
	1-е л. -ni	2-е л. м. р. -ka	2-е л. ж. р. -ki	3-е л. м. р. -o или -hu	3-е л. ж. р. -a или -ha	1-е л. -na	2-е л. м. р. -kemu	2-е л. ж. р. -ken	3-е л. м. р. -omu или -homu	3-е л. ж. р. -on или -hon	
на -а	nagara nagarka nagarna	nagar-ni nagarka-ni —	nagara-ka — nagarna-ka	nagara-ki — nagarna-ki	nagar-o nagark-o(1) nagarna-hu	nagar-a nagark-a(3) nagarna-ha	nagara-na nagarka-na —	nagara-kemu — nagarna-kemu	nagara-ken — nagarna-ken	nagar-omu nagark-omu nagarna-homu	nagar-on nagark-on nagarna-hon
на -а	nagard tenaggera yenaggera	nagard-ni tenaggera-ni yenaggera-ni	nagard-ka — yenaggera-ka	nagard-ki — yenaggera-ki	nagard-hu tenaggera-hu yenaggera-hu	nagard-ha tenaggera-ha yenaggera-ha	nagard-na tenaggera-na yenaggera-na	nagard-kemu — yenaggera-kemu	nagard-ken — yenaggera-ken	nagard-homu tenaggera-homu yenaggera-homu	nagard-hon tenaggera-hon yenaggera-hon
	negrā nagarā nagarāmu	negrā-ni — nagarāmu-ni	— nagarā-ka —	— nagarā-ki —	negrā-hu nagarā-hu nagarāmu-hu	negrā-ha nagarā-ha nagarāmu-ha	negrā-na nagarā-na nagarāmu-na	negrā-kemu nagarā-kemu —	negrā-ken nagarā-ken —	negrā-homu nagarā-homu nagarāmu-homu	negrā-hon nagarā-hon nagarāmu-hon
на -а	nagaru tenaggeru yenaggeru nageru	nagaru-ni tenaggeru-ni yenaggeru-ni nageru-ni	nagaru-ka — yenaggeru-ka —	nagaru-ki — yenaggeru-ki —	nagaru-hu tenaggeru-hu yenaggeru-hu nageru-hu	nagaru-ha tenaggeru-ha yenaggeru-ha nageru-ha	nagaru-na tenaggeru-na yenaggeru-na nageru-na	nagaru-kemu — yenaggeru-kemu —	nagaru-ken — yenaggeru-ken —	nagaru-homu tenaggeru-homu yenaggeru-homu nageru-homu	nagaru-hon tenaggeru-hon yenaggeru-hon nageru-hon
на -а	nagarki tenaggeri nageri	nagarki-ni tenaggeri-ni nageri-ni	— — —	— — —	nagarki-hu tenaggeri-hu nageri-hu	nagarki-ha tenaggeri-ha nageri-ha	nagarki-na — —	— — —	— — —	nagarki-homu — —	nagarki-hon — —
	nagarati nagaraken	nagarati-ni —	nagarati-ka —	nagarati-ki —	nagarati-hu nagaraken-hu(2)	nagarati-ha nagaraken-ha	nagarati-na(4) —	nagarati-kemu —	nagarati-ken —	nagarati-homu nagaraken-homu	nagarati-hon nagaraken-hon
на со- звучий	enagger tenagger yenagger neger	— tenagger-ni yenagger-ni — neger-ni	enagger-ka tenagger-ka yenagger-ka nenagger-ka	enagger-ki tenagger-ki yenagger-ki nenagger-ki	enagger-hu tenagger-hu yenagger-hu nenagger-hu neger-hu	enagger-ha tenagger-ha yenagger-ha nenagger-ha neger-ha	enagger-na tenagger-na yenagger-na nenagger-na neger-na	— yenagger-kemu nenagger-kemu —	— yenagger-ken nenagger-ken —	enagger-homu tenagger-homu yenagger-homu nenagger-homu neger-homu	enagger-hon tenagger-hon yenagger-hon nenagger-hon neger-hon
на со- гласной в субъюнк- тиве (исключе- ние)	enger tenenger yenger nenger	— — — —	enger-ka — yenger-ka —	enger-ki — yenger-ki —	— — — —	— — — —	— enger-kemu yenger-kemu —	— enger-ken yenger-ken —	— — — —	— — — —	— — — —

(1) nagark-o—nagark-hu

(2) nagark-hu—nagark-hu

(3) nagark-a—nagark-ha

(4) nagark-ha—nagark-ha